

Сергей ПЛЕХАНОВ
РЕФОРМАТОР НА ТРОНЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга о Его Величестве Кабусе бин Саиде явилась результатом многолетних раздумий автора над основополагающими явлениями жизни современного мира. За минувшее столетие народы всех континентов пережили такие социальные и военные потрясения, которые камня на камне не оставили от тех идеалистических представлений, которыми жил век девятнадцатый. Революционные теории всех мастей познали бурный расцвет и сгнули, оставив разочарование и пустоту. Гигантские империи, взрастившие экономическую и военную мощь, невиданную никогда прежде, рухнули, подточенные бездуховностью. И на дымящихся руинах, которыми так богато двадцатое столетие, люди всякий раз обращали взоры к прошлому, искали там незыблемых образцов разумного и справедливого устройства частной и общественной жизни.

Тем отраднее сознавать, что на земле уцелели общества, покоящиеся на традиционных ценностях, уходящих корнями в далекое прошлое. Но не закосневшие в неподвижности, а полные воли к жизни и обновлению. К их числу принадлежит оманское общество. Его тоже пытались разрушить люди, одержимые демонической гордыней и жаждой власти. Но монархический строй, преданность народа древней династии и религии предков стали неодолимой преградой для тех беснующихся умов, которые стали рабами революционной догмы. Истинное преображение древней земли произошло благодаря усилиям ее монарха.

В работе по осмыслению бесценного опыта современной монархии, доказавшей свою жизнеспособность и гибкость, автора вдохновляли не только политические предпочтения, но и красота выверенных временем институтов власти и связанных с ними

культурных традиций. Встречи с выдающимися политическими деятелями современного Омана, с его интеллигенцией и простыми людьми, позволили составить объемное и многоплановое представление о стране и ее лидере.

В заключение выражаю признательность всем, кто помогал в работе над книгой и в ее издании, в том числе организациям и отдельным лицам в Омане и за его пределами.

Автор

Москва – Маскат

23 июля 2003

ТРЕВОЖНАЯ ОСЕНЬ

Южное побережье Аравии, омываемое океаном, даже старожилам этих мест никогда не казалось таким пустынным, как глубокой осенью 1940 года. Небольшой городок Салала, расположенный на узкой полосе между водным простором Лунного залива и зелеными склонами горного массива Дофар, и так нечасто видел большие корабли, а теперь из-за войны на морях между Англией и ее врагами эти края на годы оказались предоставлены сами себе. Только арабские парусники *доу*, идущие из Омана и сопредельных стран в Восточную Африку, оживляют океанскую гладь. Да местные рыболовецкие *ленги* время от времени скользят против окон старого дворца Аль Хусн (Крепость), осененного кокосовыми пальмами.

Салала давно стала излюбленным местом пребывания оманских султанов. Здешний климат разительно отличается от климата остальной Аравии. Летом океанский муссон приносит к побережью напитанные влагой облака. Они идут низко и, зацепившись за гребень Дофарских гор, проливаются дождем над прибрежной полосой. Три месяца продолжается это

благословенное время, которое здесь называют *хариф*. Облака не дают палящему аравийскому солнцу выжечь увлажненную муссонами землю.

Оттого вся она покрыта богатой растительностью, здесь, в этой арабской стране, можно увидеть деревья привычные для Индии или Африки – папайи, бананы, кокосовые пальмы. А всего в десятке миль отсюда – за горным гребнем – тянется безжизненное плато Дофар, оживляемое редкими корявыми деревцами, покрытыми крохотными чешуйчатыми листьями. Это ладанное дерево, некогда бывшее источником богатства дофарской земли. Но эпоха, когда благовония служили основой процветания, закончилась задолго до того, как императорский Рим обратился в руины.

Султан Саид бин Теймур занял трон после того как отец его отрекся от престола и уехал в Британскую Индию. Как и в годы правления его предшественника, мрачная тень мировой войны опять заслонила исторический горизонт. Наверное, он не раз задавал себе вопрос, что будет с Оманом завтра, когда мир станет иным? Когда его отец Теймур взошел на престол, ближайшим соседом страны была Оттоманская империя, в нескольких сотнях верст от Залива, в персидском Исфагане стояли казачьи части под командой русских офицеров, и казалось, нет силы способной остановить неуклонное приближение русских к его берегам. А через несколько лет от обеих громадных империй остались жалкие клочки, их земли терзали интервенты, сотрясали внутренние смуты...

18 ноября 1940 года любимая жена султана досточтимая госпожа Мизун разрешилась от бремени. Султан в тот день был за тысячу верст от Салалы – в столице страны Маскате, лежащей на севере – и смог увидеть своего сына только по прошествии целого

года. Мальчику дали имя Кабус, довольно редкое в арабском мире. Его носил когда-то один из знаменитых арабских вождей.

С первой минуты появления новорожденного на свет его судьба стала отлична от судеб миллионов младенцев, пришедших в мир в те же дни. С момента своего наречения, он будет именоваться *сейидом*, что соответствует европейскому титулу Его Высочество. Он рожден царствовать, в то время как бесчисленное множество его сверстников будут вести ежедневную борьбу за кусок хлеба насущного. А ему предстоит борьба за лучшую жизнь для всех.

Великая тайна – происхождение всякого живого существа. Тысячи причин обусловили то или иное сочетание условий для появления на свет каждого из его предков и их встречи друг с другом. Какая же невероятная цепь событий приводит к рождению тех, кому принадлежит власть над миром, кто назначен Провидением быть ответчиком за судьбу своей земли, своего народа перед Всевышним!

Вера в священное назначение царей была свойственна людям всех рас и культур, и начиналась она, наверное, с осмысления неисповедимой прихотливой игры исторического рока, выносившего смертного на гребень земного могущества. Столь же значительной представлялась людям далеких эпох связь имени человека с его судьбой. Тем большее значение придавалось наречению носителей монаршей крови. Магия имени до сего дня не изжита – давая потомку имя, выбранное в честь великих и прославленных пророков, апостолов, халифов, султанов и королей, каждый надеется, что младенцу передастся часть той силы и таланта, которая прославила прежних носителей этого имени.

Мы, конечно, не сможем восстановить ход мыслей Саида бин Теймура, выбравшего для своего сына редкое имя Кабус. Вряд ли он и сам по прошествии времени смог бы вспомнить все те

соображения, которыми руководствовался – слишком неуловим процесс мышления. Мы можем только предполагать, в каком настроении он встретил весть о рождении своего первенца. Будущее представлялось настолько смутным, что не будет преувеличением предположить, что опору для себя он искал в те дни в историческом прошлом.

В доисламскую эпоху возникло первое арабское государство Лахмидов. Незадолго до начала проповеди пророка Мухаммеда там правил царь аль-Мунзир Третий. Его сын Кабус командовал войском, сражавшимся против бунтовщиков Гассанидов. Древний поэт с восхищением описал мужественного воина:

*... в битву он бросается яростно,
Кольчуга его крепка, железная, гибкая,
И белый острейший меч, разящий безжалостно.*

Будучи широко образованным человеком, Саид бин Теймур хорошо знал литературу Востока и Запада, вполне возможно, что в те дни на его столе могло оказаться “зерцало царей” - “Кабус-намэ”, классическая книга, посвященная воспитанию государя. Ее герой – мудрый монарх из династии Зийаридов, в конце 10 века правивший небольшим государством на севере Ирана. Книга о Кабусе, созданная еще в 11 веке на персидской территории, получила широкое распространение на всем Среднем Востоке. Оман веками был связан с Ираном дружбой-враждой (обе страны соперничали за преобладание в Заливе), и по временам большие куски их территории становились добычей то одного, то другого из соседей. А посему взаимопереплетение исторических судеб и культур двух народов всегда было велико.

В момент рождения наследника оманского престола в Иране правил шах Реза Пехлеви, враждебно относившийся к Англии и с симпатией взиравший на грандиозный эксперимент Гитлера, вознамерившегося вернуть человечество во времена сотворения

мифов и как бы заново начать историю. Для народов, которым когда-то принадлежало первенство, а затем на долгие века попавших на положение чужих данников, не кажется несбыточной мечта о возвращении к той точке в развитии, когда можно как бы переиграть историческое действие с чистого листа.

Оман тоже принадлежит к числу тех немногих избранных стран, которым дано было стать великими державами. Тем острее было чувство исторической несправедливости, которое возникало у образованных арабов при взгляде на карту, где большая часть земель, принадлежавших им прежде, была окрашена в цвета европейских империй.

Саид бин Теймур повидал свет. Незадолго до мировой войны он посетил Америку и встретился с президентом Рузвельтом, побывал с визитами в Токио, в Лондоне, в Париже и в Риме. Как наблюдательному человеку ему не могло не броситься в глаза, что в Старом и Новом свете по разному представляют себе как историю, так и географию. Если в Европе было в какой-то степени распространено понимание взаимосвязи разных цивилизаций и их преемственности, то в Америке поражала самодостаточность. Это нашло отражение и в одном из главных атрибутов западной цивилизации - в географических картах. С началом периода всемирной экспансии Запада империи, боровшиеся за первенство, видели в картах своего рода знамена собственного величия. В кабинете всякого британского чиновника висела карта, на которой Соединенное Королевство распласталось по всей Земле как царственная мантия. Те же амбиции обнажали творения американских картографов – случалось, их собственный континент они представляли как ось земли, а Старый Свет, разрубленный пополам, словно говяжья туша, отодвигали к краям карты.

Последние недели 1940 года стали тем редким историческим моментом, когда карта мира перестает быть политическим

атрибутом, но становится рабочим документом монархов, президентов, политических деятелей всех рангов. Каждый день они пытаются предугадать, как передвижение флажков, отмечающих смещение линий фронтов, скажется на будущем изменении цветов карты мира. Султан Саид бин Теймур наверняка тоже немало времени провел, созерцая очертания материков, ставших ареной небывалой по масштабам борьбы.

На карте мира, привычной для взора большинства землян, центральное положение и тогда, и поныне занимает не американский континент. Почти в середине ее группируются основные центры цивилизации древнего мира, давшие начало всем современным культурам. Месопотамия, Египет, долина Инда окружают со всех сторон область, где возникли шумеро-вавилонская, ассирийская, иранская и сабейская цивилизации. Это два рукава Индийского океана, глубоко врезавшихся в сушу – Красное море и Залив, служащий продолжением Аравийского моря. Именно на их берегах когда-то возникли первые государства, расцвели могучие культуры и произошли духовные революции, вознесшие человека из мира зверей на престол властелина природы. Но с течением тысячелетий старый центр мира превратился в захолустье, а окраины древней ойкумены стали мировыми метрополиями, на которые равняется весь род человеческий.

Осенью 1940 года земли, ставшие колыбелью цивилизации, оказались на обочине истории. Судьбы мира решались на полях сражений, которые полыхали на дальних подступах к Индийскому океану. Еще недавно безраздельно господствовавшая на этих жарких просторах Великобритания боролась за жизнь с могучим и удачливым врагом, на которого с тайной надеждой взирали все те, кто оказался под пятой англичан. Военная и политическая элита Ирака, Ирана, Турции, Палестины, Египта с нетерпением ловила

вести о ходе “битвы за Англию”, развернувшейся в серых облачных небесах далекой Европы. Германские боевые самолеты уже проносились и над северной частью Залива перед посадкой на иракские аэродромы, а некоторые долетали до Бахрейна и бомбили английские военные базы. Итальянские барражировали над Красным морем, готовые к броску на британские транспорты, идущие в сторону Суэца. Союзная немцам Япония оттеснила британцев с Дальнего Востока и из Юго-Восточной Азии, оккупировала Индонезию, положив конец колониальной власти голландцев. Таких масштабов борьбы за передел мира еще не знала история. Если германский реванш за поражение в первой мировой войне удастся... Даже самое смелое воображение не решалось представить последствий возникновения Тысячелетнего Рейха.

Одна из немногих стран арабского мира, сохранившая свою независимость за долгие века иноземных вторжений, родина Саида бин Теймура, оказалась накануне второй мировой войны в труднейшей ситуации из-за полного оскудения государственной казны и все осложнявшихся проблем как внутри страны, так и на ее рубежах. Поэтому, размышляя о судьбе своего новорожденного сына, которому когда-нибудь предстояло сменить его на троне, султан не мог отделаться от невеселых мыслей. Быть может, вместо сложившейся у элиты Востока традиции изучения английского языка, знакомства с культурой и государственными институтами Великобритании, ему придется осваивать основы западной цивилизации совсем по иным образцам?

ЗЕМЛЯ, ОКЕАН, ЛЮДИ

Впрочем, до учения дойдет не скоро. Сначала сейид Кабус познает ближний, но такой загадочный мир. Как только он начнет ходить, его первые открытия будут сделаны в покоях старинного дворца. Сколько здесь восхитительных и загадочных предметов!

Старинные ларцы и украшенные инкрустацией ружья. Длинные слегка изогнутые мечи и маленькие щиты из кожи. Персидские и кашмирские ковры. Зеркала в золоченых рамах и резные подставки для книг. И сами книги – сотни и тысячи фолиантов.

Воздух напоен благовониями – там и сям попадаются ярко расписанные курильницы из обожженной глины, над которыми поднимается дым. Здесь, в Дофаре, каждое жилище – от резиденции монарха до сплетенной из пальмовых листьев хижины кочевника – окуривается ладаном.

Первые самостоятельные шаги за пределами дворца – и новые потрясающие открытия. Громадные, уходящие в небо стволы кокосовых пальм. Их рощи сплошной полосой тянутся за стеной, отделяющей дворец от города. Гладкое песчаное побережье, легкой покатостью спускающееся к океану. И сам океан – беспредельное пространство, незаметно смыкающееся с небом в блещущей дали. Иногда он лежит неподвижно, лишь изредка всплескивая короткой волной. Но чаще поверхность его вздымается, увенчанные пеной валы один за одним накатывают на берег и с глухим шипением гаснут у самых ног мальчика. А когда океан откатывается во время отлива, тогда на мокром песке остается столько всякой всячины, что Кабус готов часами возиться с обретенными сокровищами – раковинами всевозможных форм, морскими звездами, крохотными крабами, судорожно закапывающимися в норки.

Когда Кабусу исполнится три года, жизнь вокруг резко переменится. Неподалеку от Салалы возникнет английская военно-воздушная база, которая станет одним из главных пунктов воздушного пути из Европы на Средний Восток и в Индию. После побед над немцами в Северной Африке, империя снова начнет активные действия против японцев в Бирме. В Салале станут приземляться и тяжелые самолеты американцев, занятые

переброской военного снаряжения через Иран на Дальний Восток и в Россию.

Принц подолгу стоит у окна, наблюдая, как заходят на посадку и взлетают темно-серые транспортные машины, похожие на тунцов, как проносятся над плетеными крышами крестьянских и рыбацких хижин истребители, разрисованные как хищные птицы или морские чудовища.

Территория военной базы обнесена заграждением из колючей проволоки, на вышках видны часовые у пулеметов. Солдаты-африканцы, солдаты-индусы, солдаты-гуркхи, белокожие солдаты– кого только не увидишь здесь. И многие из них радостно приветствуют сейида Кабуса, когда его провозят мимо базы во время автомобильной прогулки. Как радостно мальчику сознавать себя частью этого мужского братства, объединившего людей со всех концов земли!

Это только первые прикосновения к загадочному миру взрослых людей. Время его познания придет позже, когда великая война уже станет историей, зато полем битвы сделается земля Омана. Кабус, как и его отец будет воспитан в той духовной среде, которая много веков назад сложилась в Аравии и почти без изменений просуществовала до середины 20 века. И культуру Запада он также будет познавать через призму англосаксонской цивилизации, которая все-таки одержит верх над германизмом. Мы не можем детально проследить за становлением личности будущего монарха, но в нашей власти перенестись воображением в ту эпоху, в тот мир, в котором он рос.

Один из первых вопросов, который начинает задавать взрослым маленький сейид: почему моя страна зовется Оманом? Для других его сверстников время таких вопросов наступит гораздо позднее. Для принца название отечества – не отвлеченная идея. Ему предстоит носить титул, который, по сути дела, станет

неотъемлемой частью его собственного имени – Кабус бин Саид, султан Омана. Поэтому он нередко размышляет о рассказанном старшими. Они говорят, что никто точно не знает происхождение названия страны. Известно только, что за несколько веков до начала проповеди величайшего из посланников Аллаха римские историки и географы знали название Оман. Арабские писатели в начале исламской эпохи по-разному пытались объяснить его: одни утверждали, что это имя племени, другие полагали, что это название долины в Йемене, где когда-то обитали могущественные *аздиты*, затем занявшие юго-восток Аравии. Существовали и мнения, что название произошло от имени человека, построившего здесь город. Конечно, последнее объяснение было самым привлекательным – можно было представлять себе, как загорелый мускулистый вождь распоряжается возведением оборонительных стен в дикой необжитой стране, как он и его соплеменники отражают нападения львов, как сражаются с иноземцами.

Курильницы с ладаном, расставленные повсюду во дворце, наверное, воспринимались как что-то само собой разумеющееся. Тем удивительнее было узнать, что когда-то по всей земле эти полупрозрачные кусочки затвердевшей древесной смолы считались величайшей ценностью и с благоговением приносились в жертву богам. Тогда люди еще не знали единого Бога, быть может, из-за множества тех, кому они поклонялись, и ладана требовалось так много?

Во всех храмах Земли воскурялись благовония, добываемые на плато Дофар. Затвердевшая смола неказистого деревца, растущего по опаленным солнцем лощинам, стала одним из самых ценных товаров древнего мира. Местность, поставлявшая его на рынки от Китая до Рима, получила у античных писателей наименование *Arabia Felix* (Счастливая Аравия). Наверное, не спроста трудные времена для этой земли настали с упадком

Римской империи и ее богов. На всю громадную державу остался один Иисус...

На территории Омана веками существовали три различных культуры, три общества. Первое - морское, второе - оазисно-земледельческое, третье - кочевое. Взаимодействие между ними было условием единства страны. Но если приморские жители были склонны к переменам и заимствованиям, то у обитателей внутренних районов гораздо сильнее была приверженность племенным обычаям. То, что разные части страны не слились в однородное целое, стало причиной большого культурного многообразия.

Оман никогда не был густо заселен из-за ограниченности земельных ресурсов, пригодных для возделывания. Важнейшие земледельческие районы тянутся узкими полосами вдоль берега Оманского залива и склонов хребта Джебель Аль Ахдар, где количество осадков относительно велико и где имеются источники пресной воды. Да есть еще несколько оазисов и небольшие угодия в разных частях Омана, особенно в местности Аш-Шаркия. А океан служит транспортным путем и изобилует рыбой. Но в десятке верст за хребтом начинается пустыня. Почти тысячекилометровый путь от гор до узенькой полоски земли, где лежит Салала, проходит по почти безводной, лишенной растительности равнине. Если отклониться от этой дороги, идущей на юг, и повернуть к западу в сторону священной Мекки, вскоре увидишь громадные песчаные барханы – Руб эль-Хали, в переводе с арабского Пустая Четверть. Одна из величайших пустынь земли, почти лишенная колодцев, почти лишенная жизни. Веками она служила непреодолимым рубежом, отгораживавшим Оман от любого завоевателя с суши.

Арабские корабли, которые бороздят солнечный простор океана, называются по-разному. Принц уже отличает большие *бумы*, *ленги*, *багли* от *самбуков* и *джалибутов*. Он знает, что

рыбаки предпочитают *баданы* и *бакара*. Когда людям нужна хорошая новая посуда для морского промысла, они отправляются на север, в Сур. Там могут сделать любую лодку, любой океанский парусник. Кабус мечтает о том дне, когда он подрастет и тоже поедет в Сур. Тогда он сам увидит на старой верфи, заваленной грудями стволов тикового дерева, привезенных из Индии, остова различных судов. А пока он представляет себе города, лежащие далеко на севере, по рассказам старших. Он так часто и подробно расспрашивает их о том, как живут люди в разных частях Омана, что может вообразить себя в разных местностях, среди незнакомых людей. Он обожает географию. Листая книгу об Омани, принц подолгу рассматривает фотоснимки. И незаметно переносится мыслями то в один город, то в другой...

Вот он представляет себе Сур. Старая верфь на берегу бухты Аль Батх. Рабочие действуют молча. Каждый занят отдельным узлом конструкции судна. Топоры, пилы и долота вонзаются в красно-коричневую древесину, издавая удивительно слаженные звуки. И слышится странная музыка, рожденная металлом и деревом, под эти звуки можно незаметно перенестись помыслами в океанский простор, к зеленым блаженным островам, куда пойдет под свежим ветром этот корабль. Могучие удары волн будут проверять на крепость хрупкую с виду конструкцию. Теперь киль со шпангоутами похож на обглоданный рыбий скелет, но когда его обошьют досками, он станет несокрушимым на долгие десятилетия.

Узкий залив, где расположилась верфь, усеян чайками. Над прибрежными холмами поднимаются круглые башенки фортов. Красные флаги султаната полощутся на свежем соленом ветру. Если плыть прямо в море, оставив Сур за кормой, через сотню с небольшим миль уткнешься в побережье океана, где сходятся Иран и Британская Индия. Неподалеку оттуда лежит гавань Гвадар,

принадлежащая Оману, со всех сторон окруженная британскими владениями. Последняя заморская территория некогда великой империи.

Но большие суда редко идут в сторону севера. Бумы и доу движутся вдоль побережья – одни на восток, те, что держат путь в Африку, другие на запад, те, что возвращаются в порты Залива. А те из них, что несут на корме красный флаг, направляются в Маскат или Сохар...

Каждый город в Омане отличается от остальных не только промыслами и характером жителей. Даже одежда и язык в каждой местности имеют свои особенности. А в Суре заметно больше темнокожих – город веками был связан с африканской торговлей.

В те времена, когда в приморские области Омана попали предки нынешних темнокожих подданных, султан Саид бин Султан проводил в его заморских владениях даже больше времени, чем в Маскате. Там он посещал свадьбы и праздники своих рабов, веселился вместе с ними.

В этом смысле схожая картина существовала в патриархальной русской деревне, где помещик управлял своими крепостными как строгий, но любящий отец, а не тиран. Однако, под пером революционных публицистов крепостное право преобразилось в рабство, а самих крепостных досужие гуманисты именовали рабами, нимало не заботясь о человеческом достоинстве этих людей.

Столько же демагогии было и в пропагандистских наскоках европейских журналистов, воспылавших нелюбовью к работорговле. Они уподобляли несравнимое – каторжный труд черных африканцев на плантациях Северной Америки и патриархально-семейную зависимость в мусульманских общинах. Такое механическое перенесение европейских понятий на иные области жизни Востока оборачивалось непониманием и враждой,

до сих пор питающими высокомерие, с одной стороны, и фундаментализм, с другой...

Найти свое место в общине старинного приморского города Сура выходцам из Африки, возможно, помогало и то, что здешняя музыка и песни напоминали те, что были привычны для обитателей побережья от Сомали до Мозамбика. Арабская культура давно переплелась там с культурами черных племен, образовав причудливый мир, говоривший на языке суахили, танцевавший в горячих экваториальных ритмах. Не из тех ли краев залетела мелодия песни сурских моряков “Шубани”? А может она родилась в Суре, но пряный колорит ей придало исполнение под аккомпанемент барабанов и нумана, шестиструнной лиры, завезенной когда-то сюда африканскими невольниками.

...Если Сур навевал мысли о неведомых землях, об океанских странствиях, то селения, лежащие за хребтом на границе пустыни, пробуждали в воображении совсем иные картины. Старинная Низва, окруженная полукольцом гор, почти вся укрыта кронами пальм. Лишь форты да минареты вздымаются над морем зелени. Эта роскошная растительность, вдруг встающая стеной после многодневного пути по бесплодной земле, кажется райским садом. Думы о вечности, о покое невольно завладевают путником. Очарование оазиса таково, что он кажется центром земли, который нет сил оставить.

Джебель-Ахдар, нависающий над Низвой, порос невысоким кустарником, а если подняться на гребень первой горы, откроется голая вершина Джебель Шамс. Там так высоко, что зимой склоны на несколько недель белеют, словно обсыпанные солью. Так, во всяком случае, говорят местные старики. В поднебесье этом почти нет селений, кто же выдержит такой холод! Только пастухи забираются туда со своими отарами. Живущие у хребта люди кажутся более спокойными, менее разговорчивыми, чем южане. Как

не похожи они на жителей Дофара! У них и песни совсем иные – в них слышится светлая грусть, в их протяжности есть сродство с пейзажем пустыни, открывающимся с высоты.

Низва - центр серебряных ремесел. Здесь изготавливают ханджары - кинжалы, украшающие пояс любого мужчины . Изумительная чеканка по серебру и золоту, украшения ножен из витой серебряной проволоки, наборные пояса, а главное – искусно сделанные рукоятки из дерева, слоновой кости и рога носорога – вот что создало славу Низвы.

Каждый бедуин обязательно приведет на здешний базар своих верблюдов или овец для продажи, чтобы потом заказать умельцу разукрасить серебряными бляхами приклад своей винтовки, а еще лучше сделать серебряную всечку на стволе со стихом из Корана. Своим женам он привезет отсюда массивные браслеты для рук и ног, кольца, серьги и подвески. Да еще прикупит несколько пудов отменных фиников. И целый год потом будет вспоминать прохладную воду из *фаладжа*, которой слаще не сыщешь от моря до моря.

Юному принцу много рассказывали об удивительном изобретении древних земледельцев, которое исправно работало и в давние времена, и ныне. Фаладж – это подземный канал, прорытый от источника на склоне горы в долину. Вода поступает в селения и на поля, сохранив свежесть и вкус в самые жаркие дни.

Низва славилась на весь исламский мир своими учеными мужами. Отсюда пошло несколько школ исламского права. В здешних медресе учились студенты со всей Аравии. А древние мечети города и его крепости становились образцами для подражания далеко от этих мест.

Если ехать от Низвы вдоль хребта в сторону Договорного Омана¹, то и дело будешь встречать небольшие оазисы и

¹ С 1971 г. Объединенные Арабские Эмираты.

старинные крепости. Совсем недалеко первая из древних твердынь, построенная еще до эпохи ислама – Бахла. Громадные осыпающиеся руины и сегодня способны дать приют целой армии, и она сможет долго удерживаться в них.

В нескольких милях далее высится замок Джибрин, укрепленный дворец имамов. Издали он похож на броненосец. Аскетичный чисто выметенный двор, несколько старинных пушек на деревянных лафетах, огромные потрескавшиеся кувшины, шеренгой выстроившиеся у стены. Внутри дворца протекает фаладж, освежая сухой горячий воздух пустыни. Своды покрыты изящно выписанными цитатами из Корана - лежа на персидском ковре можно вновь и вновь перечитывать отрывки из священных сур, погружаясь в их сокровенный смысл. Поднявшись на крышу, можно увидеть гряду невысоких каменистых холмов по одну сторону дворца и бескрайнюю скудную равнину - по другую. В мечети, расположенной на крыше дворца, его владелец пять раз в день представлял перед Аллахом, но случалось, и укрывался от опасности. Узкие бойницы в стенах мечети, служили не только для наблюдения за мятежниками или иноземными интервентами. Здесь, на границе двух миров, у врат великой пустыни, имам возносил молитвы о своем народе, здесь он внимал голосам земли, умиротворенным или возмущенным.

В одном из помещений нижнего этаже дворца расположена могила имама Балараба бин Султана, построившего Джибрин в конце 17 века. В этом замке он несколько лет выдерживал осаду, предпринятую его родным братом Саифом, здесь же окончил свои дни. Мавзолей Саифа в полусотне миль отсюда, за хребтом Джебель-Ахдар, под защитой крепости Рустака. Земля уравнила тех, кто не смог поделить власть при жизни.

На запад от Джибрина можно увидеть еще много сторожевых башен и фортов, цепью протянувшихся вдоль древнего торгового

пути. Перебираясь от одной крепости к другой, шли когда-то караваны с благовониями. Укрепления давали приют воинам, которые в случае надобности могли быстро прийти на помощь купцам, подвергшимся нападению из пустыни. За несколько дней верблюд с поклажей мог пройти этой дорогой до группы оазисов Бурейми, одного из самых шумных и оживленных мест Аравии. Если отправиться из Низвы по дороге, ведущей через хребет к океану, то попадешь в Батину. Так от арабского *батин* (внутреннее, скрытое) зовется низменность, лежащая между хребтом и водным простором. Ширина ее от нескольких миль до десятка, а протянулась она на две сотни миль. Там где Батина кончается, и горы подступают вплотную к морю, лежит Маскат. Само имя города от арабского *маскат* (место падения) отразило природу места: здесь горы падают в океан...

С древнейших времен именно Батина была самым привлекательным местом на востоке Аравии. Достаточное годовое количество осадков и богатые запасы подпочвенных вод сделали эту плодородную равнину житницей всех прилегающих областей. Финиковая пальма, зерновые, масличные культуры выращивались и выращиваются по всей Батине; с моря она кажется сплошным садом. Поскольку главные торговые пути древности проходили рядом, это давало дополнительные преимущества обитателям побережья. Богатая на земледелии и посреднической торговле, на строительстве судов, на промысле жемчуга в Заливе, население этой части Омана становилось основным источником поступлений в государственную казну, и от благосостояния Батины зависела судьба страны. Оттого с глубокой древности здесь повсюду строились крепости для защиты от возможных нашествий. Здесь же находились все столицы, кроме Низвы. Сначала это был Сохар, затем Рустак, после него снова Сохар, и, наконец, Маскат.

Все эти города сейид Кабус увидел много позднее, когда впервые попал на север из Салалы. Отец его, султан Саид, не любил жаркий и влажный Маскат и предпочитал жить в мягком климате, поэтому главный дворец Аль Алам (Знамя) почти всегда пустовал. Проходя по устланным коврами покоем, посетители резиденции все время видели через стрельчатые окна залив, подходивший к самым стенам. Обступившие гавань скалы, увенчанные мощными фортами, и такой же скалистый остров напротив дворца почти скрывали от глаз океанскую гладь.

Может быть, отсутствие простора, ощущение сдавленности, которое возникало в городе, тоже были причинами того, что Саид бин Теймур редко надолго оставался в Маскате. А ведь Маскат приобрел выдающееся значение именно из-за своего хорошо защищенного местоположения. В прежние времена многие чужеземцы даже не подозревали о существовании удобной гавани среди скалистых утесов. Нелегко было подойти к столице и с суши – узкие горные проходы защищали постоянные гарнизоны, размещенные в небольших фортах.

Сохар, который расположен в центре Батины на берегу океана, напротив, открыт всем ветрам. Этот город был столицей страны почти тысячу лет с перерывами. Стоя на стене белого дворца, сохранившегося с 18 века, когда в Омане воцарилась династия Аль Бу Саид, можно увидеть и далекий океанский горизонт, и желтую цепь хребта Джебель-Ахдар. Хорошо встречать вечернюю прохладу, слушая гобой, звучащий на песчаном берегу. Мужчины в белых дишдашах, ритмично приплясывая, хором исполняют “Лева”. В этом танце, в сопровождающих его песнопениях можно почувствовать влияние африканских ритмов, хотя и не столь очевидное, как в мелодиях Сура.

Сохарцы тоже славились как мореходы, отсюда вышло много знаменитых капитанов, сражавшихся на черных страшных *гурабах*.

Если же в городе праздник или свадьба, услышишь “Малид” – славословие Пророку. Это коллективное исполнение молитв, похожее на хоровое пение, присуще только Сохару.

Невдалеке от Сохара, возле самого подножия гор лежит еще одна прежняя столица – Рустак. Отсюда пошли многие традиционные ремесла Омана, такие же как и в Низве. Здесь делают лучшую оманскую халву, прессуют финики. Здешний базар привлекает людей и с Батины, и с гор. Долгие годы Рустак был центром сопротивления персидской оккупации.

Первый имам династии Аль Бусаид сделал этот город своей столицей. С мощной крепости, окруженной пальмовыми рощами, виден мавзолей Саифа бин Султана I, могущественного имама из предыдущей династии Йаруба. Наверное, не раз, глядя на него, основатель новой династии предавался размышлениям о том, что ждет его собственный род. Ведь внук великого устроителя земли Саиф бин Султан II оказался никчемным правителем, из-за него страна едва не утратила независимость.

Рассказы о разных местностях страны увлекали сейида Кабуса не меньше, чем уроки истории. Его тянуло к людям из народа. Царедворцы и слуги казались ему совсем другими, он знал, что может сказать каждый из них. Общаясь с человеком из пустыни, с рыбаком или торговцем, он всякий раз узнавал что-то новое для себя. Взрослые с удивлением отмечали внимание, с которым принц выслушивал даже случайных собеседников, встреченных во время нечастых выездов из дворца.

Первоначальное образование сейид Кабус получил во дворце Хусн, куда приходили учителя школы Сайидия, единственного учебного заведения Салалы. Именно они подготовили его к дальнейшему обучению в частной школе в Англии.

Оман очень разнообразен не только в природном отношении. Его положение на самом краю Аравии определило и удивительную чересполосицу племен и народов. Предки арабов были первыми насельниками этой земли. Эти люди со смуглой кожей отличались воинственностью и выносливостью. Потомков этих древних жителей Аравии исследователи позднейших времен признали в людях Дофарского плато, нависающего над Салалой.

Основой племенной структуры Омана были два мощных объединения Хинави и Гафири. Племена, входящие в первое объединение, считают себя выходцами из Йемена, а те, что составляют вторую федерацию, возводят свой род в основном к арабам Неджда и Хиджаза. С глубокой древности умение учитывать интересы племен лежало в основе политического искусства арабских лидеров.

На Аравийском полуострове дожили до наших дней те формы организации общества, которые когда-то были свойственны всем народам. И в Европе, и в России, и на Востоке в целом стадия племенной жизни закончилась сравнительно недавно. Везде государство старалось подчинить себе верхушку племен и постепенно свести на нет их значение. Почти повсюду это удалось.

До настоящего времени племенная структура сохранилась в виде более или менее сильных пережитков. У арабов, особенно в Аравии племенное членение общества традиционно рассматривалось как государствообразующая структура. Самоуправление племен освобождало государство от исполнения многих функций. Племенные формирования служили основой вооруженных сил. Жизнь в условиях свободы от деспотизма в течение веков сформировала гордый и независимый характер араба.

В древности вожди и цари шли на битву впереди войска, оттого история минувших веков пестрит известиями о гибели

монархов в сражениях. Право на власть необходимо было подтверждать личным мужеством, а также демонстрацией личной силы и выносливости. Все это давно стало историей, только у арабов традиции военной демократии дожили до наших дней.

Кабус с ранних лет видел, как много посетителей приходит во дворец, наблюдал, как отец его встречается с шейхами племен. Видел, как метко упражняется он в стрельбе по бутылкам, расставленным под стеной дворца. Несмотря на ухоженный вид, на безукоризненные манеры, на хорошее образование и в традиционном исламском смысле, и в западном духе (Саид бин Теймур учился в английском колледже в Индии), султана нельзя было назвать изнеженным.

Первые годы, проведенные во дворце, были самым беззаботным временем в жизни сейида Кабуса, как у всякого ребенка. Но закончился этот период намного раньше, чем у других сверстников. Как ни парадоксально, но у отпрысков королевских родов детство гораздо короче – уже в молодые лета им начинают прививать сознание своей государственной значимости. Если для обычного мальчика изучение истории носит отвлеченный характер, то для будущего монарха ознакомление с ней равнозначно познанию собственной личности.

Брошенное когда-то Людовиком XIV “Государство – это я”, несмотря на парадоксальность, имеет глубокий внутренний смысл. Становясь символом государственного бытия своей нации, венценосец как бы прибавляет к годам своей земной жизни все те века, которые прожила страна до его появления на свет. Потому и пытаюсь написать биографию наследственного правителя невозможно ограничить ее временными рамками его жизни. Любой монарх – этап истории его страны, его династии в каждый отдельный момент его жизни.

Те отрывочные сведения о прошлом, которые стали достоянием Кабуса в первые годы его учения, во время встреч с людьми разных наций и племен, постепенно складывались в привлекательную, но расплывчатую картину. Потребность увидеть и детали, и всю даль оманской истории, и место страны в мире, привели к углубленным занятиям под руководством талантливого наставника, которого выбрал султан для своего сына.

ЦЕНТР МИРА

Наверное, Кабус, как и отец его, и дед не раз задавался вопросом, почему земли, которые находятся в центре карты мира, окрашены в цвета стран, находящихся на самом краю Европы. Почему те, кто даже не являются мусульманами, хозяйничают на берегах Аравии, родины ислама. Как случилось, что они стали распоряжаться всеми богатствами мира и сосредоточили в своих руках невероятное могущество? На такие вопросы преподаватели, занимавшиеся с ним во дворце различными предметами, предпочитали не отвечать прямо, но побуждали мальчика отыскать ответы в событиях прошлого. Недаром говорили древние, что история – наставница королей...

Я пытаюсь представить себе, как происходило узнавание страны ее будущим правителем. Должно быть, география всегда шла рука об руку с историей. Потому что при всей изолированности страны от тогдашних центров мира, каждого камня ее за многие тысячелетия коснулась рука человека, каждая пядь земли исхожена человеческими стопами. Ибо эти места одними из первых дали приют первобытному человеку. За пять тысяч лет до христианской эры в горах Омана селились рудокопы, добывавшие медь.

Проезжая мимо руин, которых было немало в окрестностях дворца и в прибрежных селениях поблизости от Салалы, юный сейид неизменно спрашивал о возрасте древних сооружений, но не

всегда получал уверенные ответы. Он спрашивал о названиях урочищ и селений, но часто взрослые только разводили руками. История этой земли уходит в такие дали, что уже в первых письменных известиях о Магане (под этим именем северо-восток Аравийского полуострова был известен шумерам) речь идет о старой культуре. В погребениях первых царей Ура нашли медные изделия из Магана. Мусульманская страна Оман возникнет здесь 35 веков спустя.

Для основателя первой империи в истории человечества - аккадского правителя Саргона Древнего (24 век до Р.Х.) - Маган был очень важным торговым партнером, он по-прежнему был главным поставщиком меди, стратегического материала античности. Находясь на середине важнейшего торгового пути древности между долиной Инда и Месопотамией, где возникли первые очаги человеческой цивилизации, Маган в подлинном смысле слова был торговым перекрестком тогдашнего мира. Население богатело от судоходства и коммерции, и это делало страну лакомым куском для завоевателей. Преемник Саргона Нарам-син был, наверное, первым из иноземных владык, кто попытался сделать Маган частью своих владений.

В найденной археологами надписи месопотамский царь извещает о походе на Маган и пленении его царя с семитским именем Маниум. Так что далекие предки современных арабов уже тогда правили страной меди.

С течением веков менялись соседи Магана. Иные народы приходили из глубин Азии и оседали на берегах Залива. Ушли в небытие одни боги и восторжествовали другие. Многие культуры до сих пор присутствуют на этих опаленных солнцем просторах в виде молчаливых руин, другие прошли без следа. Периоды процветания сменялись веками обнищания, когда из-за долгих войн и падения древних царств замирала торговля. Но жизнь неистребима, она

неизменно возрождается на старых пепелищах, и все возвращается на круги своя. Империи Дария, Александра Македонского и Римская постепенно расширили пределы мира до краев гигантского континента Евразии. Все новые страны и народы вовлекались в мировую торговлю, а главной магистралью, по которой Восток и Запад обменивались товарами, оставался морской путь из Индии в Месопотамию.

Задолго до начала христианской эры – как раз тогда, когда происходило заселение территории сегодняшнего Омана арабскими племенами, была открыта возможность океанского плавания от аравийских портов в Индию. Если тысячелетиями здесь существовало лишь каботажное мореходство, весьма уязвимое для пиратов, то после освоения нового пути на Восток перспективы торгового мореплавания резко возросли.

Честь этого открытия, столь же важного, как и последовавшего через тысячу лет открытия морского пути из Европы в Индийский океан, принадлежит морякам Омана².

² Русский историк Т.Шумовский, первый исследователь древних арабских лоций, с уверенностью писал об их приоритете:

“Муссоны Индийского океана, так же, как дожди и циклоны, чрезвычайно регулярны. Моряки установили, что один из них ежегодно с конца марта до середины июня дует с юга-запада на северо-восток. От июня до середины октября длится период циклонов, и плавание на то время полностью прекращалось. В ноябре начинается обратный, северо-восточный муссон, длящийся до середины марта. Наблюдательные мореплаватели ранних веков поняли, что океанские ветры движутся не хаотически, а в силу определенной метеорологической закономерности, причин которой они тогда не знали. Выяснив существование и периодическую смену юго-западного и северо-восточного муссонов, они широко

Уже в те далекие времена основой жизни прибрежных племен стали морские промыслы. Несмотря на постепенное оскудение месторождений меди в отрогах мощного хребта, который позднее получит арабское имя Джебель аль-Ахдар (Зеленые Горы), Маган оставался богатой страной. К прибылям от торговли прибавились доходы от добычи ладана. Чем сильнее втягивался юго-восток Аравии в мировые связи, тем заметнее становилась зависимость благосостояния его жителей от событий в далеких землях. Угасание великих империй древности постепенно ощутили и в Магане, который к тому времени уже стали чаще звать Оманом.

Конечно, происходило эти перемены мало приметно для одного поколения. Несомненно, только за десятилетия стало очевидно, что спрос на благовония сократился, что караванные пути стали менее оживленными. Упали доходы правителей древних арабских царств, и все труднее стало поддерживать в пользовались этим открытием в больших путешествиях через океан. При этом их уверенность в постоянстве погоды и нерушимости метеорологических сроков была так сильна, что на кораблях, поскольку они выходили только при ясном небе, не было никаких приспособлений для защиты от дождя или шторма. Первооткрывателями муссонов в Индийском океане были арабские моряки. На это указывают их навигационный приоритет и связанный с ним высокий уровень транзитной морской торговли, издавна соединявшей арабские порты со всеми побережьями Индийского океана. Адмирал Александра Македонского Неарх во время похода от устья Инда к устью Евфрата вторично открыл и использовал северо-восточный муссон; характер муссона подчеркивается двойной датой похода - 326/325 год до нашей эры, подразумевающей метеорологический период с ноября по март».

порядке грандиозные ирригационные системы, позволявшие обводнить большие массивы плодородных земель. Когда разрушилась знаменитая Марибская плотина, огромный край обратился в пустыню. Самая заселенная часть Аравии, кормившая десятки миллионов людей, превратилась в этнический вулкан, извергавший племя за племенем. Уходя от голода и нужды, арабы вторгались на земли соседних империй. Именно в тот период произошло освоение территории современного Омана арабскими племенами, пришедшими из Йемена. Арабские цари правили здесь уже на рубеже дохристианской и христианской эпох. Но пока состав обитателей страны не был однородным, в силу своего географического положения в регионе соседствовали различные культуры. Только с приходом новой волны переселенцев арабская культура стала господствующей.

К седьмому веку процесс арабизации стал необратим; не случайно в этой части Аравии религию Мухаммеда приняли еще при жизни Пророка.

Не только племена Йемена составили основу населения современного Омана; часть мигрантов пришла из центральных районов Аравии (Неджд). Во внутренних районах страны, отделенных от океана мощным горным хребтом, поселилось многочисленное племя или, скорее, племенной союз азд, распространивший свое влияние от Хадремаута до нынешней Низвы.

Упоминания о гордых адитах, имеющиеся в Коране, могут быть отнесены к одному из кланов этого племени. Адиты построили "многоколонный Ирам", разрушенный стихийным бедствием, которое было наказанием за то, что они не приняли проповеди пророка Худа, призывавшего соплеменников отказаться от многобожия. Одиннадцатая сура Корана называется "Худ", в ней говорится о воздаянии, ждущем каждого в Судный День. Хотя

этому арабскому пророку и не удалось приобщить свое племя к вере в Аллаха, его имя произносится с почтением, а у могилы Худа в Хадрамауте по сей день собирается много паломников. Великолепный город Ирам, жители которого не признали пророка, долго считался бесследно исчезнувшим. Пока археологи не отрыли его руины в ныне безжизненной местности Дофара...

Древние верования арабов довольно мирно отступили перед новой религией, хотя многие обычаи еще долго жили в народе. Период, предшествующий исламу, арабские историки именуют *джахилия* (время невежества), что вполне соответствует резкому делению на языческую и христианскую эпохи на Западе³.

Апостолом вероучения Мухаммеда в Омане стал местный уроженец Мазин бин Гадхуба Аль-Тай. Свидетель событий первых лет ислама Абу-Наим называет Мазина попечителем идола Баджира, находившегося в оманском Самаиле. Этому идолу поклонялись аздиты.

Однажды во время жертвоприношения Мазин услышал голос, повелевавший ему отказаться от веры в идола и внять посланнику Аллаха. Дважды посетив Медину, оманец сподобился лично увидеть Пророка и уверовал в его миссию. Статую Баджира он разрушил и возвестил землякам об истинной вере⁴.

³ Современный английский исследователь истории и теории имамата в Омане Дж.Вилкинсон утверждает: “Для хорошего мусульманина история имеет концепцию развития, отличную от нашей, поскольку в нем был момент совершенства: преисламская история зовется *джахилия*, период невежества, предшествовавший откровению. Послеисламская же история это те события, которые привели к большему или меньшему отклонению от исламского государства, созданного Пророком”.

⁴ Oman in History. London, Immel Publishing Ltd,1995 p.112

История сохранила письмо основателя ислама оманским царям (соправителям) Абду и Гайфару: “Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного... от Мухаммеда бин Абдуллы Гайфару и Абду, сыновьям Аль-Джуланда, да будет мир тому, кто пойдет за ним, и ныне и присно... Я взываю к обоим вам во имя ислама. Вы будете сохранены, если покоритесь исламу. Я послан Аллахом ко всем людям. Я донесу до всех людей весть об исламе и буду сражаться с неверными. Я надеюсь, вы примете ислам, но если нет – вы потеряете вашу страну, и мои всадники вторгнутся на вашу территорию, и мое пророчество овладеет вашей страной”.

Письмо Пророка оманским царям доставил один из его сподвижников Амр бин аль-Ас. Он держал себя в беседе с хозяевами страны как фактический наместник Мухаммеда. От имени посланника Аллаха Амр обещал сохранение их власти в случае обращения в ислам, а также призвал установить в Омане налог на богатых в пользу бедных.

Как раз в дни пребывания Амра бин аль-Аса у оманских правителей пришло известие о кончине Мухаммеда, и соратник Пророка поспешил в Медину. Вслед за ним отбыла представительная делегация племен во главе с Абдом аль-Джуландой. Оманцы встретились с халифом Абу Бакром, унаследовавшим власть Мухаммеда. Халиф приветствовал гостей и заявил, что добровольное принятие ислама делает особую честь людям Омана.

Для сейида Кабуса, как и для всякого араба, первые представления о письме были связаны с историей ислама. Тот алфавит, которым пользуются каждый день, послужил для записи книги, продиктованной Всевышним. Буквы, выводимые неуверенной рукой школяра, когда-то стали носителями духовного кода мусульманской цивилизации. Поэтому отношение к каллиграфии как искусству высшего порядка пронизывает всю

историю арабов. Написанные затейливой вязью 99 эпитетов Аллаха украшают дворцы и хижины.

На стенах мечетей, базаров, общественных зданий, на дверях домов обязательно помещаются искусно вырезанные или нарисованные цитаты из Корана.

Арабское письмо по сей день часто служит заменой иных видов изобразительного искусства; вся внешняя красота много веков как бы находила убежище в букве. Каллиграфия понималась как врата в обитель мысли – книгу.

Книг во дворце без счета. Еще первый учитель письма говорил, что когда-нибудь принц сможет прочесть их все. Поверить в это легко – ведь жизнь кажется бесконечной. Старые книги представляются таинственными и многозначительными даже когда не знаешь их содержания.

Проводя рукой по теплому кожаному переплету, представляешь себе тех седобородых мудрецов, которые открывали этот фолиант и неспешно перелистывали его страницы, возносясь в тревожную и прекрасную область Духа. Очертания буквы загадочны, над ними можно размышлять часами. Недаром Пророк в первых строках своих сур помещал сочетания букв, вмещающие премудрость.

Бегущая строка похожа на взволнованную поверхность океана. Ее можно сравнить с плавными контурами песчаных дюн. И растянувшееся по тропе стадо овец напоминает строка. Отдельные буквы можно узнать в силуэте чайки, в косом парусе, в странном одиноком облаке, в серпе луны, лежащем над горизонтом. Не так ли вдохновлял Аллах того, кто первый запечатлел тростью на песке арабские письмена?

Одной из любимых книг юного Кабуса стал древний сборник притч о животных «Калила и Димна». Происхождение этого произведения теряется в глубокой древности. Впервые оно было

записано в 4 веке в Индии и получило название «Панчатантра». Затем было переведено в сасанидском Иране, а когда эта страна стала частью арабского Халифата, появился арабский перевод. В процессе переложения с одного языка на другой книга претерпевала значительные метаморфозы – были добавлены несколько глав, по иному стали звучать имена героев, да и небольшие вставки в текст привели к существенному изменению смысла притч. Самым главным изменением было то, что «Калила и Димна» стала отражать идеологию единобожия, принесенную исламом. В этом виде она многократно переписывалась и перепечатывалась во многих мусульманских странах и стала в подлинном смысле царской книгой. Ибо главной темой притч была правильная организация власти. Звери и птицы рассуждали о чести и бесчестии, о справедливости и тирании. Причем каждый тезис рассматривался с нескольких точек зрения, и правителям животного царства предлагалось принять на их основе взвешенное решение.

Склонность юного сейида к анализу действительности удивляла и радовала родителей и наставников. Раздумья о жизни, о взаимоотношениях людей рано стали занимать царственного ребенка – об этом свидетельствует то, что среди множества книг, прочитанных им, наибольшее впечатление на него произвели переложения трагедий Шекспира, сделанные известным арабским писателем Камалем Каляни. Уже в пять лет овладев грамотой, будущий султан с увлечением погружался в сложный мир человеческих страстей. Наибольшее впечатление на него производила «Буря». Отец одобрительно кивал, слушая, как ребенок пересказывает ему сюжеты прочитанного. Саид бин Теймур сам любил щегольнуть к месту сказанной цитатой из Шекспира, чем не раз приводил в восхищение своих английских гостей и советников.

Но главной книгой, которую сейид Кабус открыл для себя, едва овладев искусством чтения, стал Священный Коран. И на всех этапах жизни Кабуса бин Саида он оставался его подлинной духовной опорой.

Религия приходит в сознание ребенка еще до того, как он научится узнавать буквы. Поначалу это мир наивных образов, но когда слово произнесенное и слово самостоятельно прочтенное сливаются в душе, возникают образы идей, не имеющие соответствия в видимом мире. Ислам одним из главных своих постулатов установил отрицание изображений живых существ.

Видимо, теоретики ислама считали, что принятые в религиозной практике древних народов изображения богов уводили сознание в чувственный мир. Вся история исламской цивилизации наполнена борьбой с приземленным пониманием Аллаха.

Оман, лежащий на самом краю этой цивилизации и не имеющий границ ни с одним народом, исповедующим иную религию, никогда не знавший порабощения иноверцами, был домом одного из самых традиционных обществ Земли. В те годы, на которые пришлось детство принца Кабуса, наверное, каждый из дней этой страны казался очередным мигом вечно длящегося исторического времени, а прошлое – долгим рассветом этого дня.

СВЯТОСТЬ И ГОРДЫНЯ

Тысячелетия, когда на территории Омана сменялись расы, народы, культуры и религии, можно считать предысторией, хотя по продолжительности этот период вдвое продолжительнее того, который начался в 622 году христианской эры. Эта дата служит нулевой точкой отсчета для самой молодой из человеческих цивилизаций. Сегодня по календарю этой цивилизации на Земле 1423 год. Именно столько лунных лет отделяют нас от того момента, когда пророк Мухаммед отправился из Мекки в Медину, гонимый своими соплеменниками. Этот исход, по-арабски *хиджра*,

стал на деле победой духа и уроком для мусульман. Вера, которую разделяли с Мухаммедом несколько десятков человек, станет еще при его жизни основной религией арабов. И даже те из них, кто останется верен христианству, признают ее выражением арабской идентичности; в 20 веке один из отцов современного арабского национализма, сирийский христианин Мишель Афляк, заявит: ислам – это синоним арабизма.

Оман, принявший веру Пророка на восьмом году хиджры, может считаться одним из основных оплотов мусульманской цивилизации на всем протяжении ее истории. Именно непрерывность ее существования позволяет рассматривать 14-вековой период как единое целое, а события настоящего воспринимать в причинно-следственной связи с любым из отрезков исламского прошлого. Не так много стран на Земле, которые обладают таким однородным культурно-историческим наследием. В исторической памяти большинства народов зияют провалы из-за иноземных нашествий и смены общественных формаций.

Все что происходило при жизни Пророка и при первых наследниках его земной власти, имело непосредственное отношение к политической истории Омана даже в 20-м веке. Ибо основой самобытности страны и источником основных ее проблем в новейшее время стало религиозное течение, возникшее через четверть века после смерти Пророка...

У смертного одра Мухаммеда собрались ближайшие родственники и соратники, что было почти одно и то же. Соплеменники все родня друг другу в какой-то степени. У арабов, в отличие от русских, с древности принято “сговаривать” двоюродных брата и сестру, так что племянник часто становился и зятем. У Пророка, имевшего четырех дочерей от жены Хадиджи, не осталось прямого наследника - все его сыновья умерли в младенчестве. Да и во втором поколении только Фатима, его дочь

от первого брака, властная и умная молодая женщина, вышедшая замуж за Али ибн Аби Талиба, двоюродного брата Мухаммеда, имела двух сыновей. Благодаря ей род Мухаммеда не был прерван - 8-летний Хасан и 6-летний Хусейн были надеждой всей общины. Муж Фатимы также стоял у смертного ложа основателя ислама. Многие сподвижники Пророка считали, что по всем статьям ему и надлежало унаследовать и державу, и духовную власть Мухаммеда. Человек набожный, прямой и честный, обладающий даром убеждения, прошедший рядом с Пророком все военные кампании. Таким и представлялся идеальный правитель.

Здесь же находились и другие родственники Пророка из клана Бани Хашим, а также его жены. Был там и шестидесятилетний Абу Бакр ас-Сидик, выдавший за Мухаммеда свою дочь Аишу, игравшую в делах мусульманской общины весьма важную роль в последние годы жизни супруга.

В первые дни предсмертной болезни Пророк поручил Абу Бакру руководить общественной молитвой вместо себя. Эта временная должность заместителя (*халифа*) сделалась через некоторое время наследственным титулом владык громадной империи, включавшей большую часть территории Рима в его лучшие годы. Тесть Мухаммеда - 47-летний Умар бин ал-Хаттаб - также прибыл в дом Учителя. Только его ровесник Усман ибн Аффан (он был женат на дочери Мухаммеда) был в отъезде. Все понимали, что с его уходом в иной мир общине мусульман, которая на глазах одного поколения превратилась в могучее государство, непросто будет обрести столь же авторитетного главу. Реальные шансы стать преемником Пророка были у всех четверых.

В течение трех последующих десятилетий никто, кроме них и не претендовал на власть - все они последовательно стали халифами. Но даже порядок занятия этого поста стал основой многих трагедий, имевших последствия для мировой истории.

Двадцать четыре года правили, сменяя один другого Абу Бакр (632-634), Умар (634-644) и Усман (644-656). После убийства последнего в сумятице гражданской войны халифом становится Али. Только Абу Бакру дано было мирно отойти в мир иной. Умара зарубил мечом в мечети раб-иранец. Усмана засекли мечами люди Абдаллаха, сына Абу Бакра. Роковую роль в судьбе халифа Усмана сыграло то, что он повелел отстранить от власти наместника Египта Амра бин аль-Аса, того самого, которого можно назвать апостолом ислама в Омане. Наконец, и Али пал на пятом году своего правления от руки экстремиста.

В том мире действовали суровые законы пустыни. “Кто здесь убит, кто погиб в набегах... Дожил до старости лишь трусливый”, писал Абид бин аль Абрас, поэт доисламской Аравии (VI в.).

Али явно выделялся на том фоне своей мягкостью и незлобивостью. Он не стал оппозиционером, когда его оттерли от власти, выбрав халифом Абу Бакра. Не стал он поднимать своих сторонников и тогда, когда верхушка мусульманского государства предпочла сначала Умара, а затем Усмана. И только в условиях начавшихся по всему Халифату волнений старая гвардия Мухаммеда заставила Али принять власть. Мягкость, которую иные называют нерешительностью, стала косвенным образом причиной его смерти.

Наместник Сирии Муавия бин Аби Суфьян, сын старого врага Мухаммеда, принявшего ислам только под давлением обстоятельств, отказался признать избрание Али халифом, и выступил против него с большим войском. Когда две армии сошлись при Сиффине на Верхнем Евфрате, военное счастье улыбнулось Али.

Дрогнувшее воинство Муавии смешалось и готово было обратиться в бегство под натиском сил халифа. В этот момент над рядами терпящих поражение взметнулись копья со свитками

Корана - в знак призыва к разрешению конфликта путем арбитража (*тахким*). Али повелел прекратить сражение и согласился на переговоры. Одним из арбитров был избран Амр бин аль-Ас, сражавшийся на стороне Муавии – именно ему принадлежала идея поднять на копьях свитки Священной Книги. Возмущенная тем, что халиф упустил победу, часть его сторонников ушла прямо с поля боя. От арабского слова *харидж* (уход) они стали именоваться *хариджитами*, и превратились в одну из самых непримиримых сект ислама. Пять лет спустя один из хариджитов ударил Али кинжалом при выходе из мечети в Куфе.

Основой идеологии первых инакомыслящих ислама было неприятие династической формы правления. Суверенная власть, по их мнению, принадлежала мусульманской общине, которая могла вручить исполнение ее решений халифу. Хариджиты считали, что на эту роль может быть избран любой человек, следующий Корану и сунне, справедливый, способный выступить с оружием в руках против правителя-тирана. Происхождение претендента на высшую должность в общине значения не имело, им мог быть даже раб, но при этом за проступки халиф мог быть отстранен и даже убит. За много столетий до возникновения процедуры импичмента хариджиты обосновали эту идею и строго придерживались ее.

Исходя из собственного понимания ислама, как демократического и даже социалистического учения, хариджиты только передачу власти от Мухаммеда Абу Бакру, и от него Умару объявляли законной. При них будто бы сохранялась первоначальная чистота ислама. Все следующие халифы признавались узурпаторами, и против них велась бескомпромиссная борьба.

По свидетельству мусульманского теолога 12 века аш-Шахрастани, одним из хариджитских постулатов было: “Все, что

повелел Аллах всевышний, является всеобщим, не частным, - ведь он повелел это верующему и неверующему. В Коране нет частности". Отвергая арбитраж, которым завершилась битва при Сиффине, хариджиты настаивали, что решение в вопросах законности передачи власти принадлежало Аллаху, а не людям. Их лозунгом было: «Нет судебного решения, кроме Божьего». По их мнению, суд Божий свершился, ибо Али одержал верх над Муавией, и вступать с ним в переговоры после этого – значило идти против суда Аллаха.

Как бывает со всеми пуристами, в среде их образуется группировка самых-самых, которая начинает замечать отклонения от духовно-нравственных норм, прежде всего в собственном окружении. И уже не вовне, а внутрь своего кружка обращает придирчивый взор. Появились такие и среди хариджитов, именно они стали родоначальниками многочисленных экстремистских движений, потрясавших Халифат на протяжении нескольких столетий. Но последователи мусульманской школы, возглавленные выходцем из Омана Джабером бин Заидом (640-715), не отказываясь от строгих моральных принципов классического ислама, отвергли путь насилия, по которому пошли их недавние единомышленники. Недаром, наверное, у истоков учения, имевшего большое будущее, стоял просвещенный богослов, выросший в атмосфере терпимости и доброжелательства, существовавшей в Омани.

Джабер родился в деревне Фарг около Низвы, позднее ставшей столицей Омана и одним из центров арабской образованности. Любопытный молодой человек отправился в Басру, чтобы пополнить знания, полученные на родине. Ему предстояло стать одним из светочей ислама в первом столетии после Хиджры. Он изучал Коран, хадисы и шариатское законодательство под руководством сподвижников Пророка.

Большую часть жизни мудрец провел в Басре, где увидела свет принадлежавшая его перу своеобразная энциклопедия “Диван Джабер”.

Но его хорошо знали и в центрах тогдашней учености - Мекке, Медине - как знатока исламского права. Он был одним из создателей теории исламского государства по образцу, установленному праведными халифами Абу Бакром, Омаром, Османом в начале его правления, а также Али бин Аби Талибом до арбитража.

Хотя Джабер бин Заид почти всю свою жизнь провел на юге Ирака, он приобрел немало учеников и последователей в разных частях арабского мира, особенно много в Омане. Басра, как центр хариджитского толка в исламе, притягивала к себе идеалистически настроенную молодежь, всех кто недоволен был социальной несправедливостью. Среди неофитов оказался и Абдалла бин Ибад аль-Тамими, выходец из влиятельного аравийского племени *тамим*, обитавшего в районе Басры. От имени этого ученика первого имама Джабера и получила свое наименование влиятельная школа в исламе - *ибадизм*⁵.

История раннего ибадизма неотделима от политической истории Ближнего Востока. Возникнув в момент ожесточенной борьбы за власть в арабской империи, он привлек множество сторонников тем, что давал ответы на самые острые вопросы эпохи. Законна ли власть Омейядов, правивших на манер

⁵ Существует мнение о том, что ибадиты вовсе не являются ответвлением хариджитской секты. Историк ислама Ахмед аль-Маамири пишет: “Ибадиты не признают, что они - хариджиты. Ибадизм как секта родился в Басре, но по существу начало ему было положено в Медине. Оманский афоризм гласит: "яйцо было снесено в Медине, высижено в Басре, и тогда (птица знания) прилетела в Оман”.

противников ислама - персидских владык и византийских императоров? Что такое идеальное исламское правление? Предопределен ли свыше удел человека или что-то зависит от его духовных усилий? Достаточно ли для мусульманина верить в Аллаха или необходимо подтверждать эту веру делами? Возможно ли предать смерти за инакомыслие? Понятно, что даже люди, задававшие такие вопросы, становились неудобными для власть предержащих.

Недовольство правлением Омейядов, во время которого патриархальные методы праведных халифов казались массам воплощенным идеалом справедливости, приводило к восстаниям. Чем дальше от центров власти, тем слабее державная узда. Более полувека потомки Джуланды, правившие Оманом, не особенно замечали тяжесть державной руки халифов. Выплачивая некоторые виды налогов, они продолжали пользоваться полной свободой во внутренних делах.

После гибели халифа Али вопрос о власти решился в пользу Омейядов. Столица империи переместилась из Куфы в Дамаск. Оттуда Оман казался далекой провинцией, соответственно и с юго-востока Аравии центр халифата виделся не очень отчетливо. Неудивительно, что с воцарением Муавии правитель из рода Джуланды перестал платить закят в пользу Дамаска.

Так продолжалось несколько десятилетий, пока к власти в халифате не пришел Абд ал-Малик бин Марван, поставивший целью добиться централизации и установления порядка в империи, изрядно потрепанной внутренними смутами. Назначенный им амир Ирака и Исламского Машрика Аль-Хаджадж направил военную экспедицию для наказания непокорных оманцев. Но вторжение с моря потерпело неудачу, а командующий халифского войска был убит. Тогда *вали* (губернатор) Басры лично возглавил новую карательную экспедицию. Войско, насчитывавшее, по некоторым

данным, сорок тысяч человек, сумело разгромить силы Саида и Сулаймана, потомков Джуланды. Оба правителя бежали в Восточную Африку, а Оманом стал править чиновник, назначаемый Дамаском.

Племенной союз азд, уже несколько веков господствовавший в Омани, приобрел к этому времени значительное влияние и в Южном Ираке, главными центрами которого были Куфа и Басра. Во время арабских завоеваний 7 века многие племена обязывались исламским государством к несению воинской службы. Таким образом и воинственные аздиты стали участниками дальних военных экспедиций. Нижняя Месопотамия первой была завоевана арабами в ходе войны против Персидской державы. Надо полагать, земли в этом богатом регионе передавались племенам за особые заслуги.

Когда при халифе Омаре (634-644) начали строить новый город Басру, в нем поселились и первые аздиты. Особенно много выходцев из Омана осело в районе Басры при Османе (644-656), к концу века их влияние стало доминирующим. Один из кланов этого племени занял видное положение в правящих кругах. В эпоху ожесточенной борьбы с хариджитами выдвинулся полководец Аль-Махлаб.

Его дальние рейды по территории Персии сопровождалась разгромом основных сил экстремистов, именно это привело к постепенному распаду могущественной группировки противников Омейядов. В благодарность за это халифы назначили Аль-Махлаба сначала вали Ахваза, а затем вали Хорасана, самой восточной провинции империи. Язид бин аль-Махлаб, сын полководца, стал позднее вали Басры, а затем назначил своего брата Зиада вали Омана. Но в 720 году он поднял восстание против нового халифа Язида II, что, быть может, было как-то связано с антиоманскими замыслами монарха.

Связи тех аздитов, которые переселились в Ирак, и тех, что остались на земле предков, были крепкими и всесторонними. Вероятно, именно это обстоятельство долгое время позволяло Омани проводить независимую политику. Ибо наместники Басры, главного опорного пункта Омейядов на берегах Залива, не могли не считаться с могущественным племенем.

Пытаясь ограничить влияние своевольных аздитов на иракские дела, омейядские власти пошли на интервенцию в Оман с целью подрыва их базы. Во всяком случае, после провала первой морской военной экспедиции, аль-Хаджадж начал преследовать бассорских аздитов.

Видимо, в планы его входило лишить их возможности оказать поддержку Омани. Спустя тринадцать веков нелегко судить об истинных побудительных причинах той войны. Как бы то ни было, падение независимой династии потомков Джуланды и начало заката аздитов совпали во времени.

Разбросанность частей племенного союза аздов сыграла немалую роль в судьбе социально-религиозной школы, основанной уроженцем Омана Джабером бин Заидом. Трудно сомневаться в оппозиционных настроениях племени, которое подвергалось притеснениям омейядских властей. Понятно, что в среде земляков талантливый проповедник мог найти многочисленных последователей. От них антиомейядская "ересь" быстро должна была распространиться и среди родичей в Омани. Почва, к тому же была подготовлена вторжением карательных войск, поставивших недавно еще вольную землю под жесткий контроль халифов.

Когда в 720 году аздиты оставили окрестности Басры и вернулись на родину, духовная автономия Омани уже стала реальностью. Если в Ираке и западных районах Аравии удавалось подавить недовольство, то в далеких гористых местностях Омани и

Йемена омейядские губернаторы едва контролировали положение. Именно здесь ибадиты впервые показали свою силу.

Восстание йеменских племен в 740-х годах привело к власти имама Абдаллу бин Яхья, его 16-месячное правление стало попыткой создания справедливого исламского государства. Эта первая исламская революция стремилась к расширению сферы своего влияния, как и подобает всякой настоящей революции. Воины имама захватили Мекку и Медину, они были готовы нести свет правды и дальше. Однако омейядский халиф Марван II был еще силен и сумел разгромить имама.

Абдалла бин Яхья пал в бою. Но это была последняя крупная победа омейядской династии на внутреннем фронте. Уже через три года она была сметена еще более мощной религиозной революцией, движущей силой которой стали шииты.

После воцарения Аббасидов по всей обширной империи произошли значительные перемены. Первый недолговечный ибадитский имамат в Йемене, как оказалось, оставил глубокие следы в сознании людей. Предания о праведной жизни и справедливом правлении Абдаллы надолго пережили имама. После падения Омейядов власть снова плавно перешла в руки ибадитов в Йемене.

Вскоре это произошло и в Омане – в 751 году здесь избрали первого законного ибадитского имама Джуланды бин Масуда. За пять лет до этого он присутствовал на церемонии введения в должность имама Яхьи, что свидетельствует о его видной роли в ибадитском движении еще при Омейядах.

После свержения этой династии Аббасидами ибадиты не стали относиться к метрополии более лояльно. Погруженность новых правителей во внутренние проблемы не позволила им сразу же заняться установлением своего контроля над отдаленными частями империи. Но первый аббасидский халиф ас-Саффах

решил “навести порядок” в Омане, так как страна лежала на важнейшем пути в Индию - главный объект экспансии халифата. В результате нового вторжения оманцы были разгромлены, а имам Джуланда погиб в сражении. Таким образом, первый ибадитский имамат, просуществовав всего два года, стал достоянием истории. В Омане на 44 месяца воцарился режим аббасидских наместников, которых местное население именovalo тиранами (*джабабера*). Затем сменилось несколько местных династий и выборных имамов. Время от времени происходили смуты и междоусобицы, и казалось, что власть окончательно переходит в руки светских правителей. Но идеи ибадитов, как оказалось, были посеяны в благодатную почву, ибо имамат неизменно возрождался, несмотря на частую смену завоевателей и череду гражданских войн. Значит, было в ибадизме нечто такое, что стало созвучно оманскому национальному характеру, что стало неотъемлемой чертой местной самобытности и надолго определило судьбу страны.

Был в истории такой период, когда ибадизм стал заметной силой. Наряду с Йеменом ибадизм завоевал массу последователей за тысячи верст от Аравии. В 777 году ибадиты пришли к власти в североафриканском Тахарте (нынешний Алжир), избранный ими имам Абд ар-Рахман бин Рустам стал основателем династии Рустамидов. Государство это просуществовало 136 лет и сыграло важную роль в истории Магриба, достигло больших успехов в развитии науки и культуры. По сей день сохранились ибадитские общины в алжирском оазисе Мзаб, на тунисском острове Джерба и среди племен Джебель Нефуса.

Пример Северной Африки, где ибадизм был поддержан берберами, коренным населением этого региона, лучше всего свидетельствует о том, какие идеи были особенно близки людям той эпохи. Проповедь равенства всех народов и рас перед Аллахом, отказ признавать какие-либо привилегии увлекали за

ибадитскими проповедниками точно так же, как сегодня приводят в лоно ислама все новые народы и слои населения на всех континентах.

Судьба Омана всегда находилась в прямой зависимости от положения дел в исламской метрополии. Стоило государству окрепнуть и вновь заявить о своей претензии контролировать жизнь мусульманских народов, как на оманскую землю в очередной раз вступали халифские войска. Но и в том случае, когда власть Аббасидов слабела, появлялись новые претенденты на управление стратегически важным регионом. И вновь Оман становился ареной борьбы.

Так, в самом начале 10 века Залив стал зоной безраздельного господства карматов, создавших собственное государство с центром в Бахрейне. Эта религиозная секта возникла в начале 9 века там же, где незадолго перед тем действовали хариджиты - в Нижней Месопотамии. Куфа и Басра, а также их окрестности издавна были питомниками революционных движений.

Они часто отличались диаметральной противоположностью воззрений, но были удивительно похожи набором экстремистских методов борьбы. Если хариджиты были непримиримыми врагами Али и его потомства, то карматы стали крайним течением шиизма, признававшего Али своим родоначальником и обожествлявшим его.

Свою силу новые сектанты показали во время восстания черных рабов *зинджей*. Проповедник одной из шиитских группировок (исмаилитов) Хамдан Кармат сделался одним из идейных вдохновителей повстанцев, а его последователи стали именоваться *карматами*. Несколько десятилетий Аббасиды боролись с зинджами и созданным ими государством. За это время ересь широко распространилась и среди бедуинов, и среди жителей городов.

Применяя приемы партизанской войны, карматы наносили существенный урон правительственным силам, сами оставаясь неуязвимыми. Возникшая в этой борьбе чрезвычайно мобильная армия постепенно смогла взять под контроль все восточное побережье Аравии. Естественно, что после этого верхушка карматского государства обратила внимание на земли ближайших соседей. В 905 году карматы предприняли первую попытку установить контроль над страной, где правил ибадитский имам, но потерпели поражение.

Движения такого типа существовали и в других религиях - в Европе в период Реформации, в средневековом Китае, да и цивилизации доколумбовой Америки можно в известной мере уподобить карматскому государству. Уравнительные правила общежития, запрет ростовщичества и широкое распространение социальной помощи - эти черты карматского социума делали его опыт привлекательным для ревнителей первоначальной простоты ислама. Но то, что карматы отрицали шариат и не соблюдали запреты, установленные Пророком, делало их изгоями в исламском мире.

Государство просуществовавшее несколько веков, и весьма агрессивно относившееся к своим соседям, в конце концов исчезло с лица земли. Но интересно, что именно регион Большого Бахрейна, пограничный с Большим Оманом, стал позднее родиной нового движения исламских аскетов - ваххабитов. И они также долго были основными противниками ибадитского имамата.

Демократическая идеология, зародившаяся в среде первой исламской оппозиции после битвы при Сиффине, вполне сложилась только после основания государства. Потому что только практика осуществления идеала справедливого исламского мироустройства могла выработать определенные правила и каноны. Поскольку с самого начала ибадиты отрицали господство

курайшитской аристократии и имперский режим Омейядов, способ осуществления народовластия стал главным предметом их размышлений. Ведь племенная структура общества, противостоящая сильному государству, не позволяла создать эффективно действующий властный аппарат. Для поддержания равновесия имам должен был постоянно заботиться о согласовании интересов племен. Отрицая идею тирании, он не мог заимствовать практику принуждения.

И это изначальное противоречие подрывало возможность возникновения сильного и жизнеспособного государства в Омане. Природная изолированность и защищенность внутренних областей страны консервировала эти идейные принципы, которые много веков не позволяли сформировать сплоченное общество. Напротив, племенная рознь раз за разом обрекала на неудачу попытки тех или иных правителей легитимизировать династическую форму правления.

Тем временем новый противник оманской независимости народился на северном берегу Залива. Шиитская династия Буидов, захватившая Багдад, и начавшая править от имени аббасидских халифов (они сохранили лишь номинальную власть), вновь принялась за собирание земель по старому имперскому рецепту. Наиболее удачливым завоевателем оказался сын основателя династии Адуд ад-Даула Фана-Хусрау (949-983). Он подчинил и Оман, причем произошло это без войны - ослабленная страна вынуждена была признать свою вассальную зависимость под угрозой применения силы.

И в последующие полвека Оман находился под управлением персидской династии. Однако, еще до падения Буидов в 1050 году имам Халиль бин Шадхан восстановил фактическую независимость и стал править без оглядки на Багдад.

Тем временем Аббасиды превратились в ширму для новых завоевателей, на сей раз турецких Сельджуков. Халифат стал возрождаться только с ослаблением их могущества в конце 12 - начале 13 века. Но в полной мере возрождение не состоялось, под ударами монголов в 1258 году рухнули последние остатки аббасидской державы, а язычник хан Хулагу убил последнего багдадского халифа Аль-Мустасима.

Нашествия, восстания и иностранные наместники были суровой действительностью прибрежной части Омана. До внутренних районов страны завоеватели доходили редко, и здесь почти неизменно сохранялся теократический режим - ибадитский имам осуществлял и духовную, и светскую власть, что отвечало представлениям об исламском образе правления, основанном на Коране и сунне. Для жителей юго-восточной Аравии идеал святости находился в прошлом, и задачей имамов всегда было приближение к тому образцу, которым была мусульманская община при жизни Пророка.

При этом догмата непогрешимости имамов здесь никогда не было. Некоторые из них отстранялись общиной, другие получали возможность передать власть своим потомкам, но это требовало утверждения наследника в звании имама со стороны единоверцев. Являясь духовными вождями страны, многие имамы проявили себя и как выдающиеся государственники. Одни запомнились как строители военного флота, другие много сделали для развития орошения и фортификации, третьи добились успехов в создании системы исламского образования.

В те бурные века Оман знал не только периоды упадка, но не раз становился могучей державой, определявшей жизнь всего региона. Свидетельства этого сохранили история и география. Персидский путешественник Насир-и Хосроу, посетивший Басру в середине 11 века, называет залив, именуемый сегодня на

европейских картах как Персидский, Оманским. Несомненно, не будучи местным жителем, он просто повторил то, что слышал от арабов тех мест. Это неопровержимое свидетельство доминирующей роли Омана в ту эпоху.

Однако стабильностью оманское общество не отличалось. Его племенная структура нередко становилась источником острых противоречий, приводивших к смутам. Да и частые вторжения иноземных сил прерывали естественное развитие страны, приводя к гибели династий и обескровливанию влиятельных кланов.

Разрушение национальной элиты закономерно пробуждает властные амбиции у тех сил, которые прежде были аутсайдерами. Постепенное ослабление клана Джуланда из-за эмиграции или гибели видных его представителей вызвала многолетнюю борьбу племен за передел власти. Имамы не смогли обуздать ее, и результатом стало выдвижение светских правителей из племени Набхан, которые, как говорят иные, может, не вполне объективные историки, на столетия погрузили Оман в пучину тирании и смут. Со смертью в 1161 году имама Мухаммеда бин Ханбаша настал период безраздельного господства царей. Имамат был восстановлен лишь в 1406 году с избранием главой ибадитской общины Малика бин аль-Хавари.

Некоторые историки предполагают, что ряд правителей из Бани Набхан в этот период также носили титул имама - при этом оставаясь царями для тех территорий, где ибадиты не были в большинстве.

Как бы то ни было, период пребывания у власти Бани Набхан именуют темной страницей оманской истории. И не только из-за царивших тогда насилия и разрухи. Практическое отсутствие документов того времени не позволяет сегодня выстроить цельную картину происходивших событий. Только отрывочные сведения - имена властителей, упоминания межплеменных битв и вторжений

из-за моря - дошли до нашего времени. Возможно, были и тогда достойные цари и относительно спокойные периоды, но в общей сумятице отдельные благие дела не оставили следа по себе. Само наличие темных веков после периода хорошо документированного и описанного историками и географами свидетельствует об исторической катастрофе, которую пережила страна. Жаль, что ее уроки невозможно использовать для наставления новых поколений. Ведь только горькие пословицы остались ее свидетельствами: «дом тирана обратится в руины».

Господство Бани Набхан с 1154 года по 1624 год было временем, когда Оман был замкнут на внутренних делах. Можно думать, что для проведения активной внешней политики в эту пору просто не было сил и ресурсов. Единственными областями деятельности, где роль оманцев была приметной, оставались мореплавание в бассейне Индийского океана и постепенная колонизация Восточной Африки. Цепь торговых поселений от Мogaдишо до Занзибара возникла уже в первые века ислама, и к моменту прихода европейских завоевателей (первыми из них были португальцы) здесь сложилась своеобразная культура, получившая название суахили. Это же имя носит и здешний язык, образовавшийся в результате сплава арабского, персидского и местных африканских диалектов.

Неустойчивое положение правителей Бани Набхан из-за постоянных смут внутри страны вызывало у соседей Омана представление о том, что вся страна или часть ее может стать легкой добычей. Во всяком случае, правители государства Ормуз, возникшего на северном берегу Оманского залива, не раз устраивали военные вылазки против сопредельных владений царей-Набханидов. Их привлекала не только возможность взимания дани, еще большее значение имело перемещение главных торговых центров из портов Омана в Ормуз. Занимаясь на

море тем же, чем промышляли бедуины на караванных путях - предлагая охрану и принуждая к использованию ормузских гаваней для посреднической торговли - власти Ормуза постепенно добились изменения давно сложившихся морских маршрутов. Знаменитый тверской купец Афанасий Никитин, посетивший Ормуз в 1467 году, сообщал в своих записках: "Ормуз – великая пристань. Люди всего света бывают в нем, есть здесь и всякий товар. Все, что на свете родится, то в Ормузе есть". После 10-дневного перехода по морю Никитин увидел Маскат, бывший тогда одним из главных портов на пути в Индию. Проведя в дальней стране более пяти лет, он, возвращаясь на Русь, вновь остановился в Маскате и встретил здесь Пасху 1472 года.

Но противостояние с Ормузом сошло на нет с появлением нового, дотоле неизвестного врага. Португальцы, впервые появившиеся в Индийском океане в 1498 году (экспедиция Васко да Гама), сначала не выказывали агрессивных намерений. Их целью было разведать морской путь в Индию. Помогли им в этом именно оманские лоцманы, как никто другой знавшие течения, направления ветров, местоположение островов с источниками пресной воды и удобных гаваней. Когда же пришельцы из Европы овладели необходимыми знаниями, они начали строить собственные порты на восточноафриканском побережье, а арабские приморские города принялись методично уничтожать. Они стремились установить контроль над торговыми путями и таким образом подорвать экономику арабов и Османской империи. Захватив несколько территорий в Индии, они начали приискивать опорные пункты маршрута от Португалии до новых колоний. Так Оман впервые попал в поле зрения европейских завоевателей. И пользуясь слабостью местных правителей, колонизаторы под командой Альфонсо Альбукерке в 1507 году

обрушили огонь корабельных орудий на Маскат, Сохар, Сур и Курийат и заняли эти старые торговые города.

Португалия была первой западной державой, начавшей строительство колониальной империи. Располагаясь на самой окраине Европы на берегу Атлантики, эта страна фактически держала под контролем морской путь на юг, ближе всех находилась к мысу Доброй Надежды, за которым открывалась дорога в Индию и к островам пряностей. Неудивительно, что именно португальцы проложили этот маршрут. Помимо географического положения имелись и другие причины военной экспансии. Португалия раньше других христианских стран освободилась от господства арабов. Так называемая реконкиста завершилась здесь в 1270 году.

Война против иберийских султанов, продолжавшаяся несколько веков, сформировала особый тип сознания у португальской элиты. Представление о своем мессианском предназначении и враждебность к исламу даже после ухода арабов с территории Португалии определяли сознание тех, кто устремился на Восток.

Арабы, жившие на восточном берегу Африки, не имели никакого отношения к тем, что когда-то заняли Иберийский полуостров. Но португальцы обрушились на них с такой яростью, будто они были злейшими врагами христианства. О своих победах они извещали папский престол, неизменно заявляя о своей решимости вести реконкисту в мировом масштабе. Но, обладая лишь полуторамиллионным населением, Португалия не в состоянии была обеспечить сколько-нибудь прочную колонизацию, и ее гарнизоны могли лишь местами контролировать береговую полосу вдоль морского пути в Индию.

Внутренние районы тех стран, которые стали объектом экспансии, остались вне контроля португальцев. Это в полной мере

относится и к Оману. Оккупационный режим сразу начал с демонстрации своей жестокости - португальцы сожгли Маскат, Калхат, Тиви, Дарсаит и Джульфар, за любые попытки возмущения резали арабам носы и уши.

Разобщенность страны не позволила дать достойный отпор врагу. Племенные вожди, по сути дела ставшие царьками небольших государственных образований, в очередной раз оказались неспособны принять вызов истории. Их снедала гордыня, именно поэтому раз за разом попытки имамов восстановить идеальное исламское государство рушились под ударами племенной вольницы.

Организация общества по моделям гордых аздитов явно пережила свое время, и Оман стоял перед выбором: либо стать государством в подлинном смысле слова, либо сделаться добычей молодых хищников, затеявших новый дележ мира.

ВЕЛИЧИЕ И НИЧТОЖЕСТВО

Почти полуторавековое господство португальцев на Оманском побережье (Маскат оставлен ими в 1650 году) стало возможно не только из-за разобщенности племен, боровшихся одни на стороне царей Набханитов, другие на стороне имамов. Этому благоприятствовало и положение в исламском мире.

Вместо объединения против общего противника Оттоманская империя сражалась с персами и с египетскими мамлюками, а арабские шейхи Залива воевали друг с другом. Впрочем, и христианский мир не был един. Венецианцы блокировались с теми же мамлюками против португальских "братьев во Христе". Да и другие европейцы были далеки от солидарности. Это, в конечном счете, стало причиной поражения первых колонизаторов.

Португальские гарнизоны, размещенные по обоим берегам Оманского залива (Ормуз также перешел под контроль завоевателей) поставили мореплавание и международную

торговлю в регионе в полную зависимость от новых хозяев. 100 процентов пряностей, поступавших в этот период с Востока в Европу, проходили через португальские таможни. Более столетия продолжалась эта монополия, приведшая, между прочим, и к значительному росту цен на соответствующие товары. Недовольство и зависть со стороны других европейских держав, также мечтавших поучаствовать в грабеже Индии, вызвали их столкновение с Португалией.

Учрежденные на рубеже 16-17 веков Английская Ост-Индская и Голландская Ост-Индская компании представляли собой военно-коммерческие формирования, способные к морскому разбою и десантированию на побережья. По проторенным ими океанским путям пошли флотилии под командою королевских адмиралов. Одна из них, в которую входили английские и голландские суда, разгромила в 1625 португальскую эскадру возле Ормуза.

Задача вытеснения португальцев с занятых ими территорий была не из простых. Завоеватели создавали на всем пути следования из Европы в Индию мощные опорные пункты. В Омане главной твердыней португальцев стал Маскат, расположенный в местности, как бы самой природой созданной для обороны с моря и суши.

Горный хребет, почти вплотную подошедший к Оманскому заливу, оставляет только узкие проходы, которые легко запереть сотне вооруженных людей. Два утеса, нависших над бухтой, дают возможность обстреливать сверху любого неприятеля, явившегося с океана. Именно эти утесы были увенчаны мощными укреплениями - если смотреть с берега, слева окажется форт Мирани, в полуверсте справа - форт Джалали.

Португальцы отреставрировали руины древних крепостей, которые противостояли бомбардировке флотилии Альбукерке. Но эти великолепные оборонительные сооружения, по сей день

служащие украшением столицы, не смогли предотвратить поражение захватчиков. Ибо пробудившийся к борьбе и сплотившийся для достижения победы народ сильнее любых крепостей. Но прежде чем такое стало возможно, должно было пройти много десятилетий унижения.

Иностранное господство всегда вызывает рост национального самосознания, и может быть в ту эпоху именно оно обусловило победу сил разума, избравших имамом Насира бин Муршида из рода аль-Йаруба. Это произошло в 1624 году, и совпало с началом открытой борьбы между португальцами и их противниками в Заливе. Новый имам поставил целью добиться изгнания оккупантов, но, понимая сложность задачи, стал решать ее постепенно, мало по малу отвоевывая территорию за территорией.

Первым населенным пунктом, перешедшим под власть имама было селение Нахль, расположенное у самой подошвы Джебель-Ахдар с морской стороны. Таким образом в распоряжении сил имама оказался плацдарм, с которого можно было осуществить захват Батины, контролировавшейся португальцами.

Но главной задачей было сплотить племена той части Омана, которая не была подконтрольна португальцам. Оазисы, протянувшиеся длинной цепью за хребтом Джебель-Ахдар, находились под управлением местных вождей, провозгласивших себя царями и князьями без всяких на то оснований. Именно они представляли собой главное препятствие для объединения. Устраивая заговоры и восстания против имама, они не раз ставили под угрозу и его жизнь, и его великую миссию. Но превосходство Насира бин Муршида над его противниками было очевидно - его мудрость и приверженность идее национального спасения придала его действиям ту последовательность и продуманность, которых не

было у его соперников, руководствовавшихся узко эгоистическими интересами.

Заняв после вооруженной борьбы какой-то населенный пункт и тяготеющую к нему местность, имам не спешил развивать наступление. Он стремился организовать управление в этом районе так, чтобы соседи могли присмотреться и оценить превосходство имамата. При этом Насир старался не сводить счеты с побежденными, но проявлял великодушие и милосердие.

На фоне постоянных кровавых междоусобиц, к которым привыкли во Внутреннем Омане, такая политика несомненно создавала привлекательный образ имама и олицетворяемого им порядка.

Добившись подчинения Низвы и Дахиры, местности, протянувшейся на запад вдоль хребта, имам смог установить контроль и над группой оазисов, ныне носящих имя Бурейми. Таким образом, был обеспечен тыл для борьбы с иноземцами. И тогда военные действия решено было перенести в Батину. Первой крепостью, которую удалось взять, была Лива, затем началась осада Сохара, важнейшего опорного пункта португальцев на берегу Оманского залива.

После захвата города оманцами (1643) в руках противника остался лишь сильно укрепленный замок. Для продолжения осады по указанию имама было начато строительство форта напротив португальской крепости. Только она да укрепленный район Маскат-Матра оставались к 1649 году под контролем колонизаторов.

В этот решающий момент последовала смерть имама. Он не успел завершить начатое, но главное дело его жизни - единое государство - осталось. Преемник имама Насира Султан бин Саиф (1649 - 1680) продолжил дело освобождения.

Он оказался хорошим стратегом и политиком. Расчеты португальцев на то, что Оман вновь погрузится в пучину раздоров

между кланами и племенами, не оправдались. Идея национального освобождения к тому времени овладела всем народом. И именно это обстоятельство привело к окончательному изгнанию оккупационных сил.

Перед Рождеством накануне 1650 года лазутчики донесли имаму, что гарнизон Маската сильно ослаблен из-за переброски части солдат в Индию. Неожиданным нападением оманцам удалось захватить форт Джалали, а затем и весь город. Стоявшие в порту соседней Матры два военных корабля также были захвачены. Таким образом, остатки португальских сил были полностью разгромлены. Большой флот, присланный из индийских колоний Португалии, попытался восстановить контроль над оманским побережьем, но это не удалось ему.

Теперь уже португальцам пришлось испытать чашу унижений, которую полтора столетиями ранее они уготовали арабам. Как долго сжимаемая пружина, распрямляясь, сметает препятствия, так освобожденная от иностранного гнета энергия Омана устремилась вовне. Военно-морской флот, построенный при имамах династии Йаруба, стал преследовать португальцев на море и на суше. Почти все опорные пункты колониальной империи Лиссабона на берегах Индийского океана стали мишенью для оманских корабельных орудий.

В течение нескольких десятилетий, последовавших за освобождением собственной страны, оманцы избавили от португальской оккупации все побережье Африки от Сомали до Мозамбика. Население этих мест, уже много веков исповедовавшее ислам, надо полагать, без больших сожалений рассталось с новыми крестоносцами.

В 1661 оманский флот атакует занятый португальцами Бомбей, в 1668, 1670 и 1676 совершает нападения на расположенный неподалеку Диу. В 1698 году оманцы захватили

Момбасу и вскоре установили контроль над Пембой, Занзибаром, Паттой и Кильвой. Противник не хотел смириться с утратой господства в Индийском океане, и в 1729 году португальцы одновременно напали на Маскат и Занзибар. Но и эта попытка вернуть колонии не удалась.

Внутреннее единство Омана, восстановленное первым имамом династии Йаруба, было главным условием могущества страны, достигнутого в правление имама Султана бин Саифа. С переходом власти к его сыну Баларабу в 1680 году стабильность общества также не нарушалась, и люди наслаждались миром и процветанием. Но затем родной брат имама Саиф бросил ему вызов при поддержке ряда племен. Преданная Саифу часть элиты провозгласила его имамом. Началась война, и вскоре большая часть территории страны контролировалась противниками Балараба. Однако взять замок Джибрин, где долгое время укрывался законный имам, мятежники не смогли. Только со смертью Балараба Саифу удалось добиться повиновения всех племен. В 1691 году он был вторично провозглашен имамом.

Двадцатилетнее правление Саифа бин Султана стало одним из самых успешных в истории Омана. Созданный им мощный военный флот осуществил изгнание португальцев из большинства восточноафриканских колоний и заставил другие колониальные державы считаться с возросшей ролью Омана в делах региона. Успехи в строительстве собственной империи привели к росту доходов казны, что сказалось на всех сторонах жизни страны.

При имаме Саифе было построено много новых фаладжей и оросительных сетей, был достигнут значительный прогресс в области сельскохозяйственного производства. Строились новые школы и медресе. За свою рачительность и заботу об общем благе имам получил прозвище Хранителя Земли.

Столь же успешным было правление Султана бин Саифа Второго, который наследовал его отцу в 1711 году. За семь лет его имамата Оман стал гегемоном Залива, установил контроль над частью его северного побережья, над Бахрейном и другими арабскими землями вплоть до Красного моря.

Восточная Африка и Западная Индия также входили в сферу оманского влияния. Это было время наивысших достижений государства Йаруба, за которым вновь последовал период нестабильности.

В который раз уже вопрос наследования власти роковым образом сказался на судьбе страны и народа. Со смертью Султана бин Саифа Второго (1718) вновь пробудились силы, выступавшие против династического принципа передачи власти.

Поскольку сын умершего имама Саиф был малолетним, религиозные лидеры решили, что он не может исполнять роль главы государства. Ведь согласно ибадитским воззрениям о справедливом общественном устройстве глава религиозной общины возглавляет и светскую власть.

Такая логика делала невозможным признание мальчика верховным авторитетом в религиозно-нравственных вопросах, и подводила улемов к мысли об избрании нового имама из числа родственников умершего Султана бин Саифа. Наиболее приемлемой сочли кандидатуру его зятя Муханны бин Султана. Однако не все приняли нового имама. Часть народа продолжала отстаивать династические права Саифа бин Султана.

Менее трех лет Муханна оставался у власти. Во время выступления сторонников Саифа он был убит. Это еще больше обострило противоречия. Разные племенные группы провозгласили имамами разных претендентов на власть. Борьба между ними приостановилась лишь с достижением совершеннолетия Саифом бин Султаном. Религиозные лидеры

провозгласили его имамом в 1727 году, и народ с облегчением вздохнул, надеясь на установление мира.

Но тот, из-за кого почти десять лет шла ожесточенная междоусобная борьба, не оправдал ожиданий. Саиф оказался не годен для должности имама по своим моральным качествам, его обвиняли в отступлении от шариата, и через пять лет он был отрешен от власти советом улемов и шейхов. Новым имамом избрали Балараба бин Хамьяра, но ему не удалось заняться созидательными делами, ибо Саиф бин Султан отказался подчиниться решению вождей народа и обратился за помощью к иноземцам. Сначала он прибыл к белуджам Макранского побережья, лежащего на северной стороне Оманского залива, и заручился их поддержкой. Но приведенное им войско было разбито Баларабом. Тогда Саиф обратил свой взор в сторону Персии.

Надир-Шах, только что пришедший к власти в соседней державе, был одним из самых сильных и амбициозных правителей своего времени. За 12 лет его правления (1736-1747) Иран значительно расширил свою территорию за счет соседей. Призыв Саифа о помощи показался шаху как нельзя кстати. Агрессивные замыслы по установлению контроля над Заливом теперь можно было облечь в законную форму. Когда морской десант персов высадился в 1737 году неподалеку от Сохара, у иранского командующего Латиф Хана и в мыслях не было сражаться за дело Саифа.

Тем временем вожди племен и духовные авторитеты, напуганные размахом гражданской войны, предприняли еще одну попытку восстановить стабильность через возвращение Саифа к власти. Благодаря их посредничеству удалось убедить Балараба бин Хамьяра оставить пост имама. Саиф бин Султан был вторично провозглашен религиозно-светским лидером Омана.

Однако еще несколько лет пребывания “легитимного” правителя у власти не дали умиротворения. Испытания ничему не научили Саифа. Он остался таким же высокомерным и своенравным. Снова последовали обвинения в пренебрежении шариатом, и в 1741 Саиф бин Султан вновь был отрешен от управления страной, а имамом избран Султан бин Муршид аль-Йаруби.

Пожалуй, единственным добрым делом имама Саифа было назначение губернатором Сохара шейха Ахмеда бин Саида Аль Бу Саид. Этому человеку предстояло сыграть решающую роль в судьбе Омана.

Тем временем отстраненный правитель вновь обратился к Надир-Шаху за помощью. На сей раз персы потребовали от обанкротившегося властителя обязательства признать вассальную зависимость от Ирана и платить налоги в шахскую казну. Вторгнувшись большими силами на территорию Омана, интервенты осадили Сохар и Маскат.

Девять месяцев длилась эта осада. Во время одного из штурмов Сохара был ранен и затем скончался имам Султан бин Муршид. А вскоре умер и поддерживаемый персами Саиф. В очередной раз образовался вакуум власти, который лидеры страны попытались заполнить, избрав нового имама из династии Йаруба. Им вновь стал Балараб бин Хамьяр.

Но и на этот раз большая часть племен и городов отказалась признать его. Так завершилась история династии, у истока которой стоял великий человек, которую прославили выдающиеся, хотя и противоречивые правители. Но жалкая роль, которую сыграл Саиф бин Султан, едва не перечеркнула в глазах современников великие достижения его предков.

РОЖДЕНИЕ ДИНАСТИИ

Нашествие персов в середине 18 века завершило своеобразный цикл оманской истории, который английский исследователь Вилкинсон определил как цикл имамата. Согласно его представлению, имамат представлял собой выражение племенных традиций организации общества и являлся квази-государством. Всякая же попытка построения подлинного государства и установления династического правления вызывала сопротивление племенной элиты, выливавшееся в гражданскую войну всякий раз, когда возникал спор из-за наследования власти. Разрушение полугосударственных структур имамата вело к ослаблению станы и заканчивалось иностранной оккупацией стратегически важных приморских территорий⁶.

⁶ Исследователь так определяет причину цикличности: “Их государственный аппарат также был минимален и направлен лишь на постепенное продвижение в сторону восстановления настоящего исламского государства, основанного Пророком. Так что ибадитские институты, учрежденные в Омане, были слишком слабы для того, чтобы повлиять на коренную смену социальной системы, и власть оставалась в сильной степени децентрализована и зависела от племен. Кроме того, право властей на сбор налогов полностью контролировалось исламской конституцией, и вожди племен следили за тем, чтобы они не превышали этих полномочий, по крайней мере внутри страны. Взятые вместе ибадизм и племенное устройство помешали развитию капитала, как в форме капитала в городской иерархии, который сам по себе стимулировал бы перемены в производительной системе сельского хозяйства (напр., заметьте разницу между той экспансией в районе Сохара в выращивании сельской продукции, которую обусловила интернационализация города в 10-11 в. до нашей эры, и районом Низвы, столицы

Уроженец небольшого селения Адам на границе пустыни и предгорной части Внутреннего Омана, выходец из семьи торговцев Ахмед бин Саид Аль Бусаид Аль Азди не принадлежал к тем кланам, которые традиционно являлись поставщиками правителей страны. По своему происхождению он был коренным оманцем (Аль Азди). Занимаясь торговлей в Сохаре, он составил значительное состояние, и стал одним из видных людей города.

Недаром имам назначил его *вали* (губернатором) этого крупнейшего коммерческого центра. Как правитель Сохара он приобрел авторитет в народе – умелые действия по отражению персидского нашествия сделали его подлинным вождем национального сопротивления.

Обанкротившаяся в лице Саифа бин Султана династия больше не вызывала доверия, и, напротив, личность Ахмеда бин Саида Аль Бу Саид стала олицетворением надежды на возрождение истерзанной земли.

Имамата, где сельское хозяйство было в состоянии статичном или упадка), так и в форме капитализации системы землепользования или путем развития рыночной экономики, или - централизованного чиновничества. Любая попытка сделать власть более централизованной автоматически вызывала сопротивление в двух всеохватывающих институтах Омана, управлявших политической и социальной системами внутри страны. Таким образом, “цикл имамата” может демонстрировать периоды экспансии или сокращения (влияния), но никогда он не покажет достаточного количества новшеств для того, чтобы взорвать или заставить рухнуть социально-политический порядок. Отсюда очевидная “безвременность” оманской истории, а также “закрытие” социальной “системы” (Дж. Вилкинсон. Оманские традиции имамата. Лондон, 1987).

Изгнание персов происходило поэтапно. При этом Ахмед бин Саид проявил себя как искусный политик, руководствующийся здравым смыслом, выраженным оманской народной мудростью: «пойди дальней дорогой, но вернись живой». Понимая, что победить сильного врага в результате одной операции невозможно, он пошел на подписание мира с командующим войсками Надир-Шаха, в результате чего присутствие персидских сил было существенно ограничено. Под их контролем остались только форты Маската. Затягивая выполнение соглашений о выплате налогов и поставке припасов для иранских гарнизонов, Ахмед бин Саид добился серьезного ослабления и деморализации противника.

Возможно, война нервов длилась бы еще долго, если бы не драматическое развитие событий в Персии. Выдающийся воитель и строитель огромной империи Надир-Шах был убит в июне 1747 года в результате заговора.

Известие об этом породило отчаяние среди персидских солдат, и когда коменданты крепостей Маската получили приказ об эвакуации, это вызвало только радость персов. Им и в голову не пришло, что они стали жертвами военной хитрости Ахмеда бин Саида...

Родственник умершего имама Саифа Маджид бин Султан, назначенный шахом губернатором Омана, потерпел кораблекрушение близ Сохара. Будучи захвачен, он, по-видимому, передал Ахмеду бин Саиду губернаторскую печать. Ею был скреплен приказ о передаче фортов, который доставил в Маскат от имени Маджида человек Ахмеда бин Саида. Персы, уставшие от лишений и тягот службы, охотно очистили укрепления и отправились на родину.

Со смертью имамов Балараба и Саифа не осталось фигур, вокруг которых могли бы сплотиться различные племенные

группировки. В таких условиях неоспоримый лидер сопротивления Ахмед бин Саид был избран имамом в духе консенсуса, и это позволило ему немедленно приняться за преобразование страны.

По мнению большинства современных историков наиболее достоверной датой начала нового имамата следует считать 1744 год, хотя имеются и иные свидетельства, отодвигающие время введения в должность имама Ахмеда бин Саида к 1749 году. Как бы то ни было, точная цифра имеет лишь формальное значение, ибо акт избрания только закрепил давно существовавшее лидерство⁷.

⁷ Мы можем составить представление о высоких моральных качествах основателя новой династии по тем требованиям, которые предъявлялись к лидеру ибадитов. Вилкинсон приводит в своей книге “Оманские традиции имамата” те критерии, которыми руководствовались при рассмотрении кандидатур на высшие должности в имамате: “Имам (также как и вали) должен быть взрослым мужчиной выдающегося ума; не слепым, не глухим, не дряхлым, при всех конечностях – иначе он не сможет выполнить свои обязательства и принять участие в джихаде. А также он не должен быть евнухом или немощным. Он не должен быть сумасшедшим или слабоумным, а также завистливым, трусливым, жадным, лжецом; он должен держать слово, давая обещания и придерживаться соглашений; у него не должно быть других свойств, вызывающих беспокойство. Он должен быть ученым человеком, ибо без знаний и восприятия как сможет он исполнять свои обязанности и верно толковать законы, и обеспечивать, чтобы и его подчиненные поступали так же?”

В особенности этот перечень качеств исключает детей и женщин как кандидатов, и утверждает, что кандидат должен быть в здравом уме и не иметь физических дефектов на момент избрания. Все прочее в списке – лишь совет, ценность которого определяется скорее избирателями, чем избираемым.”

Понятно, что при рассмотрении кандидатуры человека, не принадлежавшего к династии, уже правившей Оманом, соответствие всем освященным традициями критериям проверялось особенно придирчиво.

В то же время церемония провозглашения имама выглядела предельно просто, это символизировало демократический характер происхождения его власти, отсутствие благоговения перед фигурой носителя высших полномочий.

Несомненно, и при введении в должность Ахмеда бин Саида большой пышности не было. Страна была разорена войной, и торжества были неуместны. В пользу такого предположения свидетельствует практичность, скромность нового имама. Именно эти качества высоко ценились прагматичными ибадитами.

Несомненно, люди были преисполнены надежд на то, что идеальное исламское государство будет наконец создано – именно это виделось конечной целью ибадитской доктрины. Первоначальная простота и демократичность, царившие в мусульманской общине, руководимой Мухаммедом, казались столь легко достижимыми, что возрождение Золотого Века представлялось реальным проектом при всякой новой попытке обрести лидера.

То, что всякий исторический цикл заканчивался крушением династии и гражданской смутой, не воспринималось идеологами племенного полу-государства как трагическая закономерность. Они искали причину этого в кознях тиранов и внешних врагов. В то время как главным пороком сложившейся системы правления было то, что она отражала реальности недогосударства. Анархические силы, противившиеся складыванию жесткой и эффективной системы государственной власти, пытались обрести в ибадитской идеологии оправдание своих разрушительных действий, хотя само по себе вероучение не давало для этого никаких оснований. И

всякий имам, осознававший необходимость реформирования рыхлой структуры управления, с неизбежностью вступал в противоречие с улема, охранявшими неприкосновенность отживших традиций.

Более того, такой имам сам мог быть объявлен тираном. В Омане говорят: не суй руку второй раз в ту нору, где ее укусили. Но как часто народная мудрость игнорируется сильными и богатыми, как часто, не желая учиться у прошлого, они повторяют чужие ошибки!

В лице Ахмеда бин Саида на авансцену оманской истории вышла пятая династия от начала исламского периода. Предыдущие – Джуланда, Йахмад, Набхан и Йаруба – не сумели обуздать племенную стихию и утратили лидирующую роль в оманском обществе...

Для юного принца Кабуса образ его великого предка имел особое значение. Изображение имама не сохранилось, но мальчик пытался представить себе его собирательный образ, разглядывая портреты тех представителей династии, которые царствовали позднее. Два века разделяли их, но как много общего! Имам Ахмед пришел к власти после долгих десятилетий упадка. Разорение и нищета царили вокруг. Великое прошлое страны уже стало стираться из памяти живущих поколений, и, чтобы возродить достоинство Омана, необходимо было вернуть людям веру в возможность возрождения.

Кабус расспрашивал старших о делах основоположника династии и постепенно воссоздавал для себя пеструю картину эпохи, в которую жил имам Ахмед. Это был сложный и противоречивый период, и нужно было обладать выдающимся чутьем и даром предвидения, чтобы верно определить союзников, суметь извлечь выгоду для своей страны из соперничества могучих государств.

К тому времени уже начала складываться глобальная взаимосвязь стран и народов. От взаимоотношений далеких от региона держав зависела политическая реальность в Заливе. Противоборство Франции и Великобритании в Европе оборачивалось образованием крупных коалиций на Востоке.

Так как англичане уже давно стали союзниками Османской империи, надеясь с ее помощью ослабить позиции Франции в Средиземноморье, французы стали сближаться с Персией, видя в ней противовес туркам.

А поскольку главным противником оманской независимости в течение столетий была как раз Персия, то союз с Османской империей становился естественным для Омана. Но Ахмед бин Саид не шел на поводу примитивных логических схем. Вместо союза с Великобританией и противостояния Франции, которые сами собой напрашивались в тогдашней обстановке, имам предпочел политику равноудаленности от обеих держав. Эту мудрая позиция проявилась в одном из эпизодов, рассказанном принцу Кабусу учителем на уроке истории...

Французские корабли в годы Семилетней войны (1756-1763) нападали на английские, стремясь нарушить коммуникации между Великобританией и ее индийскими факториями. Ареной сражений не раз становился и Оманский залив. Неоднократно, преследуя английские суда, французские парусники обстреливали их в виду фортов Маската. Береговые орудия открыли огонь по нарушителям свободы судоходства⁸.

Позиция, занятая правителем Омана, отражала не только стремление охранить коммерческие интересы страны, страдавшие от разбоя на морях. Она была продиктована традиционным арабским гостеприимством, предусматривающим защиту всякого гостя.

⁸ Oman in History. London, Immel Publishing Ltd, 1995 pp.431

Когда французы захватили оманское судно, перевозившее товар, принадлежавший англичанам, оманцы в ответ задержали в Маскате французский корабль. Однако, это не привело к дальнейшему обострению - Ахмед бин Саид обратился к французскому королю Людовику XVI с предложением об открытии миссии в Маскате и заверил в своих дружественных чувствах.

Большое развитие получили отношения Омана с Майсуром. Султан этого государства Хайдар Али контролировал Малабарское побережье Индии с крупнейшими торговыми портами Мангалор и Каликат. Вступивший после него на трон его сын Типу (1782-1799) стал одним из главных союзников и торговых партнеров Омана. Обе страны успешно сотрудничали в борьбе с пиратством. Во время межсезонья, когда из-за направления муссонных ветров невозможно было плавание в сторону Индии, большая часть флота Майсура базировалась в гаванях Омана.

Снизив таможенные пошлины с 10 до 6 процентов, имам добился доминирующего положения в торговле с богатейшим султанатом Индии. Оттуда шли сандаловое дерево, перец, слоновая кость, ткани, рис, а из Маската - шафран, соль, лошади, жемчуг, изюм. В Индию из Омана отправлялись ловцы жемчуга для освоения жемчужных банок Малабарского побережья, плотники для строительства флота султанов Майсура.

Внешняя политика Ахмеда бин Саида, пронизанная прагматизмом, позволила добиться роста могущества страны и обеспечить ее экономическое процветание. Возможно, происхождение из семьи коммерсантов определило понимание проблем экономического развития, которое отличало основателя династии Аль Бу Саид. В годы его правления Маскат превратился в один самых процветающих портов бассейна Индийского океана, ибо разумная таможенная политика в сочетании с внутренней стабильностью привлекли сюда торговцев со всего света.

Почти сорок лет имамата Ахмеда бин Саида были временем возрождения древней славы. Из страны, еще недавно неспособной защитить себя, обновленный Оман превратился в могущественную державу, способную вести борьбу за свои интересы на море и суше. Когда персы осадили Басру, именно военная помощь оманского имама позволила турецкому командующему избежать поражения. Правитель Персии Карим-Хан так и не смог реализовать свои захватнические замыслы в отношении Омана, непреодолимым препятствием для них стал мощный флот, созданный имамом. Имея в начале своего правления несколько старых кораблей, Ахмед бин Саид сумел организовать ресурсы государства и частных судовладельцев таким образом, что в случае необходимости мог мобилизовать сотни вооруженных судов. Если наиболее выдающиеся имамы предшествовавшей династии Йаруба опирались на сильный военный флот, то для эпохи Ахмеда бин Саида была характерна опора прежде всего на торговый флот. Это был первый в истории страны период, когда мощь государства имела в своей основе продуманную экономическую политику.

Реформы затронули все сферы жизни Омана. Административная система стала более разветвленной и динамичной. Подбору глав различных регионов имам уделял особое внимание. Своих сыновей он назначал на посты вали, чтобы они на практике постигали искусство управления государством. Чтобы привить им династическое мышление и особо выделить их из элиты страны, имам стал именовать их сейидами, что можно перевести как господин, государь; это соответствует титулам His Highness, Son Altesse, Его Высочество, употреблявшимся в Европе для обозначения членов семьи правящего монарха.

В одном Ахмед бин Саид не сумел проявить предусмотрительность - проблема преемственности власти стала после его смерти причиной политической неопределенности...

Семеро сыновей основателя династии и некоторые из его внуков оказались вовлечены в междоусобицу. Старший в роду Хиляль умер раньше отца, поэтому имам объявил свое решение: преемником должен быть третий по старшинству сын Саид. В исторических источниках нет ясных указаний, при каких обстоятельствах совершилось избрание нового имама. К тому же, и порядок передачи светской власти не был законодательно оформлен, что породило возможность различных толкований. В результате произошло разделение власти на светскую и религиозную – Саид занял пост имама и сосредоточился на духовном лидерстве, а его сын Хамад пользовался полномочиями реального правителя в сфере управления государством. При этом часть территории страны находилась под контролем Кайса, старшего из оставшихся в живых сыновей Ахмеда бин Саида. Чтобы не вступать в конфликт с Хамадом, два других сына основателя династии уехали за пределы контролируемой им области – Саиф в Восточную Африку, а Султан во Внутренний Оман, где попытался создать сферу собственного влияния с опорой на кочевые племена. Когда Хамад умер (1792), Султан немедленно появился в Маскате и при поддержке Кайса сосредоточил в своих руках светскую власть.

Одиннадцать лет правления Султана бин Ахмеда ознаменовались стабильностью и процветанием, хотя взаимоотношения внутри династии были далеки от гармонии. Имам Саид бин Ахмед по-прежнему пребывал в Рустаке, а третий из братьев Кайс правил той частью Батины, которая имела своим центром Сохар. Когда в 1803 году Султан отправился в хадж, его племянник Бадр, сын умершего в Африке Саифа, попытался

захватить власть в Маскате, а затем, после провала переворота, бежал к ваххабитам, не раз пытавшимся завоевать Оман.

Неясно, как удавалось поддерживать политическое равновесие в таких условиях. Можно сказать, что все члены правящей семьи ходили по лезвию бритвы, тем не менее междоусобицы удалось избежать. Видимо, и личные качества Султана бин Ахмеда, и коллективная историческая память оманской элиты обеспечили относительно мягкое разрешение конфликтных ситуаций в этот период. Хотя властные полномочия фактического правителя никогда не были признаны де юре, и племенные вожди, и улема признавали первенство Султана.

Атрибутами могущества правителя Омана стали новые мощные форты и огромный дворец Бейт Аль Алам, просуществовавший до 1970-х годов. Султан Кабус после своего восшествия на престол распорядился снести обветшавшие здания, но сохранил за новым прекрасным дворцом, построенным на том же месте, старое имя. По сей день изображение дворца Аль-Алам является символом государственной власти наряду с флагом Омана.

Благодаря наступлению внутренней стабильности и росту экономической мощи страны, Султан бин Ахмед начал проводить активную внешнюю политику, стараясь упредить возможные вызовы.

С этой целью он предпринял военные экспедиции на Макранское побережье Оманского залива (противоположное тому, на котором находятся Маскат и Сохар), на Ормуз, на остров Кешм, расположенный поблизости от иранского берега Ормузского пролива. Попытался он взять под свой контроль и Бахрейн, в прошлые века находившийся под властью Омана. Но бахрейнцы обратились за помощью к ваххабитам, и замысел сейида не

осуществился, более того, отношения с воинственным соседом заметно обострились.

Поэтому логичной была попытка оманского государя укрепить отношения с багдадским пашой, наместником Османской империи, также озабоченной усилением ваххабитов. Со времен его отца, имама Ахмеда, турки выплачивали Оману ежегодную дань за помощь, некогда оказанную им во время персидской осады Басры. Очередной поход группы кораблей в Басру решил возглавить сам султан.

Надо полагать, ваххабитам могли стать известны обстоятельства его визита и содержание переговоров с османскими властями. Во всяком случае, вассал Ибн Сауда шейх Рас эль Хаймы напал возле острова Кешм на небольшой оманский флот, возвращавшийся из Басры, и сейид Султан был убит в этом сражении (1804).

Правителем стал Саид бин Султан бин Ахмед. Этому молодому человеку удалось то, чего не могли добиться многие и многие его предшественники – создать державу, которую признали равной сильнейшие государства мира. Впервые после падения Халифата возникла новая арабская империя. И хотя создана она была не силой оружия, а коммерческой сметкой монарха, за полвека своего господства султан Саид не раз направлял армию и флот для защиты интересов страны. На первом этапе его правления это были в основном оборонительные войны.

Коммерческие потребности империи, протянувшейся на тысячи километров от Индии до Мозамбика, обслуживал огромный флот, ставший в эпоху великого государя вторым в мире после британского. Понятно, что суда Омана были вожаделенной добычей для пиратов, издревле промышлявших на оживленных торговых путях.

Особенно обильную дань собирали с мореплавателей обитатели побережья залива, прилегавшего к Ормузскому проливу. Здесь, как и в царствование Султана бин Ахмеда, господствовала династия Кавасим. Возглавлявший ее шейх Шарджи Сакр (правил в 1803-1866 гг.) бросил вызов не только соседям, но и британцам.

Флот Шарджи, состоявший из нескольких сот крупных и мелких судов, хозяйничал в заливе. Облагая данью и грабя суда британской Ост-Индской компании, торговые суда индийских и оманских купцов, пираты стали грозной помехой государственным интересам Омана. После разграбления корабля "Минерва", шедшего в Басру с грузом на 100 тысяч рупий, терпение англичан тоже иссякло. Поэтому сложившийся в этот период союз Саида бин Султана и Британской империи был естественным явлением. Общие коммерческие интересы и впоследствии были основой этих отношений. Когда султан как-то произнес «я - только купец», это была не случайная оговорка, это было действительное самоощущение владыки огромного успешно работающего торгового дома, каким стала его империя. В этом отношении его мировоззрение было близко проникнутому меркантилизмом мышлению европейских государей.

Несомненно, что при создании этих коалиций проявился прагматизм Саида бин Султана, предпочитавшего иметь сильных друзей, а не могучих врагов. Хотя не во всем результаты побед его союзников были на руку Оману. Так, после двукратного разгрома Рас эль Хаймы шейхи Пиратского берега вынуждены были подписать Общий мирный договор (1820), который был подтвержден в Морском перемирии (1835) и Бессрочном морском перемирии (1853).

Эти соглашения поставили шейхов и их крохотные государства под британский контроль, а Пиратский берег стал с тех

пор именоваться Договорным берегом или Договорным Оманом. Последнее название просуществовало до 1971 года, когда колония провозгласила независимость под названием Объединенных Арабских Эмиратов. Оман фактически потерял эту территорию еще в конце 18 века, после признания пиратскими шейхствами сюзеренитета Саудидов. Но после соглашений 1820 года он и юридически больше не мог претендовать на возвращение своих земель. Веками Оманское государство стремилось к расширению своей власти в Заливе. Отныне это направление экспансии было закрыто. Но с тем большей энергией она была продолжена в сторону Африки.

ВСЕ БОГАТСТВА ЗЕМЛИ

Видимо, сейид Саид бин Султан не ощущал потребности в легитимации своей власти посредством избрания на пост имама. Во всяком случае, об этом молчат современные ему исторические источники. Династический принцип передачи власти получил к тому времени достаточно прочную поддержку как среди элиты, так и среди народа. За более чем полувековое правление султана не раз случались восстания племен, звучали призывы к возрождению консервативных методов правления, характерных для некоторых периодов имамата, однако, ни одна из попыток оспорить его полномочия не имела серьезных последствий. Ведь главным аргументом бунтовщиков и революционеров всегда являются тяжелое экономическое положение, социальная несправедливость, унижение национального достоинства. А государство, руководимое Саидом бин Султаном, по всем этим позициям могло быть образцом для своих соседей – экономическое процветание привело к росту благосостояния для всех слоев общества, к увеличению мощи и международного авторитета Омана...

Приобретя под руководством домашних учителей хорошие знания по истории династии, принц Кабус ощущал потребность как

можно больше узнать о своем великом предке и его опыте превращения родной страны в великую державу Индийского океана. И он просил рассказывать о все новых сторонах деятельности Саида бин Султана, потому что верил в возможность повторения его великих свершений в новые времена.

Да, многое в мире изменилось, но небо и земля все те же, тот же самый народ живет по берегам океана, в предгорных оазисах и на просторах пустыни. Почему иному поколению дано было совершить подвиг, а другое должно влечить жалкое существование?

В том, что деяния султана и его современников были настоящим подвигом, зародившимся сначала как помысел, как мечта, Кабуса убеждали факты истории. Без мечты, без страстного желания и веры не созреет цель жизни, не родится план ее достижения, не будет и самого свершения. Все начинается с мечты...

Личность Саида бин Султана привлекала юного наследника престола и благодаря тому романтическому шлейфу, который окутывал его долгую жизнь, прошедшую в дальних странствиях по морю и суше. Его величественную фигуру с гордой осанкой, его благородное лицо с властным взглядом легко было представить и в шуме битвы – в аравийских пустынях и джунглях Африки, среди бушующих волн во время схватки с пиратами. Имя его вызывало в воображении райские земли и прекрасные города, которые когда-то принадлежали Оману.

Кабус рассматривал старинные фотографии Занзибара. Изящные, покрытые деревянной резьбой, непохожие на аравийские жилища дома острова. Узкие тенистые улицы, застроенные высокими каменными домами. Гавань, забитая судами со всего мира – доу и самбуки с косыми парусами, многомачтовые фрегаты, пароходы с закопченными трубами. Толпы черных людей в

набедренных повязках, и рядом – арабы, одетые по-омански, в дишдашах, в куммах, в сандалиях, с серебряными ханджарами на поясах...

Саид бин Султан был не первым государем в истории Омана, кто понимал значение морского могущества, кто устремлял свой взор в сторону богатых земель Восточной Африки. На тысячи километров от мыса Гвардафуй, северо-восточной оконечности черного континента, протянулись на юг крепости и торговые фактории арабов.

С первых веков ислама эти края стали привлекать предприимчивых мореходов и купцов Залива. Оманцы были в числе первых поселенцев из Аравии. Так что взаимосвязи обжитого ими региона с землей предков становились все сильнее.

Листая книги в дворцовой библиотеке, у открытого стрельчатого окна, через которое виден океан – кратчайшая дорога на Занзибар – можно забыть, в каком веке живешь, и перенестись вслед за арабскими мореходами на блаженные берега...

В начале 10 века в Восточной Африке побывал крупнейший средневековый историк и географ Аль-Масуди. В написанной им книге “Промывальни золота и рудники самоцветов” есть слова: “Зинджи поселились в этой области, и места их обитания граничат с Софалой – а это окраина страны зинджей... Это земля, обильная золотом, обильная диковинами, плодородная, жаркая”. Воображение уносит в далекие-далекие века, в зеленую страну, по которой бредут караваны черных носильщиков со слоновыми бивнями, шкурами леопардов, с носорожьими рогами.

В белый город на берегу зеленого океана, где шумит многоголосый базар, где из рук в руки переходят доставленное из глубин Африки золото, серебро, железо. Покупатели и продавцы объясняются на странном наречии, похожем на детскую скороговорку, отдельные слова можно узнать – они похожи на

арабские. Это суахили. В начале 12 века арабский географ Йакут уже записал имя Занзибара на этом языке – Унгуджа.

Когда португальцы появились здесь, они были поражены богатством, красотой и комфортом арабских городов. Это, однако, не остановило завоевателей, и цветущие селения подверглись ужасному разгрому со стороны новых крестоносцев. Немец Ганс Майер, находившийся на флагманском корабле “Сан-Рафаэль”, стал свидетелем нападения на Килву, крупнейший торговый город побережья (1505).

Тем печальнее узнавать из тех же исторических сочинений, что помог португальцам закрепиться на восточноафриканском берегу не кто иной, как арабский правитель Малинди. Он надеялся, что пришельцы помогут ему в борьбе против соседнего города Момбасы. Корабли адмирала Васко да Гамы получили воду и провиант для продолжения плавания. А самое главное – в помощь им был выделен первоклассный лоцман Ахмад ибн Маджид, оманец по происхождению. Он то и показал европейским колонизаторам путь в Индию. Когда же по прошествии лет он понял, каких волков в овечьей шкуре привел в сказочную страну, то горько каялся в своих стихах:

В тысяча пятисотом году португальцы приплыли в Индию,
Поселились, стали заводить знакомства, опираясь на правителей.

Люди в них сомневались... О, если б я знал, что от них будет!

Люди поражались их делам.

Много восстаний поднимали жители оккупированного побережья, но всякий раз их жестоко подавляли португальские гарнизоны, расквартированные в мощных крепостях, таких как уцелевший до наших дней мрачный форт Иисуса в Момбасе. Так прошло полтора века, и когда до арабских поселений Восточной

Африки дошли вести о крушении португальского владычества в Омане, в людях вновь проснулась надежда на освобождение.

В 1646 году восстал остров Пемба, соседний с Занзибаром, к нему присоединились города на материке. В Оман отправили просьбу о помощи, и она пришла с зимним муссоном. Высадившиеся с парусников воины имама вместе с местными ополченцами начали сражаться против португальцев.

Несколько десятилетий длилась борьба с сильным и жестоким врагом. Только в 1699 были освобождены последние арабские города Восточной Африки и по всему побережью до Мозамбика была признана власть имама.

После крушения государства Йаруба, многие местные правители воспользовались ситуацией и провозгласили себя независимыми. Даже могущественному Ахмеду бин Саиду, основателю новой династии, не удалось восстановить суверенитет Омана над восточноафриканскими территориями. Для решения этой исторической задачи страна должна была накопить силы, отразить внешние угрозы и возродить могучий флот. Только в первой половине 19 века это стало реальностью. Когда сложилось принципиально новое государство, характер которого в сильнейшей степени определила личность правителя.

Под властью оманских имамов и султанов Занзибар стал экономическим центром Восточной Африки, послужил базой для хозяйственного освоения этой части континента. Арабские торговцы проникли в район великих африканских озер задолго до европейцев. Путешественники середины 19 века, такие как Ливингстон и Стэнли, с удивлением обнаружили в глубине “девственных земель” старые поселения арабов. Не довольствуясь вывозом слоновой кости, золота и рабов – с древности бывших объектами торговых сделок с полудикими племенами – в годы правления сейида Саида арабы стали организовывать плантации

ценных сельскохозяйственных культур для последующего сбыта на рынках Занзибара.

Примечательно при этом, что султан Саид вовсе не преследовал цели захвата территорий и создания колониальной империи наподобие европейских. Арабские поселения, протянувшиеся сплошной цепью от Омана до Мозамбика, представляли собой очаги арабской культуры и торговые центры, к которым тяготели земли, населенные черными африканцами.

И отношения между ними строились на взаимной выгоде, а не на господстве и подчинении. Правитель Омана ничего не менял в структуре этих отношений, он добился главного - чтобы местные царьки сошли со сцены, и объединенная страна в полной мере наслаждалась миром и процветанием.

В 1828 и 1829 годах Саид бин Султан лично возглавил военные операции оманского флота в Восточной Африке. Тогда же он впервые посетил Занзибар и, оценив его торговое и военно-стратегическое значение, принял решение о строительстве на острове второй столицы империи. За несколько лет на месте сравнительно небольшого арабского поселения вырос крупный город Занзибар, получивший у местного населения имя Каменного Города, так как арабы принесли неизвестную здесь ранее культуру строительства. Никогда прежде здесь не строили с таким размахом и изяществом.

Дерево, главный строительный материал минувших веков, использовалось в Занзибаре для украшения зданий великолепными наличниками, дверями и балконами, напоминающими ажурные балдахины. В этом проекте, сравнимом со строительством Петербурга царем Петром Великим, культура суахили получила свое наивысшее выражение.

Праздничная атмосфера этого города белых стен и искусной резьбы по дереву удивительно соответствует открытости и

гостеприимству оманцев – мореходов и коммерсантов, людей большой учености и любознательности.

Узкие тенистые улицы были проложены таким образом, чтобы потоки воздуха свободно циркулировали благодаря естественной тяге. Это хитроумное градостроительное решение превратило город в своего рода естественный кондиционер; температура воздуха в нем всегда была ниже, чем в окружающей местности.

Не зря султан так полюбил этот город, ставший воплощением его мечты. Каждый год совершая далекие морские переходы до Маската и обратно, он наконец решился обосноваться в Занзибаре постоянно, и с 1840 года находился, в основном, в своих африканских владениях, деятельно участвуя в благоустройстве поселений, плантаций пряностей, заботясь о нарождающейся промышленности.

По приказу Саида бин Султана в предместье Занзибара Мтони был выстроен великолепный трехэтажный дворец, к которому примыкало множество построек для челяди. В центре сооружения находились роскошные персидские бани, щедро украшенные картинами и мозаиками. Здесь проводили время члены многочисленной семьи султана – читали Коран, творения арабских поэтов, слушали местную музыку таараб.

Неподалеку от первой резиденции, возведенной к 1834 году, султан распорядился построить другую, еще более роскошную. Местом для нее он выбрал мыс, вдающийся в океан, с которого открывается великолепный вид на зеленые островки, окруженные рифами. В час заката солнце садится как раз между ними, и Саид бин Султан, любивший поэтические минуты наедине с океаном, представлял себе, как будет провожать вечернее светило на террасе нового дворца, названного им Бейт аль Рас.

Почти десять лет велось строительство, но монарх не дожид до его завершения. А потомкам стало не до этого, и с годами дворец обратился в руины. По сей день шумят над ними пальмы, провожая багровое солнце, словно шепчут стихи в память султана, словно ведя бесконечную повесть о тех временах, когда этот райский остров пережил пору славы и процветания.

Объем товаров, проходивших через Занзибар в те годы, был огромен. Развитие портов не поспевало за невиданным ростом торговли. Немецкий путешественник Карл Клаус фон Декен, посетивший остров в 1859-1861 годах, писал: “По наружности своей таможенный дом вовсе не соответствует количеству сокровищ, проходящих через руки *баниана* (торговца-индуса. – С.П.) и потом нагружаемых для дальнейшей отправки или же продаваемых здесь, на месте. Хотя в последнее время в нем сделали некоторые пристройки и поправки, но некоторые его части и теперь не что иное, как жалкие лачужки. Но в них деятельно кипит жизнь с утра и до вечера, движутся почти без перерыва, как волны, приходящие и уходящие толпы людей, и Европа, Азия и Америка меняются своими сокровищами с Африкою”...

Отложена раскрытая книга, листы ее перебирает ветерок, доносящийся с океана. Отрешенный взгляд скользит по пустынному песчаному побережью Салалы. Где все это, куда сгинул тот шумный, многолюдный мир? Как хочется верить, что ныне ослабевшее отечество вновь переживет былое величие, увидит на своих берегах толпы моряков и торговцев со всего света! Сложившийся в юности образ великого предка навсегда остался для Кабуса бин Саида нравственным эталоном правителя. Многие в его собственных решениях будет перекликаться с тем, что делал Саид бин Султан...

В отличие от имамов династии Йаруба, также управлявших Занзибаром и соседними территориями, но воспринимавших эти

земли как далекую окраину, султан Саид бин Султан понял их стратегическое значение и огромный экономический потенциал, превосходивший возможности аравийских территорий империи. Будучи горячим патриотом отеческой земли, он тем не менее сосредоточил свои усилия на развитии экономики Занзибара и прилегающих к нему островных и материковых владений, проявив себя при этом как рачительный хозяин, хорошо ориентирующийся в экономической конъюнктуре. Он был инициатором создания плантаций новых для Занзибара культур – прежде всего гвоздики - и переориентации сельского хозяйства острова на потребности мирового рынка.

В эти годы султан начал политику вторичного освоения, которая означала не простое возвращение позиций, утраченных со времен Йаруба, но более глубокую интеграцию различных частей страны. Таким образом он надеялся обеспечить устойчивое развитие Омана.

С момента первой экспедиции 1822 года до 1840 года был установлен полный контроль над береговой полосой от Могадишо на севере до реки Рувума на юге. По последнему рубежу проходила граница с португальским Мозамбиком.

Строились укрепления в тех портовых городах, которые были отправными пунктами торговых маршрутов вглубь континента. Так, Дар-эс-Салам стал началом крупнейшего караванного пути в сегодняшние Уганду, Руанду, Бурунди и Конго. Возрожденная Килва была местом формирования караванов к озеру Ньяса и далее в нынешние Малави и Замбию. Была введена единообразная административная система, местные органы управления находились в руках наместников (*ливали*) и воевод (*акида*).

Вдоль старинных торговых путей начали строиться укрепленные пункты, опираясь на которые, все дальше и дальше

вглубь шла арабская колонизация. Сейид Саид лично контролировал новое строительство, поскольку считал: только прочное освоение земель, обеспечение безопасности торговли позволит увеличить доходы казны.

И его расчеты оправдались; поток слоновой кости, черепаших панцирей, пальмового масла, шкур и мехов рос с каждым годом. Расширялся и рынок труда, поскольку именно в эти десятилетия резко возрос спрос на рабочую силу во французских островных колониях Индийского океана, да и развитие плантаций пряностей на Занзибаре создавало благоприятную конъюнктуру⁹.

⁹ Дж.Вилкинсон приводит интересные соображения об экономике Занзибара: “Дешевая рабочая сила использовалась в трех основных случаях: для сбора натурального продукта, для выращивания его и в качестве носильщиков. Первый случай главным образом касался копала, который использовался для лаков и олифы. Спрос на копал настолько возрос, что к середине века он стал основным товаром экспорта Занзибара. Спик (1860) посчитал, что ежегодно экспортировалось около 19 миллионов фунтов, т.е. груз двенадцати или тринадцати больших кораблей. Копал производился на побережье, на полосе до 30 миль вглубь материка, и также как плантации кокоса и угодья копры (которые развивались в Ламу, Малинди и Момбасе в 1860-х) был во владении султана Занзибара и шейхов его прибрежных вассальных княжеств. Ведущим продуктом островного государства Занзибар и подвластной ему Пембы была, конечно, гвоздика, культуру которой сейид Саид поощрял, но к началу торговли ею никак причастен не был... Занзибар экспортировал около 5 миллионов фунтов в конце его правления и в пять раз больше того после Второй Мировой Войны, когда он производил чуть ли не четыре пятых количества, находившегося в торговом обороте во всем мире. В отличие от сбора копала, гвоздика выращивалась исключительно рабами, и

Чем больше принц Кабус узнавал о жизни своего прапрадеда, тем больше восхищался его даром предвидения. Ведь он делал то, что и через сотню лет после его смерти казалось современным решением для Омана.

По всей империи он установил своего рода свободную экономическую зону с 5 процентными пошлинами. Результатом было то, что суда всех стран мира, имевших коммерческие интересы в бассейне Индийского океана, стали предпочитать гавани державы Саида. Хорошо понимая важность стимулирования торговли, султан вел простую и эффективную денежно-кредитную политику, направленную на замену иностранных валют, доминировавших в регионе, оманской денежной единицей. Об успехе этих усилий свидетельствовало резкое увеличение чеканки

арабский капитал был основан прежде всего на этом. Эта специализация на гвоздике наряду с другими плантационными культурами, такими как сахар, в свою очередь дало импульс производству традиционной местной сельхозпродукции - риса и кокосовых орехов (таким образом одновременно сокращая землевладение африканцев и ширази в пользу арабов), и это совпадало с ростом потребления продуктов питания населением Занзибара. Эти обстоятельства стимулировали производство основных экспортных товаров и в других местах. Вследствие этого вдоль всего побережья развилась торговля зерном, доставляемым доу, аналогично увеличилась разработка древесины. Некоторое ее количество вывозилось также и в Аравию. Вырос и импорт, особенно текстиля, зерна, фиников и соли. Некоторые из этих продуктов, надо заметить, производились в Аравии, так что в середине 19 века производство продукции в самом Омани шло с учетом Африканского рынка. Однако основным спросом пользовался индийский рис, который считался рисом более высокого качества, чем африканский”.

собственных монет. Доходы Занзибара в период правления Саида бин Султана возросли в десять раз.

Привлеченные экономическим бумом, переселенцы из Омана и Йемена хлынули в африканские владения султана, только на Занзибаре численность населения выросла вдвое.

Многое, что сообщали старые книги о временах правления сейида Саида, поражало своей актуальностью. Его методы управления, схожие с теми, что существовали в самых развитых странах в середине XX века, казались принцу Кабусу подходящими для преобразования Омана, а то, что он видел вокруг себя, представлялось откатом в прошлое по сравнению с эпохой великого султана.

Разглядывая старые фотографии дворцов Занзибара, Кабус представлял себе, как проходили встречи Саида бин Султана с представителями народа, собиравшимися в его резиденции по пятницам и понедельникам.

Повелевая обширным и мощным государством, султан был чужд высокомерности, надменности. В общении со своими подданными он демонстрировал такой демократизм, который стал характерен для гораздо более поздних времен. Узнав о радостном или печальном событии в жизни своего подданного, он посещал его для поздравлений или утешения. Ричард Бартон, известный путешественник, общавшийся с сейидом Саидом, говоря о человеческих качествах султана, замечал: «чувствовалось, что вы находитесь перед величественной личностью, религиозной, но не нетерпимой, доброй и благородной».

Эти черты одного из крупнейших политических деятелей в истории Азиатско-Африканского региона, сделали его необычайно популярным в народе.

Многорасовое общество, в котором отсутствовала дискриминация каких либо национальных, религиозных или

социальных групп, было основой политической стабильности в империи Саида бин Султана. Именно в годы его правления индийские торговцы получили полную свободу предпринимательской деятельности, и стали существенным элементом экономической жизни на всем пространстве от Мозамбика до Аравии.

Добрые отношения, связавшие народы Индии и Омана в ту эпоху, были сохранены как ценный политический капитал и через много десятилетий.

Связи с Восточной Африкой, которые продолжались в течение тысячелетия, получили в эпоху сейида Саида особое развитие не только из-за усилившихся экономических взаимосвязей, но и из-за быстрого расширения ареала распространения ислама. История сохранила имена многих оманцев, которые вели пропагандистскую деятельность в глубине черного континента и привели в лоно веры многие племена, вождей и королей.

Эти миссионеры находили поддержку со стороны монарха, который много сделал для создания системы исламского воспитания и развития судебной системы на основе шариата. Укоренившись в народе, новая культура, основанная на исламских ценностях, также стала основой тесных взаимосвязей Омана с народами Африки, сохранившихся и в послеколониальную эпоху.

Великий предок оставил богатейшее наследие, которое позволило его прямым наследникам еще много десятилетий по инерции двигаться в указанном им направлении. Спустя столетие это наследие вдохновило его далекого потомка начать преобразования, подобные деяниям создателя великой державы Индийского океана.

Когда 19 октября 1856 года Саид бин Султан скончался на борту судна "Виктория", шедшего из Маската в Занзибар, его

империя была в самом расцвете. Кто мог подумать, что через несколько лет после его кончины от бывшего величия не останется и следа, что распавшееся государство вновь начнут сотрясать мятежи и войны!

Бурный столетний период после смерти великого предка воспринимался будущим султаном Кабусом не как история, а как преддверие современности. После промышленной революции и крушения старых империй возник новый мир, который жил под знаком новых идей, который ждал новых лидеров.

ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ

Во время перелета на военно-транспортном самолете по пути в Великобританию сейид Кабус не отрываясь смотрел в окно. Родная страна, впервые увиденная с высоты, поразила его своей многоликостью. Когда машина оторвалась от взлетной полосы, Салала стала видна целиком со всеми своими улицами, пальмовыми рощами и садами. Старый дворец даже с воздуха выглядел выше других зданий. Вдалеке у кромки берега виднелась Така, родина его благородной матери, сейиды Мизун.

Чем выше поднималась крылатая машина, тем беспредельнее казался океан. Поверхность его, покрытая волнистыми полосами, словно муаровая лента, была пустынна до самого горизонта, где в жемчужной дымке стихия воды сливалась с воздушной стихией. Самолет лег на левый борт, а когда снова выровнялся, внизу потянулось бурое холмистое плато Дофара, пересеченное глубокими вади.

Из века в век с безоблачного неба на аравийскую землю изливался зной, от которого обуглились камни и высохли русла древних потоков – с высоты эта работа тысячелетий представала во всем своем пугающем величии.

Любой куст в этих просторах воспринимался как дар божий для защиты от сияния всемогущего светила. Но как скучал потом принц по этому ослепительному диску, обращая лицо к серым небесам Европы, где солнце было несчастным гостем.

Когда реактивный лайнер доставил Кабуса бин Саида в Лондон, контрасты лавиной обрушились на впечатлительного юношу. Все – растительность, здания, люди, машины – вызывало у него жгучий интерес.

Пока автомобиль мчал его из аэропорта, он вертел головой во все стороны, стараясь ничего не упустить. Громоздкие красные автобусы, толчая пешеходов, бесконечное разнообразие рекламных надписей и изображений, сочная зелень парков и блеклая зелень бронзовых статуй, седые камни древних соборов и тяжелые стальные воды Темзы. После тихой Салалы этот громадный город казался бесконечным и загадочным лабиринтом.

Графство Суффолк, лежащее к востоку от британской столицы, султан избрал местом, где его сын должен был пройти первую стадию обучения. Край полей, перелесков, болот и речушек. Вырвавшись из тесных краснокирпичных лондонских окраин, поезд мчится среди поросших мелкоколесьем пологих холмов. Городишки, плотно застроенные одинаковыми одно-, двухэтажными домиками с торчащими над черепичными крышами печными трубами. Старинные усадьбы возле заросших прудов. По полям расхаживают стаи больших черных птиц. Стада коров и овец, табунчики лошадей на зеленых лугах.

Обыденные приметы здешнего пейзажа – линии высоковольтных передач, разбегающиеся в разных направлениях железнодорожные пути, составы с углем, дымящие фабричные трубы – воспринимались юным Кабусом столь же восторженно, как и знаменитые статуи и дворцы Лондона. Ведь ничего этого не было

тогда в Омане. Даже линия телеграфных столбов была диковиной в Салале.

Среди зеленых полей часто попадались футбольные ворота, иногда можно было видеть команды детей и взрослых, гонящиеся за мячом. Повсюду встречались люди, прогуливающиеся с необычными существами, в которых с трудом можно было признать собак. Прошло немало времени, прежде чем сейид стал узнавать борзых, сеттеров, такс и прочую живность, столь милую сердцу англичанина.

При первом знакомстве городок Бери Сент Эдмундс показался Кабусу довольно мрачным, куда менее привлекательным, чем рисовалось принцу, когда он представлял себе место своей учебы. Но после нескольких экскурсий городок открылся принцу с лучшей стороны. Здесь было немало поэтичных уголков. К тому же, вокруг встречалось столько занимательных мелочей, которые делали каждую новую прогулку захватывающе интересной. Все здесь отличалось от виденного на родине.

Входя под гулкие своды надвратной башни старинного аббатства, словно бы пересекаешь рубеж эпох. Сутолока повседневности отступает. Среди древних раскидистых сосен, дубов и кленов, среди руин, серыми перстами торчащими над зеленым травяным ковром, само время замедляет бег. Под кустами орешника стояли простые деревянные скамьи, поставленные жителями городка в память о своих родителях – об этом извещали медные таблички. Часы, проведенные здесь над книгами, казались днями. Звуки цивилизации не проникали за монастырские стены. Лишь гомон гусей и уток возле речки, протекающей по территории аббатства, нарушал тишину. Да едва слышно журчал старинный фонтан в виде колонны с полуовальными чашами, каждая из которых принимала струю воды из чаши, расположенной выше.

Выйдя за ворота, сейид замечал множество милых мелочей, из которых складывалась непривычная для него картина. Гостиница «Ангел», увитая темно-красным плющом. Крохотный балкон, уставленный статуэтками гномов. Слово «саксонский» в названиях магазинчиков и пабов, напоминающее о предках здешних жителей. Даже выставленные в витрине пекарни пирожки в виде больших и малых кастрюль и сковородок приковывали взгляд и заставляли остановиться. А рядом аппетитно расположились на блюде большие глазированные булки, увенчанные красной вишенкой, пряники в виде человечков с шоколадными шапками. Среди торговой сутолоки на центральной площади взгляд вдруг выхватывал памятник павшим на далекой и давней войне. Каменная фигура солдата, устало сидящего на валуне, заставляла вспомнить о безвозвратно минувшей эпохе великих империй.

Призывные крики торговцев, звуки музыки и людской говор отступают в дальние закоулки сознания, когда образы, порожденные бесхитростным монументом, теснятся в сознании. Вокруг всего постамента идут колонки имен здешних граждан, павших в англо-бурской войне. Кто поймет теперь, как и за что пали дети фермеров, торговцев и рабочих захолустного Бери? А ведь если помножишь число жертв на сотни и тысячи таких же английских городков и местечек, то осознаешь, что эта затерявшаяся в истории война была самым большим событием в жизни миллионов людей...

Принц Кабус очень остро переживал такие прикосновения прошлого. Столь же обидным ему казалось историческое забвение, в которое погрузилась его родина. Еще сто лет назад великая империя Саида бин Султана, цветущая сочными красками многих культур Азии, Африки и Европы, была известна до самых отдаленных пределов. А теперь...

Юноша краснел до корней волос, когда ему приходилось объяснять очередному собеседнику, где расположен Оман. В конце концов, он приобрел в книжной лавке карманный атлас мира и сразу доставал его, чтобы показать местонахождение своего Отечества. Быть может, именно в те дни в его душе начали пробиваться ростки неудовлетворенности положением дел в султанате, стало крепнуть желание изменить жизнь страны так, чтобы древнее имя ее вновь обрело славу и прежнее достоинство.

Еще до своего прибытия в Англию принц Кабус ощутил, сколь велик в этой стране интерес к событиям в арабском мире. Попадавшие в Салалу с опозданием в несколько дней лондонские газеты пестрели крупными заголовками, извещавшими о рискованных действиях полковника Насера: закупке оружия в коммунистической Чехословакии, национализации Суэцкого канала. Но в тихой Салале казалось: Каир и другие арабские столицы так далеко, что тамошние события совсем не касаются Омана.

Именно неудача плохо обученных и кое-как вооруженных войск арабских королей в 1948 году вызвала брожение в офицерской среде, а затем и военный переворот в Египте, антимонархические заговоры в Иордании и Ираке. А замкнутость правителей на местных интересах не позволила им правильно оценивать положение в мире и использовать изменения в расстановке сил в свою пользу.

Эти выводы были сделаны поколением арабских политиков, духовно сформировавшихся во второй половине 1950-х годов. Сейид Кабус, жадно впитывавший новейшие политические теории и практические знания, оказался одним из самых способных молодых арабских лидеров, сумевших усвоить уроки бурной эпохи.

Пройдет полтора десятилетия, мир станет еще сложнее, а размах противоборства достигнет небывалых масштабов. Именно

тогда благополучие армии, ее выучка делается одной из первых забот султана Кабуса. А его внешняя политика, направленная на предотвращение потенциальных угроз, станет условием независимого развития Омана.

Но пока ученик частной языковой школы в старинном английском городке каждый вечер включает телевизор – роскошь, невиданную в Омане – и с волнением смотрит репортажи с Ближнего Востока, слушает комментаторов, предсказывающих новые войны. В их голосах звучит едва скрытая тревога, мало кто решается давать оптимистические прогнозы. У всех свежи в памяти дни тяжелого похмелья после суэцкой авантюры.

В те дни, когда началось вторжение израильских войск на Синай, когда британские самолеты бомбили Порт-Саид, репортеры заполнили эфир и газетные страницы победными репортажами.

На несколько дней показалось, что призрак империи возрождается, и сердца подданных Ее Величества захлестнуло патриотическое одушевление. Но каким же безжалостным оказалось пробуждение от иллюзий. Позорное поражение, правительственный кризис, торжество Насера. События накатывали валом, смывая отжившие имперские догмы, разрушая иллюзии.

Престиж Насера, ставшего после суэцких событий признанным лидером арабского национализма, неизмеримо вырос. Тридцативосьмилетний полковник стал кумиром молодежи всех сословий от Марокко до Индийского океана, его портреты украшали и хижину бедняка, и покои принца. Отец сейида Кабуса был одним из немногих исключений. До 1962 года, когда группа офицеров произвела антимонархический переворот в Йемене, и Насер бросил египетские войска на помощь заговорщикам, мало кто в арабском мире решался высказываться против него.

Образование Объединенной Арабской Республики в 1958 году вызвало энтузиазм повсюду, где слышалась арабская речь. Короли Иордании и Ирака, задумавшие создание Арабской федерации в противовес египетско-сирийскому государству, осуждались как агенты Запада.

Столетия колониальной зависимости сначала от турок, затем от европейских держав прошли под знаком застоя. Теперь многим казалось, что арабский мир вступил в пору динамичного развития, что обретение независимости будет сопровождаться улучшением жизни во всех областях.

Но первой зримой приметой новых времен оказалась нестабильность, вызванная борьбой за власть различных политических группировок. Организационным штабом и центром пропагандистской войны против недружественных режимов был Каир, на него ориентировались насеристы всех стран.

В революционном Ираке начались столкновения между коммунистами и националистами; баасисты, недовольные антинасеровским курсом революционного вождя генерала Касема, организовали покушение на него – одним из героев этой акции стал 22-летний Саддам Хусейн. Не стихали волнения на Бахрейне. Разгоралась национально-освободительная война в Алжире. Не стал исключением и Оман.

Сейид Кабус остро чувствовал зыбкость сложившегося на родине положения по реакции британской печати и общественного мнения, боявшегося повторения суэцкого конфуза. Сидя у окна своей комнаты в школьном пансионе, он видел перед собой черепичные крыши старинного городка, возносящийся к серому небу готический шпиль кафедрального собора св. Джеймса, серую кирпичную громаду надвратной башни бенедиктинского аббатства. Как трудно было перенестись воображением из этого безмятежного мирка в суровые опаленные солнцем края.

За годы, проведенные в Бери Сент Эдмундс, принц Кабус глубоко приобщился к западной культуре. Сама атмосфера старинного городка, получившего свое имя от усыпальницы последнего короля Восточной Англии, располагала к погружению в мир старинных преданий и исторических хроник, побуждала к изучению архитектурных древностей. Красивые дома из красного кирпича и песчаника, поросшие травой и плющом руины, огромный парк располагали к долгим прогулкам и раздумьям. Бери, несмотря на свои незначительные размеры, имел весьма славную историю, предельно кратко выраженную в городском девизе “Усыпальница Короля, Колыбель Закона”. Помимо того, что король Эдмунд, убитый викингами в 9 веке, стал одним из главных святых Англии, аббатство его имени стало местом рождения прообраза первых конституций – перед его алтарем группа баронов поклялась восстать против короля Иоанна, если он откажется скрепить своей печатью “Великую хартию вольностей”.

Ежедневные занятия английским языком были основным, но не единственным делом сейида Кабуса. Он увлекся фотографией и повсюду носил с собой камеру, стараясь запечатлеть примечательные места и сценки из жизни.

Когда принц достиг известного мастерства, он стал экспериментировать со светотенью, снимал крупные планы: цветы, растения, листву на деревьях. Продумывал композицию, старался представить, как будет выглядеть кадр. Особенно его увлекали пейзажи, даже снимая людей, он старался подобрать привлекательный фон.

Суффолк покоряет своей неброской красотой. Плоские равнины сменяются мягкими пологими холмами. Эти волны земли возносят на своих гребнях скромные сельские церкви, ветряные мельницы, рощи, деревушки.

Преодолев очередной склон, путник видит сельское кладбище - его белые надгробные камни похожи на стаю птиц, севших среди луга, окаймленного деревьями. Он замечает пасущихся лошадей в пополах, отары овец, покрытых густой шерстью, совсем не похожих на тех, что щиплют жесткую траву в горах Дофара. Камера щелкает во всякий час дня, навсегда сохраняя красивый закат, склонившиеся под ветром кроны дубов, тревожно клубящееся облако, подсвеченное солнцем, уже ушедшим за окоем.

Про эти места один из английских поэтов сказал, что здесь миля небес приходится на дюйм земли. Можно было часами наблюдать, как в вышине невидимая сила возводит и разрушает воздушные замки, гонит от края до края земли стаи небесных кораблей, рисует причудливые лики.

Еще одним увлечением сейида Кабуса стала классическая музыка. С детских лет ему прививали любовь к оманским мелодиям, которые часто звучали во дворце и на улицах во время народных торжеств. Он любил слушать песни ближних и далеких стран - Йемена, Индии, Ирана, Индонезии.

Купцы и моряки со всего Востока приезжали в Салалу или постоянно жили в городе, и в каждом доме чужеземца звучала музыка родных мест. В Англии принц все больше приобщался к музыке Запада. Наконец, он решил взять несколько уроков музыкальной грамоты. Это оказалось очень полезно для понимания основных приемов композиции и особенностей разных жанров. Со временем эти знания пригодились, когда Кабус бин Саид сам стал исполнять классические произведения, а также при формировании первого оманского симфонического оркестра.

За два года, которые прошли со времени приезда сейида Кабуса в Великобританию до его поступления в военное училище, он стал гораздо лучше понимать проблемы современного мира.

Если в начале своего пребывания в чужой стране принцу приходилось познавать азы европейской цивилизации, то к окончанию школы он уже неплохо знал историю и культуру Запада.

Соответственно изменились и его политические интересы. Прежде его волновали преимущественно дела на родине и в арабском мире, но позднее пришло понимание того, что все эти события являются звеньями одной цепи. Именно ради этого Саид бин Теймур и посылал сына учиться на Запад. Сам получивший хорошее образование, он обладал широким кругозором и, хотя проводил политику изоляционизма, был способен оценить реальную расстановку сил в мире.

Именно поэтому его скепсис по отношению к арабскому национализму оказался таким стойким, несмотря на то, что все прочие арабские короли отдали дань этому идейному течению. Время показало, что султан смотрел далеко. Постепенная девальвация идей насеризма, а затем маргинализация «революционных» лидеров, показала, что господствующей в арабском мире стала тенденция к укреплению национального суверенитета. Идеи интеграции обрели новую жизнь совсем не в тех формах, которые виделись идеологам панарабизма в 40-е – 50-е годы.

На принца Кабуса оказывало воздействие то уважительное отношение, которое проявлялось к нему как представителю Омана со стороны официальных лиц, преподавателей и соучеников. Как-никак его страна оказалась одной из немногих, оставшихся рядом с Великобританией в трудные времена. Большинство бывших союзников переориентировались кто на США, кто на СССР.

Но султан Саид действовал по оманской пословице “Лучше старый шелк, чем новая шерсть”. При всем желании быть независимым в своих действиях, он никогда не шел на закулисные

сделки, не интриговал против Лондона, хотя прочие арабские страны несомненно приветствовали бы подобные действия.

Вяло текущая война с повстанцами во внутренних районах Омана истощала казну. Хотя, начиная с 1958 года, британское правительство выплачивало султану субсидию на содержание армии, ее было недостаточно. Соединенное Королевство само запуталось в экономических и финансовых трудностях, его обязательства перед странами Залива и смежными с ними становились непосильным бременем. Еще до суэцкого краха в высших эшелонах власти стали обсуждаться сценарии ухода вооруженных сил Великобритании из региона.

Особое место в системе союзов, патронируемых Западом, должен был занять так называемый Багдадский пакт, объединивший Турцию, Ирак, Иран и Пакистан. Последняя страна рассматривалась как важнейшее звено обороны в регионе, сохранив проанглийскую ориентацию. В таких условиях стала неизбежной потеря Оманом последнего заморского владения, оставшегося от великой империи – анклав Гвадар на Макранском берегу Оманского залива.

С 1947 года это владение султана Омана было со всех сторон окружено территорией Пакистана. Руководство молодого мусульманского государства видело в Гвадаре осколок колониальных времен и настаивало на передаче его под свою юрисдикцию. В Карачи не скрывали намерения присоединить стратегически важную территорию к Пакистану любым путем – мирным или военным. Англичане с самого начала оказывали нажим на Саида бин Теймура, убеждая его пойти на переговоры по уступке Гвадара.

Когда летом 1955 года султан посетил Лондон, вопрос об анклаве был одним из основных во время его встреч с британским

руководством. В ходе этого визита сейид Саид дал согласие начать обсуждение территориальной проблемы с пакистанской стороной.

В конечном итоге в июле 1958 г. была согласована проблема анклава и подтверждены особые отношения между Гвадаром и Оманом.

Если бы удалось достичь немедленного эффекта – улучшить водоснабжение, наладить элементарную службу охраны здоровья – это способствовало бы росту популярности султана. Но Саид бин Теймур отверг подобные предложения, исходившие от англичан. Отказывался он и от других реформистских проектов, развития системы образования и здравоохранения.

За десятилетия безденежья, когда он экономил каждую рупию, чтобы не попасть в долговую зависимость, для него самым большим пороком правителя стала расточительность. Возможно, такой подход был оправдан в трудные годы, но стал помехой в когда финансовые возможности Омана наконец улучшились. Султан уже не смог преодолеть выработавшегося у него стереотипа, и продолжал экономить на всем.

За годы учения сейида Кабуса в Англии султан несколько раз посещал эту страну. Остановливался он обычно в люксе отеля «Дорчестер», выходящем на Гайд-парк и жил там, случалось, по нескольку недель.

Десятиэтажный отель - типичная постройка конца 20-х годов – всем своим обликом как бы свидетельствовал о деловитости и рационализме своих обитателей. Его можно было принять за штаб-квартиру банка или крупной компании. Только старый платан перед входом словно бы заграждал «Дорчестер» от сутолоки своими широко раскинутыми ветвями. Этот гигант, до сих пор стоящий перед парадным входом, считается одним из «Великих деревьев» Лондона.

Саид бин Теймур всегда был занят встречами и переговорами с политиками, военными и бизнесменами, поэтому с сыном они виделись мимолетно. А принцу так хотелось расспросить отца обо всех событиях в Омане, о его планах, о родственниках и знакомых. Но как много вопросов оставались невысказанными! Больше новостей приносили письма сейиды Мизун; хотя в них и не было рассказов о политических событиях, они помогали Кабусу почувствовать пульс оманской жизни.

Духовная связь сына и матери становилась все сильнее с годами, тогда как в отношениях с отцом с некоторых пор появился холодок отчуждения. Вначале принц не отдавал себе отчета о причинах этого, но, повзрослев, стал понимать, что нараставшая с годами боязнь перемен сделала султана подозрительным и недоверчивым.

Сейид Кабус помнил, как много прежде говорил отец о своем желании улучшить жизнь подданных, как часто мечтал вслух о том времени, когда в стране забьют нефтяные фонтаны. Но постепенно оптимистические проекты перестали занимать его. Тревожная обстановка вокруг Омана изменила характер султана. Он ощущал себя изгоем в мире, где все сильнее слышались голоса новых лидеров. Все попытки правителя Омана заявить о себе как самостоятельном монархе, наталкивались на сопротивление. Арабские страны раз за разом блокировали его заявления о вступлении в международные организации – Всемирный почтовый союз, Всемирную организацию здравоохранения (WHO), Продовольственную и Сельскохозяйственную организацию (FAO). Британским друзьям и их союзникам все труднее было сдерживать нападки на режим султана в ООН. Так называемый оманский вопрос превратился в орудие политического шантажа Лондона и Маската в руках Насера и его приверженцев в Третьем мире. Страны коммунистического блока голосовали за все

антисултанские резолюции, выносимые в комитете по деколонизации и на Генеральных ассамблеях.

Саид бин Теймур не был реакционным политиком. Образ его был в значительной степени сформирован враждебной пропагандой,¹⁰ которая отказывалась замечать действительную реакционность его противников. Конечно, это вызывало у султана недоверие к интеллигенции, почти поголовно преданной левонационалистическим идеям. Падение правящих династий в Египте, Ираке, Йемене в результате заговоров пронасеровски настроенных офицеров, тоже вызывало опасение перед слишком быстрыми изменениями. Любой правитель прежде всего человек. В условиях изоляции и враждебности со стороны окружающих люди очень часто становятся подозрительными и осторожными в своих действиях. Логика противостояния всегда вызывает боязнь совершить неосмотрительный шаг, который может стать роковым.

К тому же, даже попытки провести реформы были бы восприняты как маневры хитрого политика и преданы осмеянию

¹⁰ Нейл Иннес, возглавлявший в 1950-е годы внешнеполитическое ведомство султаната, пишет в своих мемуарах: «Еще один аспект преподнесения информации об Омани в англоязычной прессе тревожит меня. Это тенденция говорить о султани Саиде как о тиране или деспоте, или подразумевать, что он был таким недалеким или таким связанным традициями прошлого, что не понимал нужд настоящего и не мог смотреть в лицо будущему. На самом деле, он понимал настоящее так хорошо, что боялся будущего, может быть, даже слишком боялся. Он был придавлен, в особенности как правитель, переменами и вызовом времени, так что о нем не надо думать как о тиране или невежде».

– несомненно, это также удерживало гордого Саида бин Теймура от показного либерализма.

К лету 1960 года обучение в Бери было закончено. Частные преподаватели сочли, что языковая подготовка сейида Кабуса позволяет ему приступить к прохождению курса в военном училище. Принц, тем не менее, очень волновался, направляясь к новому месту учебы. Ведь ему впервые предстояло так надолго погрузиться в среду профессиональных военных, совершенно не похожую на тот тепличный мирок, который всегда окружал его в Салале и частном пансионе в Бери. По мере приближения к Сандхерсту все вокруг, включая пейзаж, представлялось ему совсем непривычным.

Западные окрестности Лондона и в самом деле отличаются от тихих идиллических ландшафтов Восточной Англии. Поросшие густым лесом, изредка расступающимся, чтобы дать место небольшим полям, эти края вызывают ассоциации с охотничьими картинами фламандцев и старых английских живописцев. Здесь, у самой границы графства Беркшир в 30 милях от Лондона находится одно из самых известных и уважаемых в мире военно-учебных заведений.

В августе 1960 года принц Кабус был принят в Королевское военное училище в Сандхерсте. Ему вручили британское военное удостоверение личности, в котором перед его именем стояла аббревиатура HRH – His Royal Highness (Его Королевское Высочество). Во всем остальном это был обычный армейский документ – рост, цвет глаз, цвет волос, дата рождения, личная подпись. Но для принца этот бумажный прямоугольник казался величайшей драгоценностью, он много раз доставал его и любовался наклеенной в удостоверении фотографией в курсантском мундире и с непривычно короткой стрижкой.

За два года пребывания в частной школе Кабус бин Саид блестяще овладел английским языком, поэтому лекции по военной истории и другим специальным предметам не представляли для него таких трудностей, как для многих его однокурсников из стран Азии. Но погружение в мир воинской службы ни для кого не проходило легко. С момента поступления юношам надлежало забыть все то, к чему они привыкли в детстве, и научиться трудной науке подчинения...

Те, кому предстоит стать общевойсковыми офицерами, проходят подготовку в течение двух лет. За шесть семестров продолжительностью по 13-14 недель курсант должен пройти чрезвычайно насыщенную программу военных знаний. Наиболее трудной для новобранцев оказывается огромная физическая и психологическая нагрузка первого семестра.

В этот период проводятся ежедневные трехмильные марш-броски с полной боевой выкладкой. Занятия шагистикой на плацу, отработка приемов десантирования, уборка помещений, разборка-сборка оружия, чистка снаряжения, стирка обмундирования – все это разом обрушивается на юношей, привыкших к вольной жизни.

Сержанты орут на неумех при всяком промахе, старшекурсники, случается, поливают отборными ругательствами. Как говорят воспитатели, задача первого этапа – вышибить всю мальчишескую дурь и лень, после чего можно будет вылепить из парня волевого командира. В этом основа всех на свете военно-педагогических методик: не научившись подчиняться, человек не сможет быть частью военной машины, приводимой в движение приказом вышестоящего начальника.

Пребывание в этой системе вырабатывает в человеке выдержку, собранность, рассудительность, решительность. Недаром среди руководителей государств и политических лидеров всего мира так велик процент людей с военным образованием.

Монархи Востока давно оценили достоинства британской военной школы и охотно посылали своих сыновей на учебу в Сандхерст, девиз которого гласит “Служи, чтобы лидировать”. Позднее, выступая перед выпускниками военного училища султан Кабус бин Саид скажет: «Меня учили, что с ответственностью приходят обязанности».

На стенах Королевского военного училища можно прочесть имена знаменитых людей, ставших гордостью своих стран. Среди британцев-питомцев Сандхерста – Уинстон Черчилль и маршал Монтгомери. Последний неоднократно посещал училище в те годы, когда в нем учился сейид Кабус. Высокая фигура старого воина (ему тогда было уже за семьдесят) поражала своей стройностью. Легендарный победитель Роммеля под Эль-Аламейном казался военной молодежи воплощением британского воинского духа. Редкая неделя выдавалась без так называемых VIP-визитов.

Члены королевской семьи, иностранные лидеры и военные делегации появлялись на лекциях, во время спортивных занятий, на стрельбище. Недаром училище считалось витриной британской системы военного образования и хранителем богатых армейских традиций.

Обязательным пунктом программы для всякого гостя был осмотр музея. С него же начинали знакомство с Сандхерстом молодые курсанты. Уже пересекая порог старого корпуса, они попадали в атмосферу схожую той, что царит в храмах. Предметом поклонения здесь были доблесть и мужество многих поколений британской армии.

Пирамиды старинных ружей у входа, скрещенные пики на стенах, знамена и полотна с изображением знаменитых битв вызывали в сознании каждого жажду подвига и славы. Прогуливаясь по длинным коридорам здания или сидя в библиотеке, курсант то и дело встречался глазами с

устремленными на него горделивыми взглядами знаменитых полководцев. Их портреты, а также картины, представляющие британских монархов в парадных облачениях, создавали ощущение собственной значимости у юношей.

Пройдут десятилетия, по-разному сложится их судьба, но в каждом из них будут узнавать офицерскую статью, выработанную в Сандхерсте.

Сейид Кабус много раз бывал в музее училища. Он любил рассматривать прекрасные коллекции фарфора, гербы полководцев, развешанные по стенам, старинные карты и виды городов. Особенно много здесь было экспонатов, связанных с экспансией Британской империи на Востоке.

Одним из самых ценных считался деревянный сундук, в котором некогда хранилась казна майсурского султана Типу. После захвата его столицы 4 мая 1799 года содержимое этого сундука было распределено между полками Прибрежной Армии. Союзник предков Кабуса - Ахмеда бин Саида и Султана бин Ахмеда, - бесстрашный воитель и благородный человек, Типу был одним из самых могущественных монархов Востока и конфликтовал с европейскими державами, в результате его страна стала добычей заморских колонизаторов.

Пришедший через несколько лет к власти Саид бин Султан избрал иную стратегию, и благодаря союзу с британцами сумел создать собственную империю. А ведь если бы он не извлек из истории султана Типу правильного урока, и его сундуки могли бы красоваться рядом с этим. Правильный выбор друзей и союзников бывает решающим для страны и династии. Сколько здесь примеров этого!

Вот трофеи Первой мировой, и среди них едва ли не половина захвачена на турецких фронтах. Очень долго Османская империя держалась союза с Британией, и это продлило ее

существование на добрую сотню лет. Но стоило ей сменить союзников и выступить на стороне германо-австрийского блока, как от громадной державы одни воспоминания остались...

После занятий в классах, на плацу или в библиотеке сейид Кабус любил остаться один в своей комнате и просто помечтать, слушая хорошую музыку. Особенно часто это была Water Music Генделя. Это сочинение, написанное знаменитым немцем в годы его службы при английском королевском дворе, очень точно передает настроение типичного английского пейзажа, и считается одним из самых ярких произведений английской музыкальной культуры. Композитор, проживший полвека на Британских островах, проникся благородной и сдержанной красотой его второй родины. Для принца Кабуса музыка Генделя стала одним из ключей к познанию страны.

Посланцы многих стран, собранные в училище, говорили по-английски, но пели песни родной земли, слушали ее мелодии. И эти разные по тональности, стилю и настроения произведения очень сближали курсантов, так как музыка не нуждается в переводе. Разные по религии, цвету кожи, воспитанию люди стали одной дружной семьей – и этому способствовало уважение к культуре друг друга.

Командиры и преподаватели также не разделяли курсантов в зависимости от их национального и социального происхождения, но предъявляли одинаково строгие требования к отпрыскам королевских фамилий и детям фермеров, к англичанам и выходцам из зарубежных стран. Что оказывало большое дисциплинирующее воздействие на всех.

А для таких курсантов как принц Кабус это давало возможность побывать в шкуре простого солдата, чего никогда не случилось бы при других обстоятельствах. Это сослужит в будущем хорошую службу монарху – он разделит с солдатами

своей армии трудности их полевой жизни, что сделает его имя знаменем в войне, которая определит будущее Омана.

Еще одна важная особенность обучения в Сандхерсте – воспитание самообладания в будущем офицере. Он должен быть готов увидеть поле боя через призму тех стереотипов, которые приобрел в ходе тренировок. Организованы они были так: сначала курсанту давали теорию, демонстрировали ее реализацию на практике, предлагали выполнить ту или иную операцию самостоятельно.

Путем многократного повторения действия учащегося доводились до автоматизма, так чтобы в экстремальных условиях он мог спокойно отдавать приказы и держать под контролем свое воинское подразделение. Умение управлять своими эмоциями и не терять хладнокровия в трудные минуты не раз пригодились будущему главнокомандующему.

Во время прохождения двухгодичного курса в Сандхерсте политическая обстановка в мире была такова, что курсантам часто казалось: их знания вот-вот придется применить на практике. Потрясающий человечество Карибский кризис, блокада Западного Берлина, конфликты в Алжире и во Вьетнаме, приобретающие интернациональный характер, создавали тревожный фон воинской службы. Именно в эти годы баланс сил начал меняться не в пользу Запада.

Особенные потери понесла Великобритания, быстро превращавшаяся из великой державы в среднее европейское государство, полагающееся на заокеанского союзника. Эти перемены свершились на глазах одного поколения, что также создавало немалое психологическое напряжение у питомцев военных училищ, которым предстояло пополнить ряды армии, уже давно не знавшей побед.

До кризиса мирового коммунизма было еще очень далеко, и люди, отдававшие себя военной службе в те годы, были готовы к близкой и очень жестокой войне, какой не знала история.

Питомцы Сандхерста проводили большую часть времени в учебных корпусах и казармах. Но если выдавались свободные часы, они могли отправиться на прогулку по окрестностям, чтобы внести разнообразие в надоевшее курсантское меню, отужинать в приглянувшемся заведении. Их полно даже в этом крохотном местечке – китайские, индийские, итальянские ресторанчики тянутся вдоль главной улицы Йорктаун-роуд.

Собственно английские в явном меньшинстве – среди них импозантный «Бифитер», расположившийся неподалеку от академии в старинном доме с высокими печными трубами. В этом нет ничего необычного – за годы своего имперского бытия Великобритания интегрировала множество культур, а том числе и различные кухни.

Во время поездок в Лондон курсанты могли посещать театры, концертные залы, музеи и выставки, где было представлено искусство всех континентов. Оттого представители множества наций, проходившие обучение в Сандхерсте, чувствовали себя здесь вполне комфортно, у них не было ощущения одиночества, затерянности в чужой жизни.

Годы учения скрашивало и то, что бок о бок с сейидом Кабусом переносили тяготы воинской службы его земляки. Многие из них достойно представляли свои страны, пользовались авторитетом в курсантской среде. Например, учившийся в Сандхерсте одновременно с наследником оманского престола саудовский принц Абд ар-Рахман аль-Фейсал был хорошим спортсменом и возглавлял команду фехтовальщиков. Конечно, круг друзей Кабуса бин Саида не ограничивался арабами, среди них было много англичан.

Наконец настал тот день, ради которого сотни молодых людей приехали сюда со всего мира и два года грызли гранит военной науки, изнуряли себя во время марш-бросков и тренировок. Построившись на плацу в черных парадных мундирах со стоячими воротниками и белыми ремнями, выпускники училища ждали сигнала к началу торжественного парада, во время которого они должны были продемонстрировать строевое мастерство. Запели трубы и волынки, рассыпалась барабанная дробь, и, повинаясь команде, строй двинулся, чеканя шаг, затем развернулся на марше, и курсанты ровными шеренгами стали подниматься по широким ступеням главного входа в Старое здание. Следом за ними въехал адъютант на белом коне.

Получив погоны с лейтенантской звездочкой, Кабус бин Саид почувствовал себя по-настоящему счастливым – годы учебы закончились. Даже по прошествии многих десятилетий султан Омана вспоминает это событие с большой теплотой, и считает день производства в офицеры одной из важных вех своей жизни.

После Сандхерста принц Кабус мог сразу отправиться на родину, но он предпочел на практике применить свои знания, и, подобно большинству выпускников, получил направление на действительную службу в британской армии. Ему было разрешено самому выбрать место будущей службы, учитывая интересы развития оманских вооруженных сил.

Новоиспеченный лейтенант выбрал шотландский Камеронский полк, входивший в состав 11 бригады, расквартированной в Германии. Камеронцы, привлекали сейида Кабуса не только из-за участия в тяжелых боях 1957-59 годов в Джебель Ахдар на стороне султана Омана. Кабус бин Саид надеялся, что приобщение к богатым традициям шотландских горных стрелков пригодится при строительстве новой оманской армии.

Еще в Сандхерсте принц ознакомился с историей одного из старейших полков английской армии, который впервые стал известен в 1689 году как полк графа Анжуйского. За свою долгую историю он не раз менял названия – то становился 26-м пехотным, то 90-м Пертширским добровольческим, то Шотландскими Стрелками.

На гербе полка красовалась пятиконечная звезда в обрамлении двух ветвей чертополоха (исторической эмблемы Шотландии) и сигнального рожка. Что символизировало готовность выступить по первому зову и стяжать воинскую славу. Рассматривая в офицерском клубе копии старых батальных полотен, вновь прибывшее пополнение могло убедиться, что камеронцы не раз оправдывали гордую претензию, выраженную неведомым художником, когда-то создавшим герб.

Имена городов Бленхайм, Рамилье, Оденап, Мальплакет, возле которых произошли решающие сражения войны за испанское наследство в начале 18 века, звучали как строки старинных стихов. А названия земель, в которых бились камеронцы – Египет (1801), Мартиника (1809), Испания (1809), Гваделупа (1810), Китай (1840-1842), Россия (1854-1855), Индия (1857-1858), Абиссиния (1867-1868) - словно сошли со страниц приключенческих романов. Потемневшие картины и пожелтевшие гравюры, изображавшие битвы, переносили то на европейские равнины, то в джунгли, то под стены древних азиатских городов. Клубы дыма, сомкнутые шеренги со штыками наперевес, разбросанные по земле тела убитых и раненых...

Сколько поколений прошло через огонь и кровь во славу имперских знамен! Но не все подвиги способны были вызвать восхищение – на холстах, изображавших южноафриканские войны против племени гайкас (1846-1847) и против народа зулусов (1877-1879) было видно, что британцы сражаются огнестрельным

оружием против копьев и стрел. Как тут было не вспомнить лорда Китченера с его подвигами в Судане – с пулеметами против гладкоствольных ружей и мечей всякий прослышет героем.

Много размышляя о светлых и темных страницах истории родной страны, сейид Кабус уже в те годы пришел к пониманию того, что в мире считаются только с сильными, что очень многие готовы поживиться за счет отсталого соседа. И уже тогда преисполнился решимости превратить оманскую армию в современную, дисциплинированную, способную ответить на любой вызов.

Казармы 1-го батальона Камеронского полка находились на окраине Миндена, небольшого города на северо-западе Германии. Старинные узкие улицы были почти всегда малолюдны. Офицеры британской Рейнской армии в свободное время прогуливались по набережной Везера, с которой был виден громадный мост, по которому судоходный канал пересекал полноводную реку. Часто идущее по каналу судно заволакивало дымом от буксира, медленно идущего вниз по речному руслу.

Этот странный и впечатляющий спектакль увлекал лейтенанта 1-го батальона Камеронского полка Кабуса бин Саида сочетанием технической мощи и красоты. Окрестности Миндена тоже изобиловали достопримечательности. Рядом с городом можно было любоваться Вестфальскими Воротами – так именовали место, где Везер прорывает последнюю горную преграду и широкой лентой вьется по бескрайней низменности, покрытой сосновыми лесами.

Особенно хорошо последний везерский порог был виден с возвышенности, где стоит грандиозный памятник кайзеру Вильгельму I, позеленевший от времени. Император, навсегда застывший в камне и бронзе, прежде взирал на столь же величественный памятник – башню Бисмарка. Теперь от нее

остались только 129 ступеней и постамент, на котором установили телевизионную вышку. Победившие союзники заставили проигравших снести мемориал «железного канцлера».

Но, несмотря на старания демилитаризовать сознание немцев, все вокруг дышало воинственностью. Неподалеку от Миндена, в Тевтобургском лесу древние германцы под командованием Арминия разгромили римлян. У подножия громадной бронзовой статуи вождя по выходным резвилась детвора, а взрослые привычно поедали сосиски и пили пиво.

Оккупационные власти не могли сражаться со всеми монументами, воздвигнутыми немцами в имперскую эпоху, и даже старались приспособить для нужд современности кое-что из прошлого. Офицеров и солдат водили в музей, где была развернута диорама, изображающая минденское сражение 1759, когда объединенные англо-германские войска разгромили французов.

Теперь эта давняя победа времен Семилетней войны должна была будить иные ассоциации – британцы и немцы противостояли новому общему врагу на Востоке.

Сейид Кабус привык ко всему подходить основательно, поэтому его не удовлетворяло поверхностное ознакомление с Германией и ее культурой. Его восхищали творения Баха и Брамса, и хотя язык музыки способен без перевода передавать движения души человека иной нации, лейтенант-камеронец решил, что должен научиться говорить с людьми, на чьей земле служит. И он начал самостоятельно изучать немецкий. Но пребывание в Германии оказалось довольно коротким, и его знания не вышли за пределы элементарных понятий.

Атмосфера, в которой жили военнослужащие Рейнской армии, значительно отличалась от той, которая царила в Британии. Напряжение поддерживалось частыми учебными тревогами и

маневрами. Ощущение близости столкновения с советским блоком произвольно возникало из-за постоянного изучения вероятного театра военных действий, техники и тактики противника. Офицеров знакомили с образцами коммунистической пропаганды, давали представление о механизме партийной диктатуры в коммунистических странах.

Хотя иногда лейтенанту Кабусу бин Саиду этот гипотетический противник казался очень далекой реальностью, не имеющей отношения к Оману, он, со свойственным ему прилежанием, внимательно изучал экзотические доктрины.

Прошло всего несколько лет, и эти знания оказались весьма кстати для молодого государя. Ибо противник, когда-то угрожавший пасмурным равнинам Вестфалии, оказался на расстоянии оружейного выстрела от султанского дворца в Салале...

Семь месяцев в рядах Рейнской армии дали сейиду Кабусу не меньше, чем училище. Он не только командовал мотострелковым подразделением, но и прошел практику в штабах различного уровня, участвовал в маневрах, где отрабатывалось взаимодействие различных родов войск. Только после этого короткого, но чрезвычайно насыщенного периода он смог сказать себе и сообщить отцу, что знает, какова должна быть современная армия.

По завершении службы в Германии сейид Кабус вернулся в Великобританию. Саид бин Теймур посчитал, что теперь пришла пора для его сына увидеть мир во всем его многообразии. Трехмесячное кругосветное путешествие, так называемый Grand Tour, должно было, по мысли султана, дать Кабусу понимание того, что западная модель развития не единственно возможная. Сам он побывал в основных столицах мира в молодые годы и считал, что тот опыт был очень важен для него как правителя.

Обычно Grand Tour предпринимался в европейских странах отпрысками состоятельных аристократических семейств для ознакомления с основными памятниками культуры и служил завершающей ступенью образования молодого человека. Если в 18 и 19 веках обычный маршрут такого путешествия пролегал по основным странам Европы, то к 20 веку новые скоростные транспортные средства сделали возможными и вояжи вокруг света. Для сейида Кабуса путешествие вокруг Земли стало одним из этапов самопознания. Открывая для себя незнакомые формы жизни и культуры, он с каждой новой страной ощущал, насколько богаче, многосторонней становится сам. Если Европа за пять лет пребывания стала близка и понятна ему, то Восток оставался загадкой. Париж, Рим, Афины и другие обязательные пункты кругосветного путешествия, конечно, произвели сильное впечатление на сейида, хотя ко многому он уже был подготовлен благодаря книгам и глубокому восприятию общего духа западного мира.

Но по свойству человеческой психики всякое новое впечатление вытесняет предыдущее. И даже великие мировые столицы потускнели в памяти принца, когда один за одним перед ним предстали исторические города Турции, Ирана, Пакистана, Индии, Японии и других стран Азии. Его переполнили восторг и преклонение перед мощью и своеобразием древних культур, ставших первоосновой человеческой цивилизации. Он фотографировал древние памятники и руины, стараясь запечатлеть на их фоне сценки из современной жизни, его привлекали сочетания явлений природы и искусства.

В Иране принц снял аиста, стоящего на одной ноге в гнезде, свитом на минарете, в Индии было сделано несколько удачных фото Тадж-Махала в обрамлении деревьев и воды. В ходе путешествия значительно расширились познания Кабуса бин

Саида в области традиционной музыки разных народов, он полюбил многие мелодии, которых не знал ранее.

Одним из самых ярких впечатлений кругосветного вояжа стала встреча принца с его дедом, произошедшая в Бомбее. После своего отречения от трона в 1932 году в пользу сына, он жил Индии. Теймур бин Фейсалу было далеко за семьдесят, однако он сохранил царственную осанку и молодой блеск в глазах. Когда сейид Кабус приехал к нему, старик страшно разволновался. Они заключили друг друга в объятия и долго не могли заговорить от волнения.

Во время обеда экс-султан почти не отрываясь смотрел на внука, радостно кивая, пока тот рассказывал о годах учебы и службы. Во взгляде деда сквозила гордость за то, что его потомок вырос достойным продолжателем династии – об этом ясно говорили суждения о политике и культуре.

А внук с не меньшим обожанием смотрел на деда – этот милый и обаятельный человек, о котором он так часто думал, словно возник из небытия по прихоти судьбы. Казалось чудом, что можно расспросить его обо всем, что так занимало сейида Кабуса в детстве.

Беседа текла свободно, переходя от событий минувшего к близкому и далекому будущему. Теймур бин Фейсал глубоко верил в счастливую звезду Омана – после успешного подавления сепаратистов ничто не могло помешать возрождению былой славы. Так же как и его сын Саид, он связывал надежды на улучшение финансового положения страны с поисками нефти.

После той встречи осталось несколько фотографий. Пройдут годы, и Кабус бин Саид всегда с трепетом будет смотреть на эти снимки. Ведь то единственное свидание с дедом стало для него как бы прикосновением к живой истории династии.

Азиатские впечатления заслонили европейские. Когда принц покидал Японию, он уже с трудом мог вспомнить начало путешествия – казалось, прошли годы. Перелетев океан, он оказался на Гавайях, а затем отправился в Сан-Франциско. Новый Свет покорила его своим размахом, величием природы и просторами.

Перевалив через Скалистые Горы, проехав по равнинам Канады и Среднего Запада США, побывав на Великих Озерах, сейид Кабус вдруг снова обнаружил эффект потускнения прежних впечатлений. Новое мощно вытесняло увиденное ранее, и только по прошествии месяцев Grand Tour сложится в его душе в единую соразмерную и гармоничную картину.

Нью-Йорк стал достойным завершением путешествия. Все прежде увиденное оказалось как бы прелюдией к познанию этого города, ставшего символом могущества современной цивилизации. Глубокий смысл был в том, чтобы последовательно познавать все этапы развития человеческой культуры, начиная от древнейших руин Месопотамии и долины Инда и заканчивая этим царством бетонных громад на рубеже Атлантики. Глядя со смотровой площадки Эмпайр Стейт Билдинг на каменные джунгли Манхэттена, каждый иностранный гость невольно сравнивает степень развития собственной страны с американским. Тогда, в конце 1963 года, сейид Кабус, наверное, тоже представил себе масштаб преобразований, которые предстояло совершить султанату...

Через несколько дней громадный океанский лайнер «Куин Мери» вышел из нью-йоркской гавани курсом на Великобританию. Стоя на палубе первого класса, сейид Кабус провожал глазами Статую Свободы и вспоминал города, увиденные за три месяца путешествия – ни один из них не походил на цитадель капитализма, громоздящую свои небоскребы у врат Нового Света.

Это был величественный и немного пугающий образ будущего. У людей, воспитанных в лоне старых культур, в странах с долгой историей, теряющейся в веках, лик Америки всегда пробуждает в душе тревожный вопрос: а можно ли поспеть за этим динамичным гигантом? Но этот образ порождает и отчаянное желание трудиться, заражает бодростью и оптимизмом. Именно в таком настроении сейид Кабус ждал встречи с Англией.

Сейиду Кабусу предстояло теперь детально ознакомиться с организацией государственной и муниципальной службы, изучить механизмы функционирования экономики. Целый год он провел в графстве Хемпшир, что к юго-востоку от Лондона, где на практике ознакомился с организацией муниципального самоуправления. Много времени сейид посвятил изучению системы правительственных учреждений, закончил административные курсы, посещал заводы, банки, правления акционерных обществ. Уже в те дни у него стало складываться представление о том, каким должен быть Оман, чтобы войти в семью современных наций.

Гордясь прошлым родной страны, сейид Кабус не закрывал глаза на то жалкое положение, в котором она оказалась после столетнего упадка. Ему была знакома печальная статистика, согласно которой по развитию образования и здравоохранения султанат стоял на одном из последних мест в мире. Но жажда перемен вовсе не породила у него желания все переделать на европейский лад. В детстве сейид не раз слышал пословицу: “Лучше сырое своими руками, чем готовое чужими”.

Подшел к концу 1964 год. Программа подготовки сейида Кабуса к участию в управлении государством была полностью выполнена. Настало время возвратиться в Оман и на практике применить знания, приобретенные за шесть лет.

ОСЕНЬ МОНАРХА

Однако вскоре по прибытии в Салалу сейид Кабус понял, что отец не спешит вводить его в курс государственных дел. Даже в поездках по султанату ему под тем или иным предлогом отказывалось.

Саида бин Теймура насторожили высказывания сына о тех принципах организации общества, с которыми он познакомился в Европе. И он объявил о своем решении: теперь принцу нужно дополнить свое образование основательным изучением Святого Корана, исламского права и истории Омана под руководством авторитетных богословов и кади.

Саид бин Теймур всегда придерживался авторитарного стиля правления. Но с годами это приобрело характер мелочной опеки как первых лиц государства, так и средних чиновников. Почти не было таких решений, которые принимались бы без одобрения султана. Даже вопросы выдачи виз для въезда в Оман он решал самолично. Среди сейидов, возглавлявших основные ведомства, это вызывало недовольство.

Тарика бин Теймура всегда угнетало то, что старший брат не давал ему ответственных постов и позволял заниматься лишь второстепенными делами, его должность Маскатского градоначальника не давала ему серьезного влияния. В знак протеста против этого он в 1960 году оставил Оман вместе с семьей и перебрался в Германию, где когда-то жил со своей матерью.

Ахмед бин Ибрагим, племянник имама Аззана бин Кайса, верой и правдой несколько десятилетий служил Саиду бин Теймуру на посту главы министра внутренних дел, но и он был стеснен в своих полномочиях так как обладал зыбким статусом «ведущий внутренними делами».

Дядя султана Шехаб бин Фейсал отвечал за вооруженные силы Батины, за полицию, тюрьмы, занимался выдачей паспортов, а также представлял султана в периоды его отсутствия в Маскате, но без соответствующих полномочий.

Вали различных областей Омана, формально подчинявшиеся сейиду Ахмеду, тем не менее постоянно получали указания от султана, вызывались к нему для доклада. Поскольку Саид бин Теймур почти безвыездно жил в Салале, высшие чиновники то и дело должны были совершать вояжи на юг, чтобы согласовать с монархом всякое существенное решение.

После увиденного в Англии и в других передовых странах сейиду Кабусу нелегко было вписаться в атмосферу огромной семьи, которой повелевал только один человек.

Семьей был весь Оман, а ее строгим отцом – султан. Он никого не считал достаточно самостоятельным и перепроверял всякое решение, любой из подданных, невзирая на его возраст и положение, воспринимался главой этой семьи как ребенок, за которым необходимо приглядывать. По приказу султана у окна его дворцовых покоев был установлен телескоп, чтобы правитель мог наблюдать за поведением подданных. Поскольку Аль-Хусн возносился над всеми строениями Салалы, хозяину дворца были видны улицы и чужие дворы, базар и океанский берег. Заметив курильщика, человека с запрещенным зонтиком, или не дай Бог, с транзисторным приемником, монарх отдавал распоряжение задержать и наказать ослушника. На весь город только один человек имел разрешение ездить на мотоцикле – фаворит султана иранский знахарь Ахмад Шофиг.

Не довольствуясь надзором за рядовыми оманцами, Саид бин Теймур стремился регламентировать все действия своих чиновников, тем самым лишая их инициативы, порождая у них боязнь ответственности.

Такого рода формы правления были характерны для тех стран, где сильны были пережитки племенной жизни или традиции большой патриархальной семьи. Император Николай I (правил в 1825-55гг.) остался в памяти русского общества благодаря огромному количеству распоряжений, определявших все стороны жизни. В государственных учреждениях того времени висели инструкции, обязывавшие удалять золу из печей после топки оных, а крестьяне военных поселений под барабанный бой ходили строем косить траву, в то время как их бабы по звуку рожка начинали печь хлеб. Какая-то польза в том была – по сей день деревни, некогда охваченные этим “экспериментом”, отличаются наибольшей чистотой в сравнении с другими по соседству. Но то, что было оправданно для одной эпохи, не годится для другой. Если бы Саид бин Теймур был современником Николая I или королевы Виктории, он выглядел бы вполне динамичным и компетентным правителем. Но его соседями по веку были Кеннеди, Хрущев, Неру...

После волны антимонархических революций 50-х годов многим образованным людям в Третьем мире монархия стала казаться пережитком прошлого. Большинство интеллигенции и молодежи верило, что политические системы, пришедшие из далеких веков, должны уступить место новым, более эффективным. Даже западная демократия представлялась многим отжившим режимом.

В странах, только что освободившихся от колониального господства, получили распространение разнообразные националистические и социалистические идеологии от маоизма до негритюда. Но оманцам, долгие годы жившим в изоляции от остального мира, даже свержение королевской власти в 1952 году в Египте и в 1958 году в Ираке не казалось предвестием надвигающихся перемен.

Вряд ли многие подданные султана слышали даже названия революционных учений. Первое непосредственное знакомство населения страны с результатами революции произошло в 1964 году, когда в Оман хлынул поток беженцев с Занзибара. Несмотря на запрещение султана, многие из них поселились в областях обитания тех племен, к которым принадлежали предки реэмигрантов.

После 70-летнего правления от имени султанов династии Аль Бусаид Британия пошла на предоставление независимости островному государству. Территории на африканском материке были к тому времени утрачены, но и на самом Занзибаре положение арабской династии стало весьма зыбким. Выросшие под крылом колониальной администрации националистические партии, ставившие целью приход к власти черного большинства, готовились захватить власть сразу после ухода англичан.

Если суверенные правители Оманской империи, а затем Занзибарского султаната стремились к упрочению культурно-религиозной однородности среди своих подданных, то Британия всегда искусно использовала в своей политике национальные и религиозные противоречия, предпочитая роль всемогущего арбитра. Это вело к обособлению различных национальных групп и росту напряженности между ними, способствовало возникновению организаций, подобных партии Афро-Ширази (ПАШ), поставившей своей целью изгнание арабов с Занзибара.

9 декабря 1963 года была провозглашена независимость султаната, а уже 12 января следующего года вооруженное восстание черных националистов привело к свержению последнего султана – 18 летнего Джамшида. На острове началась жестокая резня, в результате которой погибло около 20 тысяч арабов. Кто сумел спастись от банд ПАШ, бежали с Занзибара.

В приморских городах и во внутренних районах Омана появилось множество беженцев, нашедших приют у своих сородичей. В течение столетий происходило переселение части племен в заморские владения, так что почти каждое племя имело много родни на Занзибаре и на восточно-африканском побережье.

Слушая рассказы о произошедшем на далеком экваториальном острове, оманцы впервые по-настоящему соприкоснулись с жестоким дыханием социальной и национальной ненависти.

Возвращение сейида Кабуса в страну совпало с занзибарской трагедией, поэтому в тот период его не оставляли раздумья о судьбе монархии в современном мире. Способна ли она противостоять экстремистским силам, не только вооруженным автоматами и минами, но и несущим людям хлесткие лозунги, завлекающих их утопическими картинами равенства и благоденствия? В то время далеко не всем было ясно, что революционные вожди, пришедшие к власти, становятся тиранами намного чаще, чем наследственные правители. Тот, кто восходит на престол по праву рождения, гораздо меньше озабочен борьбой с конкурентами и может посвятить всю свою энергию стране и ее народу.

Законный наследник престола с юных лет получает образование и специальную подготовку, которых не может быть у выходца из социальных низов, освоившего разве что искусство демагогии и внутрипартийной интриги. Представитель династии ощущает ответственность перед теми поколениями, которые правили до него, стремится передать государство своим преемникам в целостности и сохранности, как рачительный отец, оставляющий потомству ухоженный дом. Поэтому среди наследственных правителей редки люди, склонные к авантюрам.

Тот же, кто получил власть в силу стечения обстоятельств, часто распоряжается ею как азартный игрок, ставший обладателем большой суммы в результате шального выигрыша. Не оттого ли революционные самодержцы так агрессивны и безжалостны к людям? Чуть не каждый из них затевает войны или великие перетряски общества, им не дорого наследие веков, им кажутся нелепыми и косными народные традиции, они спешат переделать страну, каждого человека и саму природу.

Отец пожелал, чтобы сейид Кабус более основательно изучил историю Омана и исламское богословие. Если поначалу это могло показаться разумной мерой в видах приобщения сейида Кабуса к отечественным обычаям и культуре после долгих лет жизни на Западе, то по прошествии многих месяцев, а затем и лет, желание султана стало выглядеть как наказание.

Размышляя над различными сюжетами из прошлого Омана, принц приходил к выводу, что наибольших успехов достигали те имамы и султаны, кто не стремился идти протоптанными путями, а находил такие решения, которые придавали мощное ускорение развитию страны. Особенно увлекал его пример Саида бин Султана, смело поменявшего внутри- и внешнеполитические приоритеты.

Вместо продолжения десятилетиями изнурявшей Оман борьбы за гегемонию в Заливе, он направил энергию племен на освоение Восточной Африки, смело пошел на сближение с Великобританией, правильно оценив ее экспансионистский потенциал, не стал стремиться к легитимизации своего правления в глазах консерваторов, но добился существенного сужения их социальной базы, обеспечив благосостояние народа.

Сейид Кабус не мог не провести параллелей между полувековым правлением великого Саида и почти столь же долгим правлением второго Саида, его отца. И тот, и другой боролись с

мятежниками, противостояли экспансии соседних государств, но если первый добился превращения страны в одну из влиятельных держав своего времени, то второму приходилось постоянно доказывать миру свою суверенность.

После 1964 года, когда были обнаружены значительные запасы нефти в районах Фахуда, Натиха и на нескольких соседних месторождениях, Оман уже обладал тем потенциалом, который позволял строить вполне реальные планы быстрого развития. Эти нефтяные поля могли стать тем, чем был Занзибар для Саида бин Султана. Но Саид бин Теймур явно не обладал той волей к переменам, которая необходима была в этот поворотный момент истории.

Разложив на ковре большие фотографии коранических текстов, сделанные по его заказу в библиотеке Кембриджского университета, сейид часами изучает творения древних каллиграфов, вчитывается в толкования знатоков исламского богословия. По временам он отвлекается от занятий и вспоминает свой визит из Сандхерста в библиотеку этого старинного университета. Проводя рукой по древним фолиантам, он даже подумать не мог, что эти книги на долгие годы станут его главными собеседниками.

Его переполняют идеи, ему кажется, что время бездарно уходит как вода меж пальцев. В нескольких сотнях миль отсюда кипит новая жизнь – возводятся новые города, прокладываются дороги, громадные воздушные лайнеры взлетают с только что построенных аэродромов, но Оман словно бы не в силах стряхнуть вековую дремоту. Принц любит родную старину, благоговееет перед трудами мусульманских мыслителей иных веков, но ведь он рожден не для того, чтобы корпеть над фолиантами, он чувствует в себе силы изменить жизнь своего народа к лучшему. Он не может

понять, почему отец не хочет доверить ему хотя бы часть государственных дел.

Хотя Кабусу исполнилось 25 лет, он ни разу не видел Маската, не знал страны, которую ему, возможно, предстояло возглавить.

Сменялись дни, как две капли воды похожие один на другой. Долгие часы над раскрытыми книгами по истории и богословию. Прогулки по аллеям дворцового сада, вдоль океана в час отлива, когда песчаный берег кишит мелкими крабами и улитками, спешащими насытиться несчастными рыбешками, оставленными волной. Стаи птиц летят над волнами – чайки, утки, фламинго. Все живое встревоженно суетится, подает голос, когда день иссякает и солнце садится за Джебель-Камар.

Когда диск его касается холки горы, остается едва ли минута до полного исчезновения светила. Принц часто провожал его взглядом, наблюдая сквозь крону пальмы. Зеленая многопалая лапа листа дробит раскаленную поверхность солнца, и оно уже не так слепит глаза. Можно, не отводя взор проследить, как оно стремительно задвигается за вершину, превращается в лимонную дольку, потом в узкий пылающий серп, потом в крохотный огненный мазок. Вот и все, завершился еще один день.

А небо еще долго продолжает пламенеть цветом спелой папайи, пробуждая в душе томление и тревогу. Что может быть печальнее ежедневных похорон солнца?

Однообразие немного скрашивали занятия музыкой. Из всех инструментов принца больше всего привлекала лютня. Когда-то, до начала бурного развития клавишных инструментов в конце 17 века, это был излюбленный инструмент европейских музыкантов. Его богатые возможности позволяют исполнять и сложные классические произведения, и народные мелодии.

Запад познакомился с лютней через арабов во времена крестоносцев. Аль-уд с четырьмя или пятью парами струн, натянутыми на массивном широком грифе, стал предком многих разновидностей щипковых инструментов. Если в Европе лютня постепенно стала редкостью, то в арабских странах ее собрат уд до сих пор является одним из самых распространенных инструментов.

Сейид Кабус не только играл известные произведения, но и часто импровизировал, создавал собственные композиции, пытаясь передать свое настроение, выразить языком музыки владевшие им мысли. Они были далеко не безмятежными, протест, нараставший в душе сейида Кабуса, требовал выхода в каких-то действиях. Но именно этого опасался султан.

Находясь под фактическим домашним арестом, Кабус бин Саид пребывал под неусыпным наблюдением дворцовых служащих и охраны. Даже занятие фотографией не очень-то нравилось султану, но оно было хоть не так опасно как чтение.

Отец распорядился лишить принца даже газет. Если бы не мать, сейида Мизун, регулярно проносившая в складках одежды «Таймс» в покои сына, будущий монарх был бы в совершенном неведении о событиях в мире.

Для излечения человеку иной раз необходимо принимать горькое лекарство, а то и прибегать к хирургическому вмешательству, и родственники больного идут на эти жесткие меры не вопреки, а из-за любви к нему. Так и для спасения страны нужно бывает переступить через естественные человеческие чувства родственной привязанности.¹¹ В своих раздумьях о судьбе родины сейид Кабус постепенно пришел к пониманию того, что отец уже

¹¹ Газета «Таймс» 1 августа 1970 года привела высказывание Кабуса бин Саида: «Я должен забыть личное, поскольку вопрос шире, чем отношения отца и сына. На ставке наша страна, и я должен забыть всю мою личную привязанность».

слишком устал для того, чтобы остановить тот процесс распада, который все явственнее обозначался вокруг. Еще год-другой, и может случиться то же, что в соседнем Йемене. Все наследственные правители небольших султанатов в 1967 году разом оказались чужаками у себя в стране, и вынуждены были спастись бегством от карающей руки революционных властей.

Назначенный в начале 1970 года новым командующий SAF бригадир Джон Грэхем на первой же аудиенции у монарха услышал жесткие слова о злых и опасных дофарцах, подлежащих уничтожению. Познакомившись с состоянием вооруженных сил, англичанин сделал вывод об их слабости и неспособности добиться перевеса над партизанами. К тому же, позиция Саида бин Теймура вызвала у Грэхема негативную реакцию. Он вовсе не настроен был вести средневековую войну на истребление.

Ему было ясно, что противник, вооруженный агрессивной идеологией и делающий ставку на пропаганду, может быть побежден прежде всего политическими методами. Требовался новый подход, успех на поле брани не мог быть достигнут без завоевания человеческих сердец.

ТРУДНЫЕ РЕШЕНИЯ

О переменах, совершившихся 23 июля 1970 года, вскоре узнал весь Оман. Опубликованное заявление молодого монарха с быстротой молнии распространилось по стране.

Все информационные агентства мира передали текст обращения Кабуса бин Саида к народу. Оно было пронизано такой искренностью и доверием к соотечественникам, которая сразу покорила сердца людей. Оманцы во всех странах, куда их занесла судьба, без конца перечитывали строки воззвания: «Я обещаю вам всем, что моей непосредственной задачей будет создать как можно скорее сильное современное правительство, чьей первой целью

станет упразднить ненужные ограничения, от которых вы, мой народ, страдаете сейчас, и обеспечить вам всем в ближайшем времени более счастливое и гарантированное будущее.

Я прошу каждого из вас помочь мне в достижении этой цели. В прошлом наша страна была великой и могучей, и с Божьей помощью, если мы вместе возьмемся за воссоздание нашей нации, мы снова займем место, по праву принадлежащее нам в Арабском мире».

Особенно поражала людей та откровенность, с которой говорилось о только что закончившейся эпохе: «Я наблюдал со все возрастающей неприязнью за неспособностью моего отца использовать для нужд своего народа недавно обретенное богатство. Вот почему я взял контроль над ситуацией в свои руки. Моя семья и мои вооруженные силы присягнули мне на верность. Бывший султан покинул султанат».

Столь честный и решительный тон был непривычен не только для Омана. Обычно при верхушечной смене власти ограничивались общими словами, и новый правитель продолжал вести дела так же как и его предшественник. На этот раз все выглядело по-другому, за каждым словом молодого монарха ощущалась непритворная жажда перемен.

По всей стране повторяли слова из обращения султана Кабуса: «Мои друзья, мои братья, вчерашний день был темен, но с Божьей помощью, да принесет завтрашний день Маскату и Оману и его людям яркую зарю».

В заключительных строках своего первого заявления для печати султан пообещал вскоре прибыть в Маскат для встречи со своим народом. Старые министры Саида бин Теймура были отстранены от дел.

Вдруг вечные несменяемые сановники стали никем. Чиновничество пребывало в растерянности, никто не отдавал

никаких указаний по организации встречи нового монарха. Но люди, казалось бы отвыкшие за последние десятилетия от проявления всякой инициативы, начали стихийную подготовку к прибытию сейида Кабуса. Были извлечены из сундуков флаги, за пятнадцать лет до того изготовленные населением города по повелению губернатора для празднования победы над имаматом. Но этим не ограничились. Все запасы красной материи в лавках банианов смели за несколько часов.

Каждый дом, каждое дерево, каждый шест были увенчаны флагами и увиты лентами. Мужчины то и дело палили в воздух из винтовок. Женщины выводили на ладонях затейливые узоры хной, примеряли лучшие платья и самые дорогие украшения.

На следующий день самолет из Салалы приземлился на взлетной полосе возле крепости Бейт Аль Фаладж. Дверь открылась, и на трапе показалась фигура нового султана в темном полупрозрачном бошт, надетом поверх простой белой дишдаши, в красиво повязанном сине-красно-золотом тюрбане *омама ас-сайидия* – знаке сейидского достоинства. Необычайно горячий и влажный воздух сразу стеснил дыхание сейида Кабуса, еще ни разу не видевшего столицу собственной страны.

А может быть, и не раскаленная атмосфера была тому виной – у всех кто прибыл вместе с ним, перехватило горло от волнения. Казалось, весь Оман собрался здесь. Выстрелы тысяч винтовок трещали непрерывно, и отраженное их эхо металось среди голых коричневых гор, обступивших аэродром. Гремели барабаны, пели сотни труб и свирелей. Пританцовывая, размахивая мечами, бежали к самолету тысячи людей в белых дишдашах и разноцветных куммах. На животе каждого сиял серебром ханджар.

Пробираясь в старинном лимузине через толпу, худощавый чернобородый султан махал рукой приветствующим его людям. Грохот выстрелов и музыкальных инструментов дополнился

радостным улюлюканьем женщин, сплошными черными шеренгами возвышавшихся из-за стен домов и на крышах. Улицы, по которым двигался султанский кортеж, были устланы коврами. В руках людей колыхались ветви пальм и флаги. И еще тысячи флагов украсили дома, форты, деревья. Обилие красного цвета на фоне аскетической белизны зданий придавало особую торжественность городу.

Султан во все глаза глядел на величественные форты, возносившиеся над ультрамариновыми водами бухты, на суровые скалы, испещренные выведенными краской названиями кораблей, побывавших здесь за последние столетия. Маскат очаровал его.

Над фортами поднялись облачка белого дыма. Звуки орудийных залпов покрыли праздничную какофонию. Толпы народа сопровождали монарха до самой резиденции – дворца Аль-Алам.

Только когда через репродукторы зазвучал голос, которого еще никогда не слышал народ Омана, музыка и стрельба смолкли. Никто не хотел пропустить хотя бы слово.

Султан говорил ясно, образно и кратко: «Мы надеемся, что этот день отметит начало новой эры и великого будущего для всех нас. Мы обещаем вам, что мы исполним наш долг по отношению к народу нашей дорогой страны. Мы также надеемся, что каждый из вас выполнит свой долг и поможет нам создать счастливое будущее и процветание, о которых мы мечтаем для этой страны, потому что, как вы знаете, если между правительством и народом не будет взаимодействия, мы не сможем изменить нашу страну так быстро, как это необходимо для того, чтобы освободить ее от отсталости, мучившей ее так долго.

Правительство и народ это один организм. Если один из его членов не справляется со своими функциями, страдают другие члены. Мы надеемся, что вы поддержите нас, также как и мы поддержим вас».

Чувства единства и братства, сплотившие людей в те дни, были столь необычны, что, просыпаясь, каждый спрашивал себя: неужели это правда, неужели не сон, что в одночасье рухнули сотни запретов и суровых правил, казавшихся незыблемыми. Не запираются больше на ночь городские ворота, никто не требует, чтобы ты шел с наступлением темноты с зажженным фонарем. В лавках никто больше не спрашивает разрешения на покупку радиоприемника или солнечных очков. Толпы курильщиков появились на улицах, салютуя облаками дыма отмене запрета на курение вне дома.

А те, у кого имелись музыкальные инструменты, при всякой свободной минуте начинали играть на них, словно изголодавшись за десятилетия. Ведь старый султан даже на свадьбах повелел соблюдать величавое достоинство.

Молодые парни, взявшись за руки, до поздней ночи гуляли по пыльным дорогам за городской стеной. Собравшись группами, обсуждали все новые и новые известия, появлявшиеся в те дни как из рога изобилия.

Султан обратился к соотечественникам, покинувшим Оман, с призывом вернуться и посвятить себя возрождению отечества. Отпущены на свободу узники форта Джалали, томившиеся в ужасных условиях многие годы. Объявлено об амнистии тем, кто с оружием в руках боролся против прежнего режима.

То там, то здесь ночь прорезали звуки музыки, несущейся из портативных приемников, голоса дикторов из близких и далеких столиц наперебой рассказывали о событиях в огромном мире, совсем недавно казавшемся враждебным Оману, а теперь с симпатией и надеждой отзывавшемся на слова и дела молодого султана. Огоньки сигарет сходились во тьме и расходились, растягивались прерывистой цепочкой вдоль дороги на Матру, еще несколько дней назад замиравшей с наступлением сумерек.

Осмотрев старый дворец, в котором Саид бин Теймур ни разу не появлялся с 1958 года, сейид Кабус посчитал это обветшавшее здание неподходящим для жилья. Для султана подыскивали более удобную временную резиденцию - небольшой современный особняк, построенный для майора Чонси, британского советника, служившего у Саида бин Теймура. Вскоре было принято решение о том, что на месте старого дворца будет возведена новая официальная резиденция главы государства.

После нескольких дней в Маскате, прошедших под аккомпанемент народных празднеств, Его Величество султан отправился в первую в своей жизни поездку по стране. Целью его было встретиться с простыми людьми и вождями племен, услышать из первых уст о проблемах, которые ждут своего решения.

Для Кабуса бин Саида этот вояж был к тому же осуществлением давней мечты увидеть своими глазами те места, о которых он так много читал и слышал за долгие годы изучения оманской истории. Первые же впечатления оказались глубже и богаче, чем рисовалось воображению. Казалось, само прошлое оживало перед глазами монарха, когда он проходил по тем самым улицам, дворцам и фортам, где жили, мыслили, радовались и страдали его предшественники.

В древней Низве, вызывающей у всех увидевших ее представление о земном рае, молодого султана принимали столь же восторженно, как и в селениях Батины. После многих десятилетий правления имамов, а затем ожесточенной войны против Маската, здешние люди могли бы настороженно принять новую власть. Но убедительность и искренность выступлений сейида Кабуса растопили всякое недоверие. Всем хотелось одного: чтобы вражда и нетерпимость остались в прошлом.

Созерцая с высоты огромного глинобитного цилиндра главной крепостной башни ярко-зеленое море пальм, монарх с наслаждением вслушивался в звенящую тишину, наступившую после обычных выражений восторга – пальбы из всех видов оружия и оглушительной игры на *касаба* – деревянных флейтах, *синудж* – медных цимбалах, *касир* – небольших барабанах, распространенных в этих местах. Даже десятилетия запретов, царивших здесь, в цитадели имамов, не смогли победить тягу людей к песне, танцу, открытому выражению своих чувств.

В этой недолгой поездке по Внутреннему Оману молодой правитель обрел ту форму общения с подданными, которая приобрела впоследствии значение важнейшего ритуала. Ежегодные многодневные туры по различным провинциям позволили султану познакомиться практически со всеми авторитетными людьми страны. Выслушав их, посетив едва ли не каждое селение страны, Кабус бин Саид стал с годами самым информированным лицом Омана.

На человека, до тридцати лет отрезанного от общения с народом, знавшего свою землю только по описаниям и фотографиям, этот информационный прорыв подействовал, наверное, еще сильнее, чем внезапное избавление от тирании на других оманцев.

Султан Кабус, как и всякий его соотечественник, наслаждался свободой, но еще больше его восторгала возможность наконец применить свои знания и огромную не востребовавшую энергию.

Потом были новые встречи, новые города, новые открытия. Словно страницы магической книги истории открывались перед султаном. И каждая из них вызывала в душе целую галерею образов, сложившихся у него за годы изучения духовного наследия и истории Омана.

Белый Сохар, затененный пальмами, привольно раскинувшийся у моря. Широта и открытость этого города, овеваемого свежими океанскими ветрами когда-то передалась Синдбаду Мореходу, здешнему уроженцу. Это имя, ставшее символом предприимчивости и смелости арабских моряков, юный принц узнал в те годы, когда учился читать по складам.

Строгие геометрические формы крепости, в стенах которой окончил свои дни последний имам династии Йаруба, где взошла звезда освободителя Омана имама Ахмеда бин Султана Аль Бу Саид. Но здесь же разыгралась одна из самых мрачных трагедий Оманской истории – темной февральской ночью пал от руки собственного сына султан Сувейни бин Саид.

Могучая цитадель Рустака, прижавшаяся к хребту Джебель-Ахдар. Еще в далекие времена джахилии здесь произошли битвы между гордыми и воинственными аздитами и закованными в латы персидскими воинами. Бродя по гулким залам, когда-то служившим для торжественных выходов имамов Йаруба, сейид Кабус как бы вновь и вновь вчитывался в обгаренные кровью свитки летописей. Ради обладания этой твердыней сложили головы многие тысячи людей.

По возвращении из поездки 9 августа султан Кабус выступил с радиообращением, в котором объявил о своем решении изменить название страны, полвека символизировавшее ее разделение на два враждебных государственных образования. Отныне с карты мира должен был исчезнуть Маскат и Оман; гордое древнее имя Оман, прославившее землю мореходов, воинов, земледельцев и бедуинов, вновь вернулось, теперь уже навсегда.

Султан объявил об утверждении нового флага: вместо красного знамени султаната и белого – имамата, устанавливалось новое трехцветное полотнище, бело-красно-зеленое. Таким образом символизировалось объединение всего ценного в

традициях имамата и султаната посредством единой веры - ислама.

Главной заботой монарха после событий 23 июля стало формирование правительства, способного начать быстрые и эффективные преобразования в стране. Отправив в отставку наиболее одиозных деятелей старого режима, Кабус бин Саид сразу же решил сформировать команду людей, не связанных с застойными методами руководства. Возглавить правительство мог только человек хорошо известный стране, располагавший широкими связями среди племенной элиты, имеющий международный авторитет.

Для такой роли подходил в тот период только один человек – Тарик бин Теймур. Султан никогда не видел своего дядю, тем не менее, принял решение пригласить его занять высокий пост. То, что одно из важнейших назначений молодой правитель произвел, руководствуясь не личными соображениями, а интересами государства, было сигналом для всех: стиль нового лидера будет прагматичным.

С каждым днем перед Кабусом бин Саидом вставали новые и новые задачи, требовавшие немедленного решения. По сути дела, прежний султан привел государство к глубокому кризису, и невозможно было сразу понять, какова должна быть последовательность неотложных мероприятий.

Нужно было делать все сразу – финансы (сложная бюрократическая система налогообложения), связь (за пределами Маската отсутствовала), транспорт (не было регулярного авиационного сообщения ни с одной страной), здравоохранение (несколько больниц на всю страну), образование (три школы на весь Оман), армия (устаревшие системы вооружения и недостаточная численность). Предстояло совершить прорыв на международную арену – прежний правитель умудрился не иметь

дипломатических отношений ни с одной страной, кроме Великобритании, Индии и Пакистана.

Разумеется, главный союзник первым признал нового султана – правительство Ее Величества официально объявило об этом 29 июля. Вскоре об этом же сообщили в Эр-Рияде и Эль-Кувейте. Первым иностранным лидером, прибывшим в Маскат стал эмир Абу-Даби Зайед бин Султан аль Нахаян. Это произошло в октябре.

Встреча двух монархов была исключительно теплой. Они впервые увиделись в 1968 году в Салале, куда эмир приезжал по приглашению Саида бин Теймура. Это был первый и последний визит иностранного лидера в Оман за все 38-летнее правление прежнего султана.

Уже тогда сейид Кабус проникся симпатией к динамичному и остроумному Зайеду бин Султану, на земле которого разворачивалось захватывающее дух строительство современного государства. Словно в сказке, над бескрайним пустынным побережьем за несколько месяцев поднялись сверхсовременные конструкции нефтяных терминалов, блестящие стеклом небоскребы, опреснительные заводы, зазеленели пальмовые рощи. В газетах и журналах, которые время от времени попадали к принцу, появлялись восторженные статьи о чуде XX века, которым обещал стать Абу-Даби.

То что, этот смелый и удачливый реформатор первым проявил солидарность с новым султаном, который только разрабатывал планы модернизации собственной страны, было весьма символично.

И в последующие годы отношения двух монархов неизменно оставались сердечными, султан Кабус не раз выражал признательность эмиру, оказавшему моральную поддержку Оману в нелегкий период его истории.

Именно моральная поддержка была необходима новому правителю для преодоления внешнеполитической изоляции, в которой пребывала страна. Поэтому одной из первых акций новой власти была посылка миссий доброй воли в арабские страны – в начале 1971 г. они посетили Саудовскую Аравию, Кувейт, Иорданию, Ирак, Йемен, Ливан, Марокко, Алжир и Египет.

Султан Кабус пригласил представителей многих стран, в том числе социалистических, посетить Оман для ознакомления и установления равноправных отношений. Тарик бин Теймур встретился с советским послом в Кувейте и имел с ним продолжительную беседу. Однако в тот период страны советского блока воздержались от углубления контактов, так как координировали свои действия с революционными арабскими режимами. А последние еще долго настороженно относились к султанату из-за его тесных связей с Британией. Именно из-за этого переломить негативное отношение к Оману, сложившееся за десятилетия, оказалось непросто.

В марте 1971 г. 55-я сессия ЛАГ не удовлетворила просьбу султана о приеме в Лигу и перенесла рассмотрение вопроса на сентябрь. К тому времени дипломатические отношения султанат установил только с Кувейтом и Саудовской Аравией. Причем и эти страны действовали с оглядкой на Каир и Багдад – так, Кувейт, первым объявив о признании Омана, оговорил свое решение тем, что «ожидает от султана опубликования заявления о своей внешней политике».

И все же усилия дипломатов, направляемых волей султана, начали приносить плоды. Первой международной организацией, открывшей свои двери для Омана, стал Всемирный почтовый союз (январь 1971 г.).

24 мая того же года Тарик бин Теймур обратился к Генеральному секретарю ООН с просьбой о приеме Омана в эту

организацию. Из неарабских стран к началу июня 1971 г. султанат признали Индия, Пакистан и Япония.

Сам султан Кабус в первые месяцы не выезжал за рубеж, хотя поначалу ожидалось, что он лично станет объезжать соседние страны с целью укрепления своих внешнеполитических позиций. Но чем больше молодой монарх знакомился с положением дел в стране, тем сложнее и многочисленнее оказывались проблемы, требовавшие немедленного разрешения. Самой острой и неотложной было формирование дееспособного правительства.

Структуры управления, доставшиеся султану Кабусу, совершенно не отвечали задачам быстрого реформирования страны. Поэтому они не могли послужить основой для строительства правительственного механизма.

Первой попыткой создать эффективный инструмент проведения воли монарха было образование Временного Консультативного совета. Около 3-х месяцев, пока шли переговоры о формировании правительства, этот совет занимался выработкой и проведением первоочередных мер во всех областях.

Были взяты под строгий контроль все доходы от нефти, прежде поступавшие в распоряжение Саида бин Теймура. Разрабатывались проекты рационального использования кредитов и помощи, обещанных некоторыми арабскими странами. Оманцам разрешили выезд из страны, в том числе и для их жен.

С начала сентября снизили цены на горючее всех видов. В том же месяце открыли 1-ю школу для девочек (на 80 человек) и 1-е училище для медсестер.

Тарик бин Теймур смог представить кандидатов на посты министров только к концу осени. Были назначены руководители министерства внутренних дел, министерства юстиции, министерства вакуфов, министерства здравоохранения, министерства просвещения, министерства труда и социального

обеспечения, министерства информации. За собой султан оставил портфели министров обороны, нефти и финансов.

На первом этапе иностранные дела глава государства и премьер вели на паритетных началах, хотя точно их функции в этой сфере разделены не были.

Острая нехватка квалифицированных кадров сдерживала формирование аппарата новосозданных правительственных учреждений, не позволяла начать широкую реализацию проектов в области образования и здравоохранения. О том, что положение в этих областях катастрофическое, султан Кабус воочию убедился во время своих поездок по стране.

Бросалось в глаза множество больных и инвалидов, подавляющее большинство людей не знали грамоты. Оману принадлежало одно из первых мест в мире по детской смертности. Немалое число оманцев, покинувших родину за несколько десятилетий, получили образование за рубежом, но почти никто из них не вернулся и предпочитали применять свои силы и знания на пользу приютивших их стран. Только на них мог рассчитывать молодой султан при разработке амбициозных планов преобразования Омана в современное государство. Но как можно было добиться их возвращения?

Когда Кабус бин Саид обратился к соотечественникам с призывом вернуться на родину и принять участие в процессе обновления, мало кто мог представить, какой горячий отклик вызовет это обращение. Уже вскоре после опубликования его в арабских странах оманская молодежь потянулась в Маскат. Охваченные патриотическим энтузиазмом недавние выпускники арабских и европейских университетов совершенно не думали о тех трудностях, которые ждут их.

Министр информации Омана был одним из тех, кто прибыл из-за рубежа после июльских событий 1970 года. Он вспоминает,

что в городе не было помещений для приема многочисленных реэмигрантов, и они жили по 10-20 человек в палатках на берегу океана. Никто не роптал на неудобства, все горели желанием работать на пользу родной страны. Прошли месяцы и годы, пока эти молодые интеллигенты смогли получить достойное жилье.

До сих пор, говорит министр, мы часто встречаемся и вспоминаем то время, как самый счастливый период своей жизни.

Сегодня нелегко представить себе, какой увидели свою страну те, кто вернулся из процветающих нефтяных столиц Кувейта и Манамы, из Каира, Лондона и даже из Москвы. Наверное, первым бросалось в глаза отсутствие асфальта, ибо немногочисленные автомобили поднимали облака пыли на дорогах и на городских улицах. Затем начинали ощущать другие признаки отсталости – дефицит электричества и воды. Потом примечали: нет телевидения, телефонов, общедоступного транспорта. А позднее сталкивались с невозможностью посетить поликлинику или определить детей в школу. Все эти обыденные вещи, элементарные с точки зрения жителя цивилизованной страны, были для Омана подлинной роскошью. Единицы могли позволить себе пользование автомобилем, средствами связи, бытовыми удобствами. В стране, где летние температуры зашкаливают за 50° С, кондиционер был диковиной, доступной только богатым.

Сложность предстоящих преобразований была в их неотложности и единовременности. Нельзя было выходить из отсталости поэтапно. Все нужно было делать сразу. Помимо экономической необходимости перемены были вызваны и ожиданиями народа. Самое ценное, чем располагал молодой султан, была поддержка соотечественников, и этот капитал нельзя было растратить ни при каких обстоятельствах.

Наиболее эффектными проектами, в значительной степени реализованными уже в первый год пребывания Кабуса бин Саида у

власти, стали прокладка дороги Маскат – Сохар, строительство современного аэропорта в Сибе и нового морского порта в Матре. К концу 1971 года было открыто 15 новых школ, 6 больниц и несколько десятков клиник. 7000 школьников, из них 1100 девочек ежедневно садились за парты.

Если учесть, что при прежнем султানে в стране было лишь 900 учащихся, а школ для девочек вообще не было, темпы изменений в этой сфере можно назвать революционными. И воздействие всех этих новшеств на сознание людей было сильнее любой пропаганды. Особенно ясно это проявилось в Дофаре.

ВОЙНА ЗА СЕРДЦА

Зеленой стеной поднимается Джебель Самхан и теряется в густых облаках. Оттуда, из непроницаемой пелены время от времени спускаются дочерна загорелые карра в клетчатых *фута* (юбках), доставляющие на верблюдах в Мирбат дрова для жителей городка. Солдаты часто устраивают проверки, чтобы в хворосте не провезли мины. Все знают, что среди этих раскрашенных индиго горцев есть члены вооруженных отрядов PFLOAG (Народный Фронт Освобождения оккупированного Арабского залива). Солдаты называют их *аду* – по-арабски «враг».

Они имеют сторонников среди местных жителей, через которых закупаются продовольствие и медикаменты для повстанцев. Но правительственные силы не в состоянии пресечь эту деятельность, так как располагают ограниченной поддержкой. Даже те, кто хотел бы помочь им, предпочитают помалкивать, так как боятся мести мятежников – у них везде есть соглядатаи. По временам в горных селениях появляются специальные команды, присланные вождями Фронта для расправы с "изменниками". Слухи об этом "революционном правосудии" ползут по всему Дофару, парализуя потенциальных сторонников султана.

Эта технология запугивания изобретена не здесь, ее отработали в тренировочных лагерях китайских спецслужб под Пекином. Китайцы великие мастера революционной кухни, их поддержка экстремистских движений уже принесла зловещие плоды повсюду от Филиппин до Перу.

В джунглях всех континентов орудуют многотысячные формирования разных мастей. В Европе "новые левые", вооружившись цитатниками Мао и автоматами, тоже бросились "на штурм капитализма" – Красные Бригады и Красная Армия устраивают побоища в центрах благополучных столиц. Даже многие профессора носят на груди значки с изображением великого кормчего и излагают с университетских кафедр основы "великого учения".

Методику обработки сознания выученики пекинских идейных поваров успешно применяют и в Дофаре. В школах, созданных здесь, молодежи из племен карра и катири втемяшивают революционный нигилизм по отношению к прошлому, к религии, к традициям. Девушки и юноши в одинаковых униформах цвета хаки хором зубрят высказывания Маркса, Ленина, Мао.

Они твердо усвоили, что никакого Аллаха нет, что Мухаммед вовсе не пророк, а обыкновенный представитель эксплуататорских классов, придумавший средство идейного контроля над трудящимися. Они уверены, что только вооруженная борьба с султанскими властями и реакционной верхушкой племен приведет к построению нового общества. В голове у них каша.

Поскольку понять, что такое пролетариат, они не в состоянии, идеологи PFLOAG изобрели для поднятия духа своих подопечных новый революционный класс – "бедуинтариат", состоящий из отбившихся от своего рода молодых *кабили* (член племени). Они-то, якобы, и являются главной прогрессивной силой истории на этом этапе. Особенно отличившихся в усвоении этой стряпни

отправляют на территорию Йемена, где в специальных центрах готовятся пропагандисты и комиссары отрядов боевиков.

Когда в руки солдат и офицеров армии султана попадают пропагандистские материалы, замешанные на идеологии бедуинтариата, они испытывают растерянность. Их всегда учили отвечать огнем на огонь, готовили побеждать в силовой схватке. Но что можно противопоставить агрессору, проникшему в душу? В SAF при прежнем султани не было никакой службы психологической войны, по старинке полагались на мощь оружия и дисциплину воинов. Но в этой кампании надо сражаться и за территорию, и за человека. Об этом говорят между собой солдаты маленького мирбатского гарнизона – до них дошли слухи, что в Салале задумали что-такое, чего не ожидают аду...

К моменту смены власти в султанате прокоммунистические повстанцы прочно овладели большей частью территории южной провинции и даже сформировали кое-где собственные органы власти.

Вся территория Дофара была поделена на 4 зоны. Та, что прилегала к южнойеменской границе и полностью контролировалась мятежниками, именовалась Западной. Соседняя с ней получила название зоны Хо Ши Мина – как раз в это время интенсивность боев между американо-сайгонскими войсками и коммунистическими формированиями во Вьетнаме достигла апогея, и лидеры PFLOAG хотели продемонстрировать, что они тоже находятся на переднем крае борьбы с мировым империализмом.

Та зона, где происходили интенсивные столкновения с армией султана (SAF), именовалась красной линией. Восточной зоной именовали ту часть Дофара, которая граничила с Мирбатом. Здесь позиции правительства были сильнее, но столкновения с партизанами также случались нередко.

В августе 1972 PFLOAG принял постановление о создании народных советов на контролируемых сепаратистами территориях. В них должны были входить представители, избираемые населением и назначаемые Народно-освободительной армией. Эти советы задуманы были для более действенного "воспитания" населения и вовлечения его в революционный процесс. При этом всем, кто был заподозрен в инакомыслии и на этом основании объявлен контрреволюционными элементами, доступ в совет запрещался. Для скотоводов карра, обитавших в примитивных хижинах и пещерах, знакомых лишь с начатками цивилизации, вожди повстанцев могли показаться благодетелями, так как по их приказу кое-где строились школы, вводилось элементарное медицинское и ветеринарное обслуживание. Разумеется, обучение грамоте служило прежде всего целям пропаганды.¹²

¹² Советский журналист А.Васильев, посетивший Дофар в конце 1960-х годов, оставил выразительную зарисовку: "Горец, обнаженный по пояс, примостившись у лампы, читал нараспев книжку, с трудом продираясь через трудные фразы. Я прислушался. Не может быть!

- Что это у тебя?

- Возьми, друг, взгляни.

Я взял потрепанную книжку в руки и на титуле прочитал арабскую вязь: "Две тактики социал-демократии в демократической революции". Немного выше стояло: "Владимир Ленин".

И ниже визитер из Москвы описывает совсем уж карикатурную картину, увиденную в жалкой дофарской деревеньке: "Навстречу нам шла демонстрация. Впереди дети, за ними женщины, дальше мужчины. Юноша с винтовкой выкрикивал лозунги, а остальные подхватывали их: "Административный комитет приветствует дружбу с советским народом, во главе

Ставка на подавление партизан, которую делал Саид бин Теймур, уже давно оказалась несостоятельна. Его преемник, получивший военное образование в эпоху, когда тактика коммунистических повстанцев и их методы психологической обработки стали предметом изучения на Западе, лучше понял суть происходящего в Дофаре.

И выдвинул задачу победить противника на том поле, где он был поначалу сильнее. Грамотность, медицинское обслуживание, технические достижения должны были придти в горы Дофара не из-за йеменской границы, а из Маската и Салалы. Пропагандистской обработке племен важно было противопоставить реальное улучшение их жизни.

Впрочем, избегать идейных дуэлей люди султана не собирались. Вскоре обладатели транзисторных приемников в горных селениях смогли слушать радиостанцию Салалы, а те, кто обучился грамоте – читать листовки, сброшенные с самолетов. Благодаря этому дофарцы узнали об объявленной Кабусом бин Саидом амнистии для всех, кто принимал участие в боевых действиях на стороне PFLOAG. И уже в августе 1970 года на сторону правительственных сил перешли около 200 представителей племен.

Одним из смелых решений молодого монарха стало создание *фиркат*, нерегулярных боевых отрядов, сформированных из числа которого идет КПСС!”, “Ленин – великий учитель, борец против султанов и колонизаторов!”, “Марксизм-ленинизм – подлинный компас для трудящихся масс, борющихся во главе с рабочим классом против мирового империализма”... Мы роздали значки с портретом Ленина, с Кремлем. Их принимали радостно и тут же прикалывали на грудь”. (Алексей Васильев. Трудный перевал. Москва, 1977 стр. 75, 80)

джебали (горцев), постоянно живущих на плато. Основу их составили те, кто ушел из PFLOAG, разочаровавшись в марксистском руководстве. Хорошо зная противника, прекрасно ориентируясь на местности, фиркат выполняли дозорно-разведывательные функции и стали хорошим подспорьем для регулярной армии. К тому же, те бойцы, которые прежде входили в повстанческие формирования, знали места расположения их складов, маршруты движения, численность, приемы пропаганды.

Полученная от них информация позволила SAF нанести противнику существенный урон, перехватить у него инициативу. Жители горных селений увидели, что PFLOAG не всесилен, сковывавший их страх перед местью комиссаров и их карательных команд стал постепенно ослабевать. И все больше людей начали переходить на сторону султана.

Изменилась и стратегия борьбы с партизанами. Вместо оборонительной позиции, SAF перешли к активным действиям, чтобы овладеть инициативой. Прежде с наступлением харифа, когда поддержка авиации становилась проблематичной, а снабжение воинских подразделений осложнялась из-за ухудшения дорог, правительственные силы оставляли свои позиции и возвращались на равнину Салалы, а мятежники вновь становились хозяевами плато.

Теперь решено было закрепляться на горах на постоянной основе и постепенно расширять зоны контроля SAF. Согласно классическим правилам антипартизанской борьбы была проведена первая операция фиркат по восстановлению власти правительства в городке Садах, лежащем на отдаленном побережье.

Там позиции мятежников охранялись слабо, и дело ограничилось несколькими выстрелами. В дальнейшем тактика "откусывания" периферийных участков от обширного региона, контролировавшегося PFLOAG, успешно применялась и привела к

усилению давления правительственных сил на флангах противника. Что позволило со временем перейти к наступательным действиям на главных направлениях.

Все основные решения по проведению операций против мятежников принимались султаном после тщательного изучения их тактики и выяснения настроений населения в контролируемых ими районах.

Первая группа джебали, отказавшихся воевать на стороне Фронта и перешедших на сторону законных властей, была принята сейидом Кабусом во дворце Аль-Хусн в один из последних дней ноября 1970 года.

Участник исторической встречи с монархом Ахмед Сухейль, живущий в селении Шихейт, до сих пор прекрасно помнит, как проходило обсуждение военно-политической ситуации. Когда пятеро экс-партизан прибыли в резиденцию, султан вышел к ним в простой дишдаше и отре. Им было приятно, что правитель, их сверстник, всем своим видом давал понять, что он такой же дофарец, как и они. У него была густая черная борода, как у настоящего джебали, и заговорил он на родном языке горцев – ведь мать его была из того же племени маашан, что и сам Ахмед. Внимательный и дружелюбный взгляд султана сразу расположил визитеров к откровенности. Они долго сидели на плетеных циновках, попивая арабский кофе.

Султан выразил убеждение в том, что одна из главных задач - прекратить поставки провианта мятежникам. Армия может наносить удары по противнику, но она не в состоянии узнать, кто дает продовольствие мятежникам и проследить пути снабжения. Такую информацию могут дать лишь местные жители, поэтому монарх обозначил собеседникам задачу: создать информационную сеть из числа горцев. Ему показалось убедительным предложение не складировать больших запасов продовольствия в горах для

снабжения армии, так как они могут стать добычей партизан, и он обещал дать указание осуществлять поставки мелкими партиями, при этом часть продуктов решено было использовать для помощи населению. Поскольку как раз в это время шло формирование первого отряда фиркат, много говорили о том, как организовать военную подготовку, обеспечение амуницией, питанием...

Поскольку многие из бывших партизан привыкли к легким и безотказным автоматам советской конструкции, английские скорострельные винтовки, принятые на вооружении в SAF, казались им тяжелыми и неудобными. Прошло тридцать лет, а в памяти Ахмеда до сих пор сохранились несколько слов – Калашников, Симонов, Дегтярев. Имена конструкторов удачных образцов карабинов, пистолетов и пулеметов стали нарицательными. Для членов племен, всю жизнь не расстававшихся с оружием, его надежность и необременительность были важнейшими достоинствами. Поэтому на разных уровнях обсуждался и вопрос о возможности вооружения фиркат захваченным у противника оружием. И хотя сами советники, служившие в войсках султана, признавали оправданность такого предпочтения, оно было признано неудобным из политических соображений. Напротив, решено было выплачивать премию за всякий трофейный ствол. Ахмед Сухейль вспоминает, что поначалу партизаны были вездесущи, едва ли не в каждом селении и каждом вади имелись склады оружия и боеприпасов.

Так что охота за трофеями стала одной из важных задач фиркат. Хотя вначале партизаны численно превосходили и султанскую армию, и фиркат, постепенно соотношение сил стало меняться. Перелом наметился в 1972 году.

Мощный импульс для изменения психологического климата в Дофаре дали встречи султана с народом. В отличие от своего

предшественника, в течение четырех лет избегавшего выезжать за пределы дворца и до предела ограничившего контакты с людьми, молодой правитель стремился из первых уст услышать, что волнует подданных. Прекрасно зная организацию армейской службы, Кабус бин Саид лично контролировал положение в частях SAF, заботился об улучшении жизни солдат, посещал учебно-тренировочные центры, наблюдал, как осваивается новая техника и вооружение.

Особенно большой резонанс вызвали его визиты в лагеря фиркат в Мединат аль-Хакк и Кайрун Хайритти. Султан прибывал на вертолете с несколькими сопровождающими и проводил весь день с ополченцами, разделял с ними нехитрую трапезу, выслушивал их пожелания, подробно рассказывал о планах преобразований в стране.

То, что султан отважился встретиться со вчерашними мятежниками, среди которых вполне могли скрываться агенты PFLOAG, чрезвычайно повысило авторитет монарха. Беспроволочный телеграф пустыни немедленно разнес весть об этом повсюду. Число перебежчиков из рядов противника сразу же резко возросло. Если первый отряд фиркат, начавший действовать в феврале 1971 г., состоял всего из нескольких десятков бойцов, то уже к 1974 г. существовало 17 отрядов общей численностью до 1,5 тыс. человек. При формировании их учитывался племенной принцип - в этом сказалось умение султана быстро ориентироваться в обстановке и извлекать уроки из ошибок противника. Первый отряд фиркат, названный в честь победителя крестоносцев Салахеддина, еще не пройдя боевого крещения, распался из-за противоречий между представителями разных кланов джебали. Это было сразу же учтено при создании новых подразделений, и племенные отряды оказались более стабильными.

А вожди Фронта, слепо следовавшие собственной догме, которая предписывала бороться с «племенными пережитками», наоборот, ослабили боеспособность своего воинства.¹³

Конечно, одни лишь мероприятия в военной сфере не могли обеспечить победу. Успехи в вооруженной борьбе стали возможны после изменения политической стратегии государства и достижения превосходства над противником в идейной борьбе. Планируя поединки в эфире уже в первые месяцы после июльских событий 1970 г., аналитики САФ приняли к руководству главный принцип: всякая информация должна быть абсолютно правдивой.

¹³ С советской точки зрения это была «детская болезнь левизны» (название известной книги Ленина): «некоторые функционеры НФОО допустили в конце 60-х годов серьезные левацкие перегибы. Они проявили на первых порах непонимание исторической обусловленности существовавшего родо-племенного строя и рассматривали его как «контрреволюционное» явление. Пытаясь разом покончить с племенным сепаратизмом и межплеменными столкновениями, эти функционеры «именем революции» «отменили» племена в Дофаре и объявили, что все племенные территории, особенно пастбища и источники воды, находятся в общем пользовании. Такая непродуманная кампания, игнорировавшая веками складывающуюся реальность, дорого обошлась Фронту: искусственно сформированные на внеплеменной основе боевые отряды НФОО теряли свою боеспособность, часть племен под влиянием своих шейхов стала склоняться к компромиссу с противником, который активно использовал эту ошибку НФОО для его компрометации». (Н.Н.Воробьев. Роль племен в социально-экономической жизни Омана (1950-1980) В кн. «Государственная власть и общественно-политические структуры в арабских странах. Москва, 1984).

Только сообщения о реальных достижениях могли вызвать доверие горцев. По контрасту с коммунистической пропагандой, распространявшейся Аденom, передачи малоомощной правительственной радиостанции оказались более приближенными к жизни Дофара. Понимая, что в силу бедности племен немногие в горах имеют возможность слушать радио, власти Салалы решили организовать на местном базаре продажу приемников по крайне низким ценам, рассчитывая на то, что купленное хоть и задешево будут ценить и не отдадут комиссарам PFLOAG.

Понятно, что возможность знакомиться с радиопередачами из Салалы подрывала их монополию на информацию. Даже если несколько сот человек регулярно получали известия о событиях в стране, она постепенно становилась достоянием каждого. Ведь в жизни племен новости, передающиеся устно, всегда были главной усладой общения между людьми.

Зная эту особенность жизни в горах и пустыне, информационные службы SAF и правительства применяли простые, но доходчивые способы оповещения населения Дофара о всех важных решениях султана и мероприятиях по улучшению положения простых людей. Так, на всех контрольно-пропускных пунктах вокруг Салалы были устроены большие доски объявлений, на которых помещалось все, что власти хотели довести до сведения горцев. Толпившиеся в ожидании досмотра волей-неволей изучали все объявления и, по возвращении в свои селения, пересказывали увиденное и услышанное.

В одной из листовок, распространявшихся в 1971 г. с самолетов, дофарцы прочли:

“Коммунисты не защищают ваших прав, они против всего, что дорого вам. Коммунисты ваши худшие враги, не позволяйте им обмануть вас. Послушай, брат мой, что сказали и что сделали

коммунисты. Послушай, и, может быть, ты отличишь правду от лжи. Коммунисты говорят: "Нет Бога, создателя всего сущего". Коммунисты не признают пророка Мухаммеда (да будет благословенно его имя) и других пророков Господа. У коммунистов нет правды, брат мой, они допускают беззакония и лишают человека прав. Это тебе известно. Они убивают отцов и оставляют детей сиротами.

Все это коммунисты проделали на твоих глазах. Вы косвенно защищаете их. Вы их топливо и их рабы, а позже вы станете их мишенью. Поберегитесь, пока не поздно. Начинайте приобщаться к братству Господню. Оно победит. Победа ваша на все времена, братья мои мусульмане. Смерть поразит врагов Божьих, тех, кто и ваши враги ибо они против свободы, достоинства и Святого Ислама. Борцы-мусульмане со всего Дофара присоединились к воинству Ислама под предводительством Кабуса. Становитесь с теми кто взялся за трудное но почетное дело - угодить Господу, покончив с коммунистами и очистив край, который преступники залили кровью. Братья мои, присоединяйтесь к своим братьям и займите надлежащее место на службе вашему правительству и государству, на вашей службе, так как она даст все, что вам нужно. Ваше правительство зовет вас, заботится о вас, охраняет вас, обеспечивает вам ваши права".

Обращение заканчивалось словами "Ислам наш путь, Свобода наша цель".

Они стали своего рода девизом, под которым вокруг султана сплотились все, кому были дороги религия, обычаи и наследие предков. У людей старшего поколения уже давно вызывало беспокойство то, что молодежь, прошедшая обучение в школах PFLOAG, бравировала безбожием и критически высказывалась о племенных обычаях. Шестилетняя школа имени Ленина, размещенная на территории Южного Йемена в непосредственной

близости от границы с Оманом, была одним из главных рассадников атеизма. Классы размещались в палатках, обучение было совместным. Преподаватели, прошедшие подготовку в странах коммунистического блока, целенаправленно воспитывали у своих подопечных недоверие к исламу, высмеивали тех, кто соблюдал установления о молитвах и посте.

Южноафриканская провинция Махра, где находились основные базы PFLOAG, стала настоящим полигоном для отработки методов коммунистического проникновения в арабские страны. Не только прямая пропагандистская обработка и военная подготовка молодых джебали, но и воздействие на сознание людей старшего поколения посредством оказания медицинской, ветеринарной и продовольственной помощи было подчинено этой цели. Развернутый в районе Хауфа кубинский госпиталь использовался не только для оказания помощи раненым мятежникам, но и предоставлял бесплатное лечение мирным жителям Дофара. Для людей, знавших лишь один метод врачевания – прижигание раскаленным железом – чудодейственные исцеления в Хауфе становились весомым аргументом в пользу Фронта.

На самом же деле ничего сверхъестественного не происходило, любая таблетка, принятая горцем, действовала на него гораздо сильнее, чем на человека, привыкшего употреблять лекарства. Когда медики SAF также начали оказывать широкую помощь гражданскому населению, их поражал мощный оздоровительный эффект, производимый на пациентов обыкновенными антибиотиками.

Тела стариков Дофара, покрытые шрамами от прижиганий, до сих пор могут служить живым свидетельством тех времен, когда организм человека мог рассчитывать только на собственные силы в борьбе с болезнями. Как только правительство султана обеспечило постоянное медицинское обслуживание, люди Дофара

перестали рассматривать как благодеяние медицинскую помощь на южноэфиопской территории.

А открытие школ, строительство дорог и налаживание торговли всем необходимым непосредственно в местах проживания племен постепенно свело на нет возможности PFLOAG вести антисултанскую пропаганду. Теряя опору в населении, вожди Фронта нервничали, ужесточали преследование «предателей» и инакомыслящих, что привело к еще большей их изоляции.¹⁴

¹⁴ Особенностью антипартизанской войны было и то, что султан не ставил задачу физического уничтожения противника. Он постоянно указывал, что нужно стараться переубедить людей, а не запугивать их. Эту специфику Дофарской войны подчеркивает в своих мемуарах «САС: операция Оман» полковник Тони Джипс: «Поскольку это была война за людей, целью контрреволюционной кампании не было убивать или калечить врага. Было очень мало личной инициативы и не оказывалось никакой официальной поддержки тому, что обычно происходит на войне, как то: оставление боеприпасов, которые взрываются в казенной части оружия при использовании противником; отравление источников воды; устройство мин-ловушек на трупах и т.д. В любом случае это действия, которые обычно использует проигрывающая сторона, когда она не может овладеть ситуацией другим способом. Мины-ловушки это признанная форма ведения войны, но она не может иметь место в контрреволюционных кампаниях, подобных Дофарской войне. Во-первых, всегда есть риск, что пострадает гражданское лицо - взорвать бабушку не лучший способ завоевать поддержку большинства семей. Во-вторых, цель была - убедить аду перейти на сторону правительства. Разрывая на кусочки человека, или еще хуже, отрывая от человека кусочки, можно вывести из боя солдата аду, но это ожесточит еще нескольких оставшихся. Короче говоря, мины-ловушки были

Что касается лидеров среднего звена, то среди них оказалось много «отступников». Это были шейхи и наиболее уважаемые люди племен, стремившиеся к действительному улучшению жизни земляков, поверившие в искренность призыва Кабуса бин Саида к совместной работе во имя будущего.

12 сентября в восточной зоне Дофара они арестовали 40 руководящих деятелей Фронта, овладели денежными средствами, транспортом и вооружением. Однако верхушке PFLOAG удалось организовать контр-переворот и освободить своих функционеров, вернуть захваченное сторонниками султана. Тем не менее, эти события показали, что мятежники не всесильны, и впоследствии «движение 12 сентября» дало обильные всходы.

Даже несмотря на кампанию репрессий,¹⁵ остановить переход людей на сторону законных властей Омана не удалось. Народ увидел, кто реально стремится к улучшению его жизни, а кто контрпродуктивными. Правительство не может использовать все те средства, к которым прибегает враг". (Tony Jeapes. SAS Secret War. Harper Collins, 2000 p.329-330).

¹⁵ По данным арабского автора Мухаммеда аш-Шуэйби, террор был направлен не столько против «эксплуататорских классов», сколько против простых кабили. Он приводит такие цифры: среди казненных было 11 рабочих, 18 пастухов, 6 погонщиков верблюдов, 5 торговцев, 2 религиозных деятеля, 2 шейха, 1 рыбак, 2 носильщика, 1 фермер, всего 76 человек. Среди расстрелянных оказался даже один сумасшедший, публично ругавший «быков Фронта» (игра слов: суввар – революционеры, ас'вар – быки). Без суда был убит сразу после пятничной молитвы настоятель мечети в Хауфе Саид Яхтуб Иса, осмелившийся критиковать в своей проповеди действия PFLOAG.

способен только произносить зажигательные речи. Основанные одновременно с фиркат Команды Гражданской Помощи (САТ) приступили к осуществлению самых неотложных проектов: устройству колодцев, организации медицинского обслуживания, снабжению продовольствием. По мере расширения зон контроля правительственных войск росли и масштабы преобразований – строились дороги, к поселкам подводилось электричество, открывались школы и мечети.

После смены власти в султанате и отхода части людей от PFLOAG марксистское руководство внесло некоторые изменения в свою идеологию. Ориентация на Пекин стала менее явной, усилились контакты с советскими коммунистами. Это было следствием смены приоритетов у южнойеменской верхушки.

При всей симпатии к идеологии таких национал-коммунистов как Мао и Хо, аденские вожди видели, что реальными военными и финансовыми ресурсами обладает Москва.

Именно массированная советская помощь Северному Вьетнаму стала причиной поражения полумиллионной американской армии. Как бы ни верили революционеры в стратегию "окружения мирового капиталистического города мировой деревней", они понимали: без помощи "советских ревизионистов, идущих по буржуазному пути" (излюбленный тезис китайской пропаганды тех лет) им не создать современной армии. И дрейф Адена в сторону "научного социализма" был благосклонно принят в Советском Союзе.

Поток современных вооружений плюс огромное количество военных советников вскоре помогли южнойеменскому руководству создать мощную армию, которая считалась лучшей на Аравийском полуострове.

Кое-что от советских щедрот перепало и дофарским партизанам – крупнокалиберные пулеметы Шпагина, легкие 60-мм

минометы, переносные ракетные установки, зенитные орудия и огромное количество современного стрелкового оружия значительно повысили возможности ведения войны против регулярной армии султана.

Дофар действительно стал передовым рубежом борьбы – не мифического бедуинтариата с мировым империализмом, а мирового коммунистического блока против арабского государства, делавшего первые шаги по преодолению вековой отсталости.

При всех своих разногласиях Москва и Пекин были здесь заодно. Тренировочные лагеря на территории обеих коммунистических империй, а также на землях их сателлитов – Восточной Германии, Кубы, Болгарии – готовили командные кадры для ведения партизанской войны, обучали их военной тактике и обращению с современными вооружениями. Кроме того, Южный Йемен осуществлял и прямое вмешательство в дела соседнего государства, направляя на территорию Омана свои воинские подразделения.

Однако, расстановка сил в арабском мире начинала исподволь меняться. Июльские перемены в Салале стали лишь первым звеном в цепи событий, произошедших в 1970 г., которые привели к утрате позиций левыми и экстремистскими силами. В сентябре того же года король Иордании Хусейн сумел нанести поражение палестинским вооруженным формированиям, вынашивавшим планы захвата власти.

В ноябре были отстранены от руководства страной левые баасисты Сирии. Ставший в октябре президентом Египта Анвар Садат также занял умеренные позиции и вытеснил из правительства просоветские элементы. В этой обстановке начало складываться более тесное взаимодействие Омана со многими арабскими странами. Особенно ценную помощь в отражении коммунистической агрессии оказал король Хусейн, направивший

опытных офицеров-инструкторов для подготовки пополнений SAF, а также летчиков для пилотирования новых самолетов, поступивших на вооружение султанских ВВС.

Иорданский батальон, размещенный в Тамрите, охранял дорогу, связывавшую плато с Салалой, и принимал непосредственное участие в отражении нападений партизан. Позднее в Дофаре появились и египетские военные советники. Конечно, это не могло резко изменить соотношения сил, но имело важное психологическое значение – оманские солдаты почувствовали солидарность со своей борьбой со стороны братских арабских стран.

В тот период, когда происходили эти события, никто не мог еще определить наметившуюся тенденцию развития, так как в мире одновременно совершалось множество разнонаправленных переворотов, велись большие и малые войны, страны приобретали и теряли союзников. Победа никому не дается легко, каждое отдельное сражение может стать началом поражения одной из противоборствующих сторон. Даже когда обозначились серьезные успехи в дофарской войне, приходилось напрягать все силы страны, чтобы добиться окончательной победы.

Выступая 18 ноября 1974 г. по случаю Национального дня Омана, султан Кабус говорил: «На южных границах нашей земли существует мобильное объединение подрывных групп с тайными организациями, рассеянными по странам этого региона, которые работают сообща с международным коммунизмом. Этот очевидный факт отрицать нельзя. Несмотря на это мы твердо стоим на наших позициях, и нам удалось сломать им хребет, в результате чего наши собратья в горах теперь надежно защищены от их терроризма. Террористы, однако, начали терять веру в своих вождей, которые подвигли их на то, чтобы обратить их терроризм

против невинных людей. "Они похожи на огонь, который пожирает сам себя, когда больше нечему гореть".

В эти дни выдвигаются новые лозунги, и появляются новые имена. Некоторые с безразличием смотрят на эти маневры. Я уже предупреждал, что безопасность региона неразделима. За его стабильность отвечают все государства и все население этого региона. У коммунистов нет веры. Они не признают других учений. Если коммунизм отступает на одном фронте по той или иной причине, он делает это только исходя из своих интересов. Один из их принципов - отступить на шаг назад, чтобы продвинуться на два шага вперед. Я откровенно заявляю, что всякое небрежение в защите веры Господней приведет к беде. Не подлежит сомнению, что коммунизм одержим истреблением религии».

По сути дела, Оман стал щитом всего Аравийского полуострова и даже всего Среднего Востока против марксистской экспансии. Нарращивание иностранной помощи мятежникам делало неизбежной интернационализацию конфликта. Хотя SAF уже достаточно окрепли, чтобы в одиночку противостоять силам, за которыми стояла мощь коммунистического блока, борьба могла продолжиться еще долгие годы. Султанат не мог себе позволить истощать свои ресурсы в войне, платить все новыми и новыми жизнями за предотвращение советизации Залива.

К этому времени уже каждая дофарская семья понесла потери, ибо гибли и те, кто ушел в отряды Фронта, и те, кто сражался под знаменем султана. Нельзя было говорить об успешной модернизации страны, пока на Юге лилась кровь. Поэтому Кабус бин Саид искал решения конфликта в кратчайшие сроки.

Поставленная султаном задача отсечь боевиков Фронта от источников пополнения продовольствием успешно решалась. Фиркат и гарнизоны SAF, размещенные в горных селениях,

постепенно вытеснили основные силы мятежников из восточной и центральной зон.

В ноябре 1971 года в центральной зоне Дофара западнее дороги, соединявшей Салалу с Тамритом, была создана цепь укрепленных постов и заложено несколько минных полей на путях вероятного движения противника. Так возникла «линия Леопарда», послужившая прообразом системы заградительных сооружений, которые позднее позволили решить проблему отсечения мятежников от баз снабжения в Южном Йемене.

В апреле 1972 части Дофарской бригады даже сумели установить контроль над Сарфаитом, находящимся на плато в нескольких километрах от южнотиманской границы. Но положение оставалось довольно неустойчивым, так как «линия Леопарда» была оставлена войсками с наступлением харифа летом 1972 года из-за невозможности организовать снабжение в условиях сплошной облачности.

Отряды боевиков вновь начали проникать на всю территорию плато, а иногда партизаны накапливались в значительном числе и наносили удары по прибрежной равнине. Пока противник контролировал основные пути на западе, по которым поступали вооружение и боеприпасы из Йемена, полностью пресечь его активность было невозможно.

Понимая, чем грозит отсечение мятежников от их главной базы в Южном Йемене, руководители Фронта приняли решение провести крупномасштабную операцию на территории, контролировавшейся SAF. Главный удар решено было нанести по гарнизону Мирбата.

Рано утром 19 июля 1972 года, когда муссон словно плотное одеяло накрывал побережье, со стороны северных холмов у подножия Джебель Самхан, а также из русла вади, идущего с востока, на старый городской форт обрушился град мин и

снарядов. Поднятые по тревоге бойцы гарнизона оказались под перекрестным пулеметно-автоматным огнем.

Мятежники, скрытно проникшие на равнину, наступали с разных направлений, словно железными клещами сжимая роту защитников города. Рассчитывая на то, что авиация не сможет оказать поддержку окруженному гарнизону, командование PFLOAG было уверено в успехе.

Такого натиска бойцы SAF не переживали с начала дофарской войны. Брустверы из мешков с песком съезжились после бесчисленных пулевых попаданий. Стены глинобитного форта крошились от очередей крупнокалиберных пулеметов, перекрытия блиндажей не выдерживали навесных ударов мин. Зловоние пороховых газов и сгоревшего тола душило защитников древнего укрепления, строившегося во времена, когда воевали гладкоствольными ружьями и мечами. Десятки убитых и раненых заполняли полуразрушенный форт. Горы горячих гильз лежали повсюду. Дым, смешанный с облаками пыли, застилал окрестности. Все ближе и ближе вспыхивали огненные венчики над склоном вади, по которому автоматчики зашли в тыл осажденной роты. Группы боевиков, перепоясанных пулеметными лентами, в нескольких местах приблизились к ограждению из колючей проволоки, и, набросив на него куски мешковины, начали перебираться через него. Даже ураганный огонь не остановил их. Несколько трупов повисли на проволоке, другие нападавшие бились в предсмертных конвульсиях, но за ними подходили все новые и новые. Казалось, еще немного, и противник ворвется внутрь форта.

И вдруг из облачного полога совсем низко над землей вынырнули «Страйкмастеры». Нанеся удары по скоплениям боевиков в русле вади и на склонах холмов, окружавших форт, они вынудили их ослабить натиск. А затем подоспели вертолеты и

высадили десант на окраине Мирбата. Подкрепление, вооруженное пулеметами и гранатометами, вынудило мятежников начать отступление...¹⁶

Оставшиеся в живых защитники Мирбата сидят среди обугленных укреплений, дымят сигаретами и смотрят на зеленые склоны Джебель Самхан. Старослужащие вспоминают, как два года назад узнали на этом посту о смещении старого султана. Мало кто из них верил тогда в возможность победить, ибо

¹⁶ Тони Джипс писал: «Битва при Мирбате была вехой в Дофарской войне. Фронт должен был противопоставить что-то производящее впечатление прошлогодним успехам, которых Правительство добилось благодаря операции Ягуар. Атака была хорошо спланирована и хороша проведена. Используя в качестве прикрытия муссон, Фронт рассчитывал, что SOAF не сможет летать. Таким же образом, выманив фиркат для патрулирования, они предположили, что двухсот пятидесяти крепких бойцов при поддержке всех безоткатных орудий и минометов Восточного сектора будет более чем достаточно для того, чтобы выбить оставшихся бойцов. От тех, кто попал в плен, мы узнали, что цель была - захватить город, удержать в течение всего нескольких часов, в лучшем случае – один день, судить и казнить вали и его советников, обработать городское население пропагандистскими речами и снова отойти в горы. Если бы им это удалось, это имело бы катастрофическое влияние на планы правительства. Прежде всего, было бы достаточно трудно найти нового вали. После такой беды никто не захотел бы занять этот пост.

Городские жители по всей провинции были бы напуганы и напрочь отказывались бы сотрудничать с правительством, и Фронт полновластно распоряжался бы в городах и селениях. Восемнадцать месяцев болезненных усилий завоевать доверие дофарцев были бы перечеркнуты в один день...

мятежники делались день ото дня наглее. Чуть не каждый день в городке появлялись их листовки, в которых они предсказывали свою скорую победу. Даже многие солдаты ощущали безысходность. И вот теперь совсем иная картина. Усталое трупами аду пространство вокруг форта, над которым реет флаг Омана. Воинов переполняет гордость, слезы скорби по погибшим товарищам сменяются слезами радости: они победили! Как много значит воля человека, особенно если этот человек облечен высшей властью! Ведь подлинный творец этой победы – султан Кабус. Все было бы по-другому, если бы 23 июля 1970 года он не услышал зов Истории...

Инициатива перешла к SAF. Операций, подобных мирбатской, руководство PFLOAG больше не предпринимало. Поэтому следующим этапом войны стало полное перекрытие каналов подпитки террористов. От побережья в районе Мугсиля (35 км к западу от Салалы) войска начали последовательно строить цепь укрепленных пикетов на господствующих высотах и заграждений из колючей проволоки, создавать обширные минные поля. Каждый участок этой оборонительной системы, ушедшей в

Вернувшись в горы, аду стали искать козлов отпущения. Вера молодежи в их лидеров была поколеблена. Последние, пытаясь восстановить свой авторитет, прибегли к террору: в горах был проведен ряд судилищ для того, чтобы ошельмовать и казнить тех, кого сочли виновными в провале плана. Смерть стольких друзей (общее количество погибших, включая погибших от ран в примитивных горных госпиталях, было около сотни человек) тоже возымела свое действие. Не удивительно, что август и сентябрь были особенно удачными для правительства месяцами в том смысле, что враг сдавался ему чаще, чем когда-либо". (Tony Jeapes. SAS Secret War. Harper Collins, 2000 p.219-220).

горы, приходилось брать с боем. Почти на 50 километров протянулась вглубь Дофара «линия Хорнбим»,

Были и новации, продиктованные характером местности. Траншеи на каменистых вершинах копать было невозможно, поэтому из валунов выкладывались *сангары*, кругообразные стенки, за которыми укрывались солдаты, размещались огневые точки. Прошло четверть века после окончания дофарской войны, но возведенные на горных гребнях каменные укрепления до сих пор напоминают о ней.

В некоторых местах это настоящие инженерные сооружения, тянущиеся на сотни метров. Они похожи на грозные средневековые крепости, и, глядя на них, очень легко представить себе грохот орудий и треск ружей, крики и стоны, клубы дыма, то и дело скрывающие израненное знамя.

Но возведение линии Хорнбим решало только часть проблем. Далее к западу в сторону йеменской границы войскам продвинуться не удавалось. Здесь находились наиболее подготовленные позиции аду, а близость баз в Йемене позволяла Фронту перебрасывать подкрепления и боеприпасы. Кабус бин Саид считал, что нужно переходить в наступление на главные опорные пункты террористов. Однако операция по установлению контроля над всем дофарским плато была невозможна без массивной высадки крупных подразделений в тылу противника, а в армии Омана в то время еще не существовало воздушно-десантных сил.

Поэтому султан был вынужден обратиться к шаху Ирана за помощью. В декабре 1973 три тысячи иранских парашютистов прибыли в Дофар и вступили в бой с основными силами PFLOAG к западу от линии Хорнбим.

Люди разных национальностей участвовали в той войне. Наряду с оманцами в SAF служило немало солдат и офицеров из

некоторых арабских стран. Но определяющую роль сыграл полководческий талант Кабуса бин Саида. Военное образование, полученное султаном, позволило ему вести эту сложнейшую кампанию на уровне современных требований и предугадывать действия противника, планировавшиеся с участием крупных военных специалистов из стран коммунистического блока. Помимо управления государством в сложнейший период его истории, монарх должен был осуществлять общее руководство боевыми действиями и брать на себя ответственность за окончательный выбор из множества предложений, поступавших от командиров отдельных частей и высших офицеров различных родов войск.

Под его непосредственным руководством происходило определение оперативных направлений, планирование конкретных акций. Согласование действий сухопутных частей, фиркат, авиации и флота, определение приоритетов в вооружении и снабжении – все это также было предметом постоянной заботы верховного главнокомандующего. Военный талант – это способность так маневрировать силами и средствами, чтобы уметь создать подавляющий перевес над противником в решающий момент, уметь дезориентировать его своими действиями и навязать ему борьбу на своих условиях. Все эти черты были продемонстрированы недавним выпускником Сандхерста.

Но для победоносного ведения войны мало чисто воинских дарований. Только сочетание умелых внешне- и внутривполитических действий может сделать необратимыми победы на полях сражений. Политическое искусство – это учет огромного числа факторов и умение просчитать возможные действия прямых и косвенных участников конфликта на много шагов вперед. И в этом отношении султан переиграл противника.

Вожди мятежников прекрасно понимали, что столкнулись в лице Кабуса бин Саида с современным, хорошо образованным

политиком. Их методы пропаганды, годившиеся для эпохи, закончившейся 23 июля 1970 года, быстро устарели и перестали быть эффективны. Пытаясь восстановить поддержку кабили, лидеры подпольной армии старались восстановить население плато против иранцев и представить себя как патриотов Дофара. С этой целью в июле 1974 года они даже пошли на переименование своей организации в Народный Фронт Освобождения Омана (PFLO). Однако переломить настроение племен им не удалось. Горцы видели, как быстро меняется жизнь – прокладывались дороги, Команды Гражданской Помощи бурили сотни артезианских скважин, начали действовать многочисленные школы и медпункты.

Поскольку собственных специалистов не хватало, правительство пригласило на работу много учителей, врачей и медсестер из Египта, Ливана и Иордании. Появились первые тракторы для обработки земли, стало налаживаться транспортное сообщение с Салалой. Размах преобразований, проводимых правительством, убедил людей, что истинное улучшение их жизни придет не из-за йеменской границы. К тому же, происходящее в соседней стране давало пищу для размышлений.

Сначала запрет частной торговли, потом дефицит продуктов питания, а впоследствии их нормирование, обобществление имущества и принудительное создание кооперативов на манер советских колхозов, бесконечные собрания, отвлекающие народ от забот о хлебе насущном – все эти приметы социализма вызывали скептическое отношение у работающих джебали, хорошо отличавших краснобаев от людей дела.

К ноябрю 1974 года мятежники утратили контроль над местностями к востоку от линии Хорнбим и вывезли оттуда все тяжелое вооружение. Лишь разрозненные группы орудовали на территориях, еще недавно считавшихся оплотом PFLO. Патрули правительственных войск совместно с фиркат методично

прочесывали вади в поисках складов оружия. Дофар изобилует пещерами, поэтому задача была не из простых. Тем не менее, все больше смертоносных экспонатов пополняли выставку трофеев, развернутую в Салале. Со временем эта экспозиция стала мобильной, и ее провезли в специально оборудованном грузовике по всем провинциям Омана.

В начале января 1975 года иранцами при поддержке султанского флота была захвачена «столица» мятежников портовое селение Рахьют. Морской путь снабжения боевиков был перерезан. После этого стратегического успеха началось строительство новой заградительной системы, получившей название «линия Демавенд». Она прошла на 35-40 километров западнее линии Хорнбим.

Несмотря на отчаянные попытки PFLO помешать сооружению новых артиллерийских позиций и установке проволочных ограждений, им не удалось воспрепятствовать возведению новой мощной преграды для проникновения в Дофар.

Тогда же, в январе 1975 года несколько рот SAF предприняли наступление на главный опорный пункт мятежников в западной зоне – вади Шершитти. Благодаря наземной и воздушной разведке еще в начале 1973 года стало известно, что в многочисленных пещерах этого широкого горного ущелья созданы большие арсеналы и запасы продовольствия. Поэтому захват вади имел стратегическое значение.

Двухнедельные кровопролитные бои не дали результата, хотя противнику и был нанесен большой урон. Операция выявила слабые места обороны Фронта и это позволило добиться успеха позднее. Наступательная активность SAF продолжалась.

В феврале произошло крупное сражение в вади Ашаук, в 20 км западнее линии Хорнбим, в ходе которого противник понес большие потери в людях и вооружении, считая крупнокалиберные минометы и пусковые установки для ракет. Месяц спустя в той же

зоне была очищена от партизан вади Гуйпер. Такого рода сообщения стали обычными в оманской прессе того времени. Было ясно, что война все дальше отодвигается к границе султаната. В интервью «Таймс оф Оман» (11 мая) министр иностранных дел заявил, что в рядах боевиков, действовавших в Дофаре, около 200 солдат южнoйеменской армии. Это свидетельствовало о том, что людские ресурсы Фронта на исходе, и марксистское руководство Адена стремится отдалить окончательный крах мятежников.

Многие военные акции этого периода уже не диктовались соображениями тактики или стратегии, а носили пропагандистский характер. Так, 9 июня 1975 был предпринят яростный ракетно-минометный обстрел Сарфаита. Так боевики решили отметить десятилетие своей «революции». Кроме радио Адена никто этого юбилея не заметил. Бессмысленность продолжения войны ради интересов южнoйеменской марксистской клики становилась ясна все большему числу боевиков. Дезертирство из их рядов приняло массовый характер. Почти каждый день кто-то из них сдавался подразделениям SAF вместе с оружием. Летний хариф, прежде служивший идеальным прикрытием для действий мятежников, на этот раз с успехом был использован войсками султана. Они сумели создать еще одну цепь укреплений, позволявшую отсечь вади Шершитти. «Линия Симба» не была оборудована столь основательно как линии Хорнбим и Демавенд. Но она проходила в непосредственной близости от границы Южного Йемена. Неудивительно, что конец муссона осенью 1975 года ознаменовался ожесточенными боями в приграничье. С территории соседнего государства производились непрерывные артиллерийские и ракетные обстрелы позиций SAF.

Если в предшествующие месяцы ежедневно выпускалось около 30 снарядов, то в октябре по сангарам оманской армии производилось по тысяче выстрелов. Возникла реальная угроза

захвата линии Симба противником. В этой ситуации султан принял рискованное решение. Утром 16 октября штурмовики Хаукер-Хантер атаковали военные объекты, расположенные в Хауфе. Были разрушены артиллерийские позиции, штаб-квартира PFLO и южнoйеменский полицейский пост.

Оманские солдаты, до тех пор опасавшиеся высунуться над укреплениями, высыпали на уступ плато, радостными возгласами приветствуя работу авиации. Хауф потонул в клубах дыма. Наконец-то вражеские орудия замолчали.

Рискованность ситуации состояла в том, что южнoйеменские лидеры могли посчитать рейд оманских ВВС на Хауф поводом для прямого вторжения в Дофар. Уже на следующий день они обратились в ЛАГ с жалобой на агрессивные действия султаната. Но этим дело и ограничилось. Так что стремительные действия Кабуса бин Саида вовсе не были экспромтом, султан прекрасно просчитал их последствия. Он внимательно следил за ситуацией в соседней стране и знал, что аденский режим раздираем противоречиями. Даже в Хауфе незадолго до акции возмездия 17 октября происходили стычки между насеристами и сторонниками «научного социализма». К тому же постоянная напряженность на границе с Северным Йеменом, не раз перераставшая в крупномасштабные столкновения, не позволяла отвлечь в отдаленную провинцию Махра значительные силы.

После разгрома опорных баз PFLO события начали развиваться стремительно. Части SAF, наступая по гребню хребта в западном направлении, перекрыли для мятежников выход на плато. Султанский флот блокировал побережье. А иранские части, выдвинувшись за линию Демавенд, закрыли выходы из вадн Шершитти на восток. Главная группировка аду со всеми своими арсеналами оказалась окружена в огромном ущелье, ибо линия

Симба на западе делала невозможным прорыв в сторону Южного Йемена.

Оманская армия готова была приступить к полному уничтожению противника. Но в этот момент поступило обращение руководства НДРЙ, переданное через советских лидеров султану Омана.

Поскольку ни с Аденом, ни с Москвой отношений у султаната не было, правительство Великобритании, согласилось выполнить деликатную миссию посредника. Это был первый дипломатический контакт Омана с Советским Союзом. Южноиеменцы просили разрешить выход из окружения около 200 своих военнослужащих. Таким образом, информация, обнародованная за полгода до того министром иностранных дел Омана, оказалась достоверной. Султан не был настроен мстить и передал британцам о своем согласии предоставить окруженным коридор для выхода. Ему было ясно, что, проявив милосердие, он добьется не только военной, но и моральной победы над PFLO и его покровителями.

1 декабря бои прекратились. Когда окруженные отряды PFLO и находившиеся в их составе военнослужащие Южного Йемена покинули вادي Шершитти, войска султана начали осмотр этого широкого каньона, поросшего густым кустарником. Множество обширных пещер, обнаруженных на склонах, было наполнено оружием, боеприпасами, амуницией, достаточными для вооружения и экипировки целой армии. Потеряв эти стратегические запасы, PFLO перестал быть серьезной военной силой.

Впервые на земле Дофара установилась полная тишина. 11 декабря 1975 года Кабус бин Саид объявил стране об окончании войны. На стадионе в маскатском районе Аль Ватия собралось около ста тысяч человек, чтобы отпраздновать победу. Такой многолюдной процессии еще не бывало в истории Омана. Когда султан обратился с приветствием к собравшимся, в голосе его

слышалось ликование и гордость за собственную страну и ее народ, проявивший терпение и выдержку в течение десяти долгих лет. По завершении торжеств огромная масса людей со слезами радости исполнила новый гимн страны, славящий султана:

Господи, храни Его Величество Султана
и народ земли нашей отчизны в могуществе и мире.
Да пребудет он долгие годы славным владыкой,
ради которого мы готовы пожертвовать жизнью.
О, Оман, со времен Пророка
мы самые верные среди благородных арабов.
Радуйся, Оман: пришел Кабус,
да благословят его Небеса.
Будь счастлив, Оман,
и да хранят тебя наши молитвы.

Завершающая операция дофарской войны стала блестящим образцом стратегического мышления Кабуса бин Саида. Не только в военной области, но и в политике, и в финансово-экономической сфере принимаемые им решения часто выглядят стремительными и изящными экспромтами. Однако это обманчивое впечатление, свойственное восприятию наиболее совершенных явлений человеческого духа, таких, как гениальные произведения искусства. Да, они кажутся воздушными и невесомыми, созданными в порыве вдохновения. Но за каждым стоят годы, когда оттачивалось мастерство художника, вынашивались его любимые образы и мысли.

Политика и военная стратегия это тоже высокое искусство, истинные свершения в этих сферах деятельности также становятся своего рода эталонами прекрасного. И в них масштаб личности, ее неповторимый стиль проявляются так же точно, как и в искусстве слова, музыке или живописи. Дж. Бюффон сказал: стиль – это человек.

Именно по самым характерным проявлениям человеческого таланта мы можем судить о его личности. Стремительный, рискованный и в то же время безошибочно продуманный характер финальной операции дофарской войны мы еще не раз будем узнавать в делах султана Кабуса на мирных поприщах. А гуманный исход сражения за Шершитти отразил важнейшее человеческое качество монарха – милосердие, неприятие жестокости.

Победа в войне была достигнута в результате неустанной работы военного и политического руководства страны во главе с султаном, занимавшим посты верховного главнокомандующего и премьер-министра. То, что происходило в середине 70-х на юго-востоке Аравии, как бы шло наперекор глобальным тенденциям. Обстановка в мире в целом складывалась не в пользу Запада. 1975 был годом коммунистического триумфа. В результате тотального наступления коммунистов во Вьетнаме рушился проамериканский режим, полумиллионная группировка войск США, бросив союзника на произвол судьбы, спешно эвакуировалась на родину.

В течение одного года коммунистические режимы возникли в Эфиопии, Анголе, Мозамбике, Камбодже и Лаосе. Первые грозные раскаты сотрясали Никарагуа, где через несколько лет также возникла левая диктатура. Армии и полиции ЮАР становилось все труднее отбивать атаки коммунистических партизан.

И мир пассивно наблюдал, как контроль над богатейшей страной мало помалу переходит в руки друзей Кремля. В такой ситуации возможности для оказания помощи Оману со стороны Запада были невелики. Более существенной оказалась помощь ближневосточных друзей Омана, но и она стала ценным подспорьем благодаря умелой координации главнокомандующего. Так что заслуга победы в той войне целиком принадлежит султану Кабусу, его искусству управления и учета интересов различных сил и социальных групп. Дофарская кампания может служить примером

того, как единая воля, определяющая политическую стратегию и военную тактику, способна заставить функционировать государство и все его составляющие как идеальный механизм. Султану приходилось учитывать множество факторов при выработке наиболее ответственных решений во время Дофарской войны. Поскольку она велась на рубеже двух общественно-политических систем, последствием этих решений могла быть реакция в очень далеких от региона столицах – в Москве и Вашингтоне, Каире и Багдаде, Лондоне и Тегеране. Только взвесив все возможные последствия, можно было пойти на установление тесного военного сотрудничества с Ираном или провести акцию возмездия в Хауфе.

Дофарская кампания продемонстрировала превосходство монархической модели над революционной тиранией, классическим образцом которой была НДРЙ. Пока аденские вожди пытались раздуть революционную войну по рецептам зарубежных теоретиков, султан обрел твердую опору в народе, апеллируя к традиционным ценностям: исламу, племенным обычаям, оманской самобытности. При этом задачи модернизации остались приоритетом правительства. За ближайшей границей тоже шла модернизация – но по марксистским рецептам: выкорчевывалось все, что связывало народ с прошлым, под видом обучения в каждую душу вколачивались пропагандистские штампы. Жертвами такой «культурной революции» становились не только простые люди, но и сами вожди.

Идеология классовой борьбы, исповедуемая ими, привела к тому, что повсюду им виделись изменники и враги. Регулярные схватки различных клик в руководстве правящей марксистской партии кончались истреблением то одного, то другого лидера и его приспешников. То же творилось и в провинции, где свирепствовал революционный террор. А в Дофаре и во всем Омане царили принципы милосердия и прощения заблудших – тысячи бывших

партизан вернулись к мирной жизни и покою. Все они стали участниками строительства нового Омана, многие достигли высокого положения в государственном аппарате и бизнесе. Так была выполнена стратегическая задача, поставленная султаном: не физически уничтожить противника, а одержать победу в сердцах людей.

СЕМЬЯ НАРОДОВ

Со времен прорыва внешнеполитической изоляции международные связи Омана всегда были одной из главных забот султана. Тяжелое наследство досталось ему от отца. В стране фактически отсутствовала дипломатическая служба, министерство иностранных дел было крохотным, его немногочисленные служащие имели небогатый опыт ведения международных переговоров.¹⁷ Поэтому первые миссии доброй воли, посланные за рубеж, состояли из уважаемых людей – шейхов, богословов, кади и немногочисленных представителей интеллигенции, имевшихся в

¹⁷ Иннес, служивший статс-секретарем по иностранным делам у Саида бин Теймура, свидетельствует: «Что я делал? Огромное количество дел, из которых мало что имело прямое касательство к иностранным делам, во всяком случае в обычном понимании этого слова. Еще меньше того, что могло бы считаться обязанностью министра. За пять лет моей службы круг моих обязанностей непрерывно менялся, что не делало более легким определение их. Время от времени они включали функции, присущие больше военному секретарю, штабному офицеру, офицеру связи, политическому функционеру, работнику паспортного стола, директору медицинского учреждения, прорабу. Они не всякое время включали министерскую ответственность за Внешние связи». Эта ситуация сохранялась до самого отречения Саида бин Теймура.

Омане. Их усилия были очень важны для создания нового образа страны, но налаживание постоянных контактов с зарубежными странами и международными организациями было делом профессионалов. Из-за слабости внешнеполитической службы на плечи монарха и премьер-министра ложилась дополнительная нагрузка, и на первом этапе они фактически делили между собой функции министра иностранных дел, впрочем, без четкого разграничения. Оба выезжали за рубеж с неофициальными визитами, во время которых велась большая работа по подготовке признания Омана авторитетными международными организациями и ведущими странами. Так, Кабус бин Саид в июне 1971 года прибыл в Лондон, где привлек большое внимание общественности своей открытостью и откровенностью.

В этой стране привыкли принимать арабских монархов, но знали, что те неохотно идут на контакт с прессой, избегают появляться в общественных местах. Султан Кабус пространно отвечал на вопросы корреспондентов, вместе с британским министром иностранных дел Алеком Дуглас-Хьюмом посетил театр.

Первый этап борьбы за признание Омана равноправным членом семьи народов завершился осенью 1971 года. 29 сентября страна стала членом Лиги арабских государств, а 7 октября Генеральная Ассамблея ООН проголосовала за прием Омана и в эту организацию. Только один голос был подан против – Южного Йемена.

В том же месяце состоялся первый официальный визит султана за рубеж. По приглашению шаха Ирана он прибыл в Персеполис, где с огромным размахом отмечалось 2500-летие иранской монархии. Среди величественных руин столицы одной из великих империй древнего мира собрались высокопоставленные гости из многих стран. Парады войск и шествия костюмированных

артистов, изображавших различные события истории персов, роскошные приемы и фейерверки должны были продемонстрировать мощь и богатство современного Ирана и династии Пехлеви как преемницы славы древних Ахеменидов. Мухаммед Реза Пехлеви, только что отметивший собственный юбилей – 30-летие восшествия на престол – излучал довольство собой и уверенность в своих силах. Официальный титул монарха - Его Императорское Величество – подчеркивал его претензию играть главенствующую роль в регионе.

Иран и его лидер представляли особый интерес для султана Кабуса по многим причинам. За одно лишь десятилетие ближайший сосед Омана превратился из слаборазвитой страны в государство, обладающее современной промышленностью, мощной армией и быстро растущим культурным потенциалом. Провозглашенная шахом «белая революция» казалась воплощением доктрины, выдвинутой администрацией президента Кеннеди в начале 1960-х годов. Суть ее состояла в том, что во избежание захвата власти в странах Третьего Мира прокоммунистическими силами необходим «перехват революции» – осуществление наиболее привлекательных ее лозунгов правящими элитами.

Запад считал, что Мухаммед Реза Пехлеви близок к завершению модернизации – резко возросла образованность населения, улучшилось медицинское обслуживание, была проведена аграрная реформа, созданы передовые отрасли промышленности. Темпы экономического роста Ирана превзошли показатели Японии и других динамично развивающихся стран Дальнего Востока. Валовой национальный продукт за десятилетие возрос более чем в десять раз.

Огромными темпами шла урбанизация, сеть прекрасных дорог покрыла страну, роскошные магазины и супермаркеты

бросили вызов «базару», столетиями диктовавшему стиль и уровень потребления нации. Султану Кабусу представлялось, что к иранскому опыту стоило присмотреться при выборе модели развития для Омана – как-никак обе страны имели много общего в истории и культуре, обе принадлежали к исламскому миру.

За многие века они нередко становились соперницами, но при таких отношениях соседи больше всего интересуются опытом друг друга. На том этапе ничто не омрачало оmano-иранских отношений, поэтому осмысление «белой революции» было лишено всякого элемента ревности.

Во время переговоров с шахом собеседники касались многих вопросов, в частности предстоящего ухода Великобритании из Залива и провозглашения независимости ее бывших колоний. Как раз в те дни заканчивалась подготовка к созданию федеративного государства, в которое должны были войти 9 шейхств от Бахрейна до Рас эль-Хаймы. Шах неоднократно заявлял о своем намерении заполнить вакуум силы, образующийся с выводом английских войск. В Тегеране регулярно напоминали об исторических правах на Бахрейн, который еще в 1957 году был провозглашен 14-м останом (провинцией) Ирана. Много веков персы владели архипелагом еще в доисламские времена, да и потом неоднократно устанавливали над ним свое господство. В 1860 году шейх Бахрейна признал иранский суверенитет над островами. Но уже через год Британская империя навязала ему свой протекторат, воспользовавшись ослаблением соперника после англо-иранской войны 1857 года.

В марте 1970 года британцы передали вопрос о статусе острова на рассмотрение ООН, а последняя прислала в Манаму миссию для проведения опроса, по результатам которого Совет Безопасности в мае высказался в поддержку независимости. Иран согласился с результатами опроса, но официального заявления об

отказе от прав на архипелаг долго не делал. Даже после визита шейха Бахрейна в Тегеран в декабре 1970 года и провозглашения независимости архипелага в следующем августе у арабских лидеров осталось недоверие к могучему соседу.

Зная все это, Кабус бин Саид стремился увидеть положение также глазами иранской стороны, поэтому соображения шаха по поводу условий формирования федерации эмиратов и обеспечению военного присутствия персов на островах Залива стали предметом особенно пристального рассмотрения.

Султан Кабус считал: вступая в послеколониальную эру, нельзя допустить обострения соперничества, должны быть учтены интересы и согласованы позиции всех стран, на судьбе которых отразятся эпохальные изменения в Заливе. Поэтому его беседы с шахом носили искренний и доверительный характер. Шах был очарован прямоотой и достоинством, с которыми его гость вел переговоры, и отвечал взаимностью. Уже после тех первых встреч на земле древнего Персеполиса начали складываться особые отношения между двумя монархами, которые на протяжении почти целого десятилетия служили поддержанию мира в беспокойном регионе.

Через полтора месяца после визита в Иран состоялась поездка Кабуса бин Саида в Саудовскую Аравию. В Эр-Рияде удалось в значительной мере преодолеть недоверие и подозрительность, много десятилетий существовавшие между двумя странами. Король Фейсал, умудренный большим политическим опытом, искусный дипломат и проницательный человек, увидел в своем молодом госте достойного партнера. Обезоруживающая откровенность султана и его гибкость весьма контрастировали с тем, к чему привыкли на Ближнем Востоке. Здешняя дипломатия зиждилась на здоровых, но заскорузлых

принципах: не спешить, не открывать своих истинных мыслей, стараться обвести вокруг пальца.

Десятилетиями тлели очаги больших и малых конфликтов, чреватых войнами и внутренними потрясениями, но приверженцы черепашьей дипломатии продолжали действовать дедовскими методами.

Султан Кабус раньше других понял – если монархи не придадут динамику всем политическим и экономическим процессам на полуострове, решать накопившиеся проблемы могут начать совсем другие деятели, привыкшие рубить с плеча – и не только в переносном, но и в прямом смысле.

Еще за два месяца до визита султана в Эр-Рияде отсутствовала ясность относительно отношений с Маскатом. Свидетельством тому было то, что Саудовская Аравия воздержалась при голосовании о приеме Омана в члены ООН. Только после личного знакомства двух монархов начал складываться климат доверия между соседними странами. Хотя по итогам визита не было принято коммюнике, в арабском мире визит восприняли как успешный. Была достигнута договоренность об обмене посольствами. Эр-Рияд обещал предоставить экономическую и военную помощь. Султан приветствовал предложение короля вернуться к рассмотрению пограничного спора, приведшего к фактическому разрыву отношений между двумя столицами в середине 1950-х годов.

С тех пор связи Омана и Саудовской Аравии становились год от года крепче. Даже небольшая помощь королевства была особенно важна на первом этапе, когда Оман только начинал осуществление программ развития. Существенным вкладом в решение первоочередных задач модернизации была посылка учителей в султанат и предоставление оманским студентам возможности обучаться в саудовских университетах.

В первые годы после прихода султана Кабуса к власти он посетил большинство арабских столиц, некоторые многократно – помимо Эр-Рияда, это Манاما, Каир, Абу-Даби, Доха, Алжир, Амман, Триполи.

В тот же период в Омане побывали монархи и президенты ОАЭ, Катара, Саудовской Аравии, Йемена, Египта и Иордании. В ходе этих встреч устанавливались взаимосвязи, которые сделали султанат неотъемлемой частью арабского мира. А ведь всего за несколько лет перед тем Оман выглядел изгоем.

В 1973 году страна стала членом Движения неприсоединения. Таким образом, даже находясь на передовом рубеже борьбы против экспансии мирового коммунизма, султан видел перспективу многополярного мира, законом жизни которого станет не соперничество военно-политических группировок, а многостороннее партнерство.

Период вхождения в мировое сообщество оказался на удивление кратким. Султанат все явственнее претендовал на самостоятельную роль в регионе Залива, да и арабского мира в целом. Уже в середине 1970-х годов арабские лидеры ощутили подспудное воздействие новых политических идей, непривычного дипломатического стиля, который демонстрировал правитель Омана. То, что могло показаться вначале индивидуальной манерой ведения переговоров, оказалось лишь одним из проявлений сложившейся системы взглядов. Годы, проведенные в Салале в раздумьях над историческими сочинениями и духовными трактатами, сформировали у султана обостренное восприятие истории. Он ощущал необходимость перемен, подобных тем, которые совершил Саид бин Султан на заре своего правления. Не замыкаться на региональных противоречиях, но искать их разрешения в контексте расширения диалога с ближними и дальними партнерами. Решительно отказываться от стереотипов и

излишних церемоний ради ускорения процессов сближения, примирения, сотрудничества.

В те годы Кабус бин Саид был одним из самых молодых арабских лидеров и, наверное, самым образованным. Его молниеносные визиты и энергичные политические решения вроде договоренности о военном сотрудничестве с Ираном, об отказе от территориальных претензий к ОАЭ, об акции возмездия против НДРЙ произвели большое впечатление во всем мире. Это была, образно говоря, «стратегия свежего ветра». Как крепкий порыв освежает атмосферу, так и крупные решения в политической сфере освобождают международные отношения от тягостного, изматывающего противостояния. Но этим не исчерпывается их значение – они подчас меняют всю политическую стилистику, и даже государственные деятели, привыкшие к преувеличенной осмотрительности, начинают действовать энергичнее, чтобы поспеть в ногу со временем.

Трудно отделаться от впечатления, что Кемп-Дэвидские соглашения стали возможны после того как Анвар Садат осознал, что на Ближнем Востоке появилась совершенно новая модель поведения в условиях перманентного кризиса...

В декабре 1972 года состоялся первый визит Кабуса бин Саида в Каир. Затем он и Садат встречались в Александрии в мае 1976-го. Президент Египта посетил Оман с ответным визитом в августе того же года. Не раз виделись они и во время общеарабских совещаний в верхах. Пожалуй, только с королем Иордании Хусейном у султана сложились столь же прочные и доверительные отношения. Поэтому степень информированности Садата о действиях султана, о его политической философии была выше, чем у большинства лидеров арабского мира. Оба политика пришли к власти почти одновременно, получив тяжелое наследие от предшественников. Оба вели борьбу с внешним противником,

обоим предстояло коренным образом реформировать экономическую сферу.

Конечно, преодолевать последствия насеровского социалистического эксперимента это было не совсем то, что вытаскивать страну из средневековья в век компьютеров, но по сложности эти задачи были сравнимы.

Несомненно, на Садата подействовал пример султана Кабуса, решительно преодолевшего стереотип мышления, утвердившийся в Заливе, о том, что Иран является «извечным врагом арабской нации». Во всяком случае, неожиданный блиц-визит египетского президента в Иерусалим и последовавшие затем Кемп-Дэвидские соглашения очень напоминают историю быстрого сближения Маската и Тегерана до степени стратегического партнерства. Косвенным доказательством того, что и Садат, и султан понимали генетическую преемственность этих революционных поворотов в ближневосточной политике, является их дальнейшее сближение после Кемп-Дэвида. Единственной арабской страной, не поддержавшей бойкот Египта, оказался Оман. Кабус бин Саид отказался участвовать в Багдадском совещании арабских лидеров 1978 года, во время которого было принято решение о санкциях против Каира.

И султан последовательно продолжал защищать Анвара Садата, хотя это и грозило для него немалыми политическими осложнениями.

Садат был не меньшим националистом, чем те, кто беспощадно критиковал его. Его биография – участие в антианглийском военном заговоре в тот момент, когда Роммель рвался к Александрии, тюрьма, побег, участие в тайной офицерской организации Насера, а затем активная роль в перевороте 1952 года – могла украсить послужной список любого революционера. Но его отказ следовать черно-белому стереотипу

перечеркнул все его заслуги в глазах приверженцев традиционных подходов. А он смотрел дальше всех их, он понял, что лишь заставив Америку отказаться от односторонней поддержки Израиля, можно разблокировать ситуацию.

Очень непросто идти против течения. Только люди, обладающие твердыми принципами, способны противостоять соображениям сиюминутной политической выгоды. В ноябре 1974 года выступая по случаю Национального Дня, султан Кабус заявил: «Наш народ участвовал в борьбе с общим врагом Арабской нации – сионизмом. Мы поступили так из веры в единство арабской нации, к которой мы тоже принадлежим и разделяем с ней судьбу и битвы и веря в то, что проблемы разрешимы и их причины устранимы. Это было убедительно продемонстрировано в войне 6 октября (10 Рамадана), когда наши арабские силы укротили высокомерие сионистского врага и пошли вперед к победе. Это участие с тех пор превратилось в настоящие совместные действия, увековечивающие арабское единство в истинном понимании этого слова. Это вызвало огромное разочарование скептиков. Победа была одержана – «если вы на стороне Господа, он поддержит вас и укрепит ваши позиции».

Высказанная султаном поддержка действий Садата во время войны совпадала с общей позицией арабских стран. Но когда дальнейшие действия египетского президента, логически вытекавшие из его военной акции, также встретили понимание оманского лидера, это вызвало неудовольствие. Даже после смерти Садата султан Кабус не отошел своей позиции. Так, в интервью ливанскому журналу “Monday Morning” в декабре 1981 г. он заявил, что кемп-дэвидское соглашение “открыло двери миру в регионе”.

Позиция султана Кабуса по вопросу ближневосточного урегулирования много лет не находила поддержки в арабском

мире, но в конечном итоге даже непримиримые критики вынуждены были признать его дальновидность. Министр по иностранным делам Омана в беседе с автором этой книги 20 декабря 1998 года сказал: «Мы говорим, что поддерживаем мирный процесс на Ближнем Востоке со времен Кемп-Дэвида, и не меняли свою позицию в этом вопросе. Несмотря на то, что в 1970-е годы были те, кто выступал против Кемп-Дэвида, мы строго исходили из важности мира на Ближнем Востоке. Потом произошел коренной перелом, состоялась Мадридская конференция, те государства, которые выступали против Кемп-Дэвида, теперь за, и мы оказались в одной лодке. Начались многосторонние и прямые переговоры, мы вновь подтвердили свою позицию. Два года назад сменилось израильское правительство, новое правительство отказалось придерживаться прежних обязательств в полном объеме, поэтому произошли изменения и в нашей позиции – мы заморозили свои отношения с этим правительством. Но общая идея поддержки мирного процесса сохранилась. Исходя из этого, мы поддерживаем палестинскую национальную администрацию и усилия кооператоров мирного процесса. Изменения, которые вносятся в наш тактический курс, полностью соответствуют изменениям, которые идут в рамках диалога».

Связи с арабскими странами всегда оставались внешнеполитическим приоритетом для Омана. Это нашло отражение и в дипломатической документации: сложилась традиционная иерархическая формула «развитие отношений с арабскими, исламскими и дружественными государствами».

Кабус бин Саид говорил, выступая на торжествах по случаю 50-летия Арабской Лиги (1995): «Султанат Оман с момента вступления в Лигу Арабских государств 29 сентября 1971, действует в соответствии со своими хорошо известными, открытыми и простыми убеждениями в необходимости

поддерживать усилия, направленные на совместные действия арабских стран. Он также подтверждает важность активизации роли, которую играют различные структуры Арабской лиги во всех отраслях, в целях добиться положительных результатов в интересах всех арабов. Да будут наши дела, с Божьего благословения, сопровождаться успехом.

Так же как мы празднуем сегодня с вами это большое событие в штабе Лиги Арабских стран в Каире, в Египте, мы празднуем его в Омане с должным уважением и гордостью».

Это очень важное свидетельство. Только национальные и религиозные праздники отмечают в Омане с таким размахом. Но это не означает, что султанат отдает предпочтение арабским странам перед всеми другими. Оманская политика не несет в себе духа национализма, она открыта для максимально возможного улучшения отношений с любой страной. Пример Ирана говорит об этом с особой наглядностью. Даже после свержения шаха, которого связывали с султаном узы большой человеческой симпатии, Кабус бин Саид не стал строить отношения с соседней страной, основываясь на личных эмоциях, он постарался сохранить все ценное, что накопилось в ходе тесных двусторонних связей в 70-х годах. Столь же показательны и отношения с Индией. Религиозные и культурные различия никак не сказались на их уровне, можно говорить о столь сердечном и неизменно углубляющемся партнерстве, какого у Омана нет со многими из арабских стран.

Да и трудно было бы ожидать другой позиции от султана Кабуса, влюбленного в культуру человечества во всех ее проявлениях. Когда он говорит о своих увлечениях музыкой, то перечисляет десятки стран и народов, которым благодарен за радость общения с их композиторами и народными мелодиями.

В отношении ведущих мировых держав Кабус бин Саид с самого начала стал проводить политику максимальной открытости.

Продолжая широкое сотрудничество с Великобританией во всех областях, султан учитывал тот факт, что традиционный союзник постепенно утрачивает свои позиции в мире. Новый лидер Запада, США, все больше усиливал свое влияние в арабских странах, и с этим не мог не считаться ни один реально мыслящий политик. Росло и влияние Советского Союза, в том числе и в регионе Залива. Но советская политика, при всем ее прагматизме, в большей степени была пронизана идеологией. И это долго мешало налаживанию нормальных отношений СССР с Оманом.

Министр далее рассказал: «Мы всегда хотели, чтобы нас с Советским Союзом связывали нормальные отношения. И мы предпринимали особые усилия для того, чтобы направлять определенные послания советскому руководству, используя для этого целый ряд каналов – через шаха Ирана, через некоторых британских политиков. Но была сложность в том, чтобы понять политику Советского Союза. По-моему, советские политики не до конца верили в искренность этих наших посланий. Мы считали, что обязательства СССР по отношению к правительству Южного Йемена - это одно из основных препятствий.

И мы считали, что лживая пропагандистская кампания, которую ведет правительства НДРЙ, является одним из основных препятствий для того, чтобы советское руководство поняло искренность этих посланий. И вмешательство Южного Йемена во внутренние дела Омана, в первую очередь, Дофара, каким-то образом, может быть, было поддержано со стороны Советского Союза, но наши успехи в Дофаре вынудили руководство СССР пересмотреть свою точку зрения».

Понадобилось почти полтора десятилетия, чтобы установить нормальные дипломатические отношения. Что выглядело особенно аномально на фоне динамичного развития отношений Омана со всеми передовыми странами. Помимо встреч с видными

политиками во время частных поездок султана Кабуса в Европу, начиная с 1974 года он имел постоянные контакты с мировыми лидерами в ходе официальных визитов. Первым из них было посещение Франции и переговоры с Валери Жискар д'Эстеном. Затем – встреча с президентом Джеральдом Фордом в Вашингтоне.

Президента Италии Джованни Леоне, премьер-министров Индии Индиру Ганди и Великобритании Маргарет Тэтчер султан принимал в Маскате. В феврале 1979 в великолепном дворце Аль-Алам был дан торжественный прием в честь британской королевы Елизаветы II.

Уже первое десятилетие внешнеполитической деятельности султана Кабуса выдвинуло его в ряд тех фигур мировой политики, к мнению которых прислушиваются, чьи позиции принимаются в расчет и друзьями, и противниками. Эта репутация еще более укрепилась в предпоследнее десятилетие XX века, когда Залив оказался в эпицентре долгой военно-политической бури.

Прелюдией ряда конфликтов, неоднократно грозивших перерасти в мировой кризис, стали внутренние события в Иране. Подобно тому, как французская революция и революция в России стали детонаторами целой цепи кровопролитных войн, так же и исламская революция в феврале 1979 года стала на определенный период причиной нестабильности на Ближнем и Среднем Востоке¹⁸.

¹⁸ В 1979 года большая группа экстремистов захватила Великую мечеть Мекки, и саудовским силам безопасности только ценой значительных жертв удалось подавить это выступление.

В 1981 был раскрыт шиитский заговор на Бахрейне, имевший целью установление исламского режима, аналогичного тегеранскому. В 1983 был ликвидирован крупный заговор в армии Саудовской Аравии, предотвращена попытка переворота в Катаре. Цепь террористических актов дестабилизировала положение в Кувейте.

«Белая революция», проводившаяся шахом без учета интересов традиционных социальных сил, ломавшая сложившийся за века уклад жизни народа, вызвала мощную волну антизападных настроений, которая смела и династию, и политическую элиту, ориентировавшийся на тесное сотрудничество с Западом. То, что представлялось остальному миру политическим землетрясением, угрожающим всему региону и международной стабильности, в Омане с самого начала воспринималось как внутреннее дело Ирана, не могущее служить поводом для вмешательства. Султанат сохранил высокий уровень отношений с революционным Ираном как с дружественным мусульманским соседом. Политика добрососедства, являющаяся краеугольным камнем национального политического курса Омана, позволила ему не раз сыграть умиротворяющую роль в моменты обострений, которые, по мнению Запада, вызывались действиями Тегерана.

Советское руководство приветствовало приход к власти антиамериканского режима Хомейни, оно рассчитывало значительно укрепить свои позиции в Заливе и в исламском мире. Но в Москве существовала влиятельная группировка прозападной и произраильской ориентации, негласно опекавшаяся шефом КГБ Андроповым. Через подконтрольные ей средства массовой информации она начала нападки на Хомейни, а затем, воспользовавшись смутой в просоветской компартии Афганистана (НДПА) втянула Советский Союз в авантюру, вызвавшую обострение отношений с Ираном и другими мусульманскими странами.

За четыре дня до начала 1980 года штурмовое подразделение КГБ «Альфа» захватило дворец президента Афганистана Хафизуллы Амина. Одновременно начался крупномасштабный ввод советских войск, сдетонировавший 10-

летнюю войну. Эти действия были истолкованы Западом, как доказательство стремления СССР получить выход к Индийскому океану и поставить под свой контроль основной путь транспортировки нефти из Залива.¹⁹

Советское вмешательство в Афганистане вызвало резко негативную реакцию Хомейни. Началась пропагандистская война против «советских империалистов». Одновременно продолжалось

¹⁹ Синхронно советскому вторжению в Афганистан была сформулирована так называемая доктрина Картера; суть ее была изложена в ежегодном президентском послании «О положении страны» в начале 1980 года. Применительно к региону Среднего Востока ее положения формулировались следующим образом: «Отказ поставить нефть нам или другим поставил бы под угрозу нашу безопасность и вызвал бы еще более серьезный экономический кризис, чем великая депрессия 50 лет назад, причем это привело бы к радикальному изменению нашего образа жизни. В прошлом году мы начали расширять свои возможности переброски своих вооруженных сил в район Персидского залива и сейчас изучаем возможность более активного использования военных объектов в этом районе. Мы увеличили свое военноморское присутствие в Индийском океане. Наши силы быстрого развертывания... можно было бы использовать в поддержку дружественных правительств в районе Персидского Залива и Юго-Западной Азии, а также в других районах».

Карен Брутенц отмечает в своих мемуарах: «Не было и речи о том, чтобы перекрыть Западу нефтяную артерию. В беседах «наверху» нефть обычно даже не упоминалась. Известную активность проявлял лишь Пономарев (кандидат в члены Политбюро, заведующий Международным отделом ЦК КПСС – С.П.), но на свой манер. Он говорил, что в руках арабов есть столь мощное оружие, и удивлялся, почему оно не используется

ухудшение отношений с Соединенными Штатами (4 ноября 1979 г. американское посольство было захвачено тегеранскими студентами и более 50 его сотрудников находились в заложниках до января 1981 г.). Иран оказался в международной изоляции. В такой ситуации незадолго до того пришедший к власти президент Ирака Саддам Хусейн решил воспользоваться тем, что иранская армия была отчасти скована на севере и востоке, отчасти ослаблена кадровыми чистками, и нанес удар по Ирану (20 сентября 1980).

Первые успехи иракской армии, достигнутые за счет внезапности, вскоре были сведены на нет. Иранцы начали последовательно выдавливать оккупационные войска со своей территории. То, что Ирак вел войну при поддержке арабских стран Залива,²⁰ вызвало обострение отношений между ними и Ираном.

эффективно, советовал с его помощью активнее воздействовать на США, чтобы они отошли от произраильской позиции».

²⁰ Можно предположить, что иракская акция была согласована с некоторыми из соседей и западными державами. Хадж Саддама Хусейна в Мекку в августе 1980 года, предпринятый непосредственно перед вторжением иракских войск на иранскую территорию, имел явно выраженный демонстрационный характер - монархическим режимам Залива был подан ясный сигнал: революционная фразеология Баас осталась в прошлом вместе с людьми, ее эксплуатировавшими; Саддам Хусейн отстаивает общеарабские, общеисламские ценности. Правители Залива с явным удовлетворением восприняли эту демонстрацию, и их щедрая помощь позволила Ираку восемь лет вести войну, не подвергая лишениям ни армию, ни гражданское население. Это беспрецедентное по масштабам противостояние обошлось стране почти в 200 миллиардов долларов - едва ли не половина пришлось на финансовую помощь нефтяных монархий Залива. Только

Началась так называемая танкерная война. Иракские военные постоянно делали заявления о том, что поражена крупная морская цель – так именовались танкеры, грузившиеся на терминалах иранского острова Харк.

В стремлении нанести максимальный ущерб арабским соседям, иранские ВВС начали наносить удары по всем нефтеналивным судам, следовавшим в их порты и обратно. Война грозила выйти на новый виток, был момент, когда Саудовская Аравия готова была выступить против Ирана...

После трехлетней передышки, последовавшей за дофарской войной, Оман вновь оказался в опасной ситуации. Кабус бин Саид ощущал истощенность прежних форм защиты национальных интересов и поддержания мира в регионе. Слишком сильны были противоречия между северным и южным берегами Залива, чтобы можно было обойтись двусторонними соглашениями между странами. Не оставляя усилий сохранить добрососедские отношения с Ираном, Кабус бин Саид искал новую формулу многостороннего сотрудничества ради отражения уже возникших и еще могущих возникнуть угроз миру.

В октябре 1979 г. он выдвинул проект защиты водных путей, предусматривавший участие в обороне Ормузского пролива многонациональных сил в составе ряда арабских стран, а также США, Великобритании и ФРГ. Планом предусматривалось выделение 100 млн долларов в качестве первого пая на

Саудовская Аравия предоставила в первые два-три года этой войны 20 миллиардов долларов. Ирак, получивший в 1980 г. от экспорта нефти 26 миллиардов, обладал к тому времени зарубежными активами более 50 миллиардов. А к окончанию войны имел, по заявлению Саддама, 40-миллиардный долг.

строительство предложенной системы безопасности. Идею султана поддержал только президент Садат.

Отчаявшись вызвать своих дипломатов, ставших заложниками в Тегеране, Джимми Картер санкционировал проведение операции по их освобождению, подобной той, которую провели в июле 1976 г. израильские командос в Энтеббе (Уганда).

Советское вторжение в Афганистан создавало тревожный фон. В этих обстоятельствах султан решил обезопасить положение страны, укрепив свои отношения с США, и 4 июня 1980 г. был подписан договор о размещении американских тяжелых вооружений на оманских военных базах. А через год, когда война между Ираном и Ираком приняла особо ожесточенную форму, на территории султаната состоялись совместные оmano-американские военные учения Bright Star 81. Эти действия носили демонстрационный характер.

Вновь, как и в случае с кемп-дэвидскими соглашениями Кабус бин Саид проявил прозорливость. То, что будут приветствовать арабские страны Залива в 1990 году, султан начал осуществлять десятилетием раньше. Те, кто критиковал его за слишком тесное взаимодействие в военной сфере с Западом, вынуждены были в спешном порядке обращаться к международному сообществу после агрессии Ирака против Кувейта. Сотрудничество Омана с Соединенными Штатами и Великобританией не приобрело черт военного союза, направленного против третьих стран. Напротив, отношения султаната с Тегераном в годы ирано-иракской войны были наиболее конструктивными. Если другие соседние страны оказывали Саддаму щедрую помощь в борьбе против Ирана, то Оман играл роль примиряющей силы. Что высоко было оценено на обоих берегах Залива. Неоднократно через посредство султана воюющие стороны доводили до сведения друг друга свои позиции.

В 1987 г. Кабус бин Саид предложил провести переговоры в Маскате между Саддамом Хусейном и президентом Ирана Рафсанджани. Эта встреча не состоялась, но усилия султана в немалой степени способствовало заключению перемирия в 1988 г.

Поддерживая Ирак в самой долгой войне XX столетия, страны Залива проявили поразительную близорукость. Взрастив собственными руками (вернее, деньгами) «спасителя» Залива, они вдруг обнаружили, что без помощи огромных иностранных армий не смогут защититься от новоявленного Навуходоносора. В этом смысле позиция Омана, всегда предлагавшего привлечь к поддержанию мира в регионе ограниченные воинские контингенты западных держав, оказалась куда более умеренной.²¹

²¹ После войны за освобождение Кувейта, во время которой проявилась конструктивная позиция Советского Союза, Оман высказался и за советское военное присутствие в Заливе, что как нельзя лучше высветило принципиальную, неангажированную политическую линию султаната. В июне 1991 г. министр по иностранным делам Омана заявил в интервью корреспонденту ТАСС: «Проблема безопасности в Заливе не является сугубо региональной, так как от ситуации в этом районе зависит стабильность международной обстановки. Султанат Оман без предубеждения относится к иностранному военному присутствию в зоне Залива. Сам термин «иностранное военное присутствие» принадлежит к категориям из прежнего мира и доперестроечного периода. Арабские нефтедобывающие страны пока не могут собственными силами защитить свои богатства от угроз извне, поэтому они вынуждены обращаться за помощью к другим государствам. В условиях нового мирового порядка таким государством может быть и Советский Союз. Воинские формирования СССР также могут быть элементом иностранного военного присутствия».

Тревожные события рубежа 1970-80-х годов заставили аравийских монархов изменить свое прежнее осторожное отношение к идее создания региональной организации для поддержания мира. Еще осенью 1976 года на конференции стран Залива, проходившей в Маскате, был предложен оманский план обеспечения безопасности в регионе, но тогда он не нашел поддержки. Лишь развертывание широкомасштабных сражений вдоль ирано-иракской границы заставило правителей южного берега Залива вернуться к рассмотрению вопроса о коллективной обороне. Но на пути реализации конкретных проектов в этой сфере очень долго возникали препятствия: одни лидеры опасались гегемонии наиболее сильной державы, другие, напротив, были недовольны половинчатостью предлагаемых решений.

Во время Амманского совещания глав арабских государств в ноябре 1980 г. Кувейт распространил меморандум, призывающий к объединению стран Залива. Документ получил широкое одобрение, и уже 4 февраля 1981 г. в Эр-Рияде состоялась встреча министров иностранных дел шести монархий региона. Было принято решение о создании Совета Сотрудничества государств Залива (GCC). Это решение было парафировано министрами иностранных дел в Маскате в марте того же года и тогда же одобрен текст Хартии новой организации, в которой говорилось о стремлении к развитию и укреплению стабильности в регионе.

25-26 мая того же года в Абу-Даби собрались монархи шести стран - Саудовской Аравии, Омана, Кувейта, ОАЭ, Катара, Бахрейна. Главными целями новой организации первое совещание глав государств, вошедших в нее, провозгласило всестороннюю интеграцию в экономической, политической, социальной и культурной сферах.

Вопросы военного сотрудничества были поставлены на первом этапе лишь в самой общей форме, хотя Оман стремился к

осуществлению регионального сотрудничества прежде всего в области обороны и внутренней безопасности. Большинство стран, вошедших в GCC, заявляли о своей заинтересованности в экономическом сотрудничестве и видели организацию неким подобием ЕЭС.

Но и в этом вопросе взгляд султана оказался более реалистичным. Сотрудничество в оборонной сфере наладить было непросто по политическим причинам – большинство стран Совета видели в военной интеграции опасность для суверенитета. Но технически ее реализация была проще, чем экономическая кооперация. Народное хозяйство всех стран GCC имеет аналогичную структуру: вывоз сырья и ввоз машин, оборудования, продовольствия. Основной экспортный товар – нефть – не может быть предметом взаимного товарооборота, другие же отрасли промышленности только начинают развиваться и пока не обладают достаточным потенциалом для выхода на рынок Залива. Только ряд предприятий Саудовской Аравии уже можно считать достаточно развитыми и заинтересованными в экспорте своей продукции.

Программы сотрудничества в рамках GCC с годами охватывали все новые области: торговля, транспорт, здравоохранение, образование, информацию. Унификация таможенной политики, введение безвизового режима для всех подданных стран шестерки, создание инвестиционного фонда для финансирования проектов, имеющих значение для всех членов Совета – все это также способствовало укреплению климата доверия и сглаживанию противоречий, существовавших на первом этапе.

Политическая реальность властно подводила страны Залива к необходимости большего сближения ради противостояния новым вызовам. Налет израильской авиации на иракский ядерный реактор

в июне 1981 года показал, что страны Аравии не могут считать себя дальним тылом арабо-израильского фронта.

По мере развития опасных процессов в регионе росло и понимание всеми членами организации важности тесного сотрудничества в сфере обороны и безопасности. Идеи султана Кабуса в этой области, не встретившие поначалу отклика, начали обретать плоть. Не случайно, выступая 29 ноября 1984 г. на кувейтской встрече глав государств GCC, он вновь сделал акцент на вопросах безопасности: «А что касается текущих дел в этой области мы подчеркиваем важность великих усилий, которые делаются странами Совета и их участием в мероприятиях, направленных на поиски решения, которое положит конец ирано-иракской войны и обеспечит мир и процветание странам и народам нашего региона, о котором мы все мечтаем.

Мир вокруг нас является сейчас свидетелем большого числа горьких событий и столкновений, которые каждый день бросают народам новый вызов. В этой связи мы восхваляем солидарность, проявленную нашими странами ради поддержания их стабильности, мы хотим подчеркнуть то особое значение, которое мы придаем общему стремлению скоординировать наши усилия и возможности с тем, чтобы избавить наши страны и наши народы от опасностей, перед которыми мы стоим, и с тем, чтобы позволить им преодолеть этот вызов и эти трудности. А также с тем, чтобы позволить им направить их энергию и ресурсы по направлению к достижению целей строительства и развития. В то же время мы должны обеспечить нашим странам возможность продолжать свою работу и эффективное участие на благо нашего региона и нашей арабской нации и всего международного сообщества».

В ноябре 1985 года в Маскате прошла 6-я встреча на высшем уровне стран-участниц GCC. В построенном к этому событию роскошном отеле “Аль Бустан” монархи стран Залива вновь

услышали настоятельный призыв султана готовиться к отражению возможных угроз, контуры которых вырисовывались лишь самым пронизательным наблюдателям политической сцены Ближнего и Среднего Востока: “Важные заявления, которые мы сделали по поводу координации усилий наших стран в военной области, области безопасности и по предотвращению терроризма, помогли нам сделать еще один шаг вперед, что положительно скажется на поддержании безопасности и стабильности в нашем регионе.

Итогом нашей работы во время этой встречи стали новые цели, отражающие наше настойчивое желание развить наше совместное предприятие так, как того потребует каждая его отдельная фаза исполнения этого плана. Тогда оно послужит жизненным интересам наших государств и народов и укрепит нашу солидарность перед лицом опасности”.

В течение всей войны между Ираном и Ираком султанат сохранял дружественные отношения с Багдадом, но это отнюдь не вредило добрым отношениям с Тегераном. Принимая глав иракских делегаций ближайших сподвижников Саддама Иззата Ибрагима и Тарика Азиза, султан искренне стремился понять их позицию. Но он, конечно, не мог забыть тех времен, когда на территории Ирака шла подготовка боевиков, которые затем сеяли смерть в Дофаре. Эта «революционная» деятельность не могла идти без ведома Саддама Хусейна. Равно как и оголтелая пропаганда против своих соседей – например, иорданского короля Хусейна бин Талала именовали в иракской прессе Хусейн бин Зен (от имени матери, а не отца). Монополизировав власть летом 1979 года, Саддам расправился с частью своих сподвижников и вскоре начал демонстрировать дружественные чувства к монархам Залива, совершил хадж в Мекку, восстановил в центре Багдада памятник королю Фейсалу I, основателю династии, правившей Ираком в 1920-1958 годах.

И как только началась война с Ираном, лидеры стран Залива поспешили забыть двадцатилетний период, когда Ирак именовал себя базой арабской революции. Деньги аравийских монархий потекли в бездонное жерло бессмысленной бойни. Лишь Оман проявил осторожность и не предоставил безоговорочной поддержки Ираку.

Нападение иракской армии на Кувейт оказалось полной неожиданностью для большинства спонсоров Багдада с берегов Залива. Такого вероломства в арабском мире еще не бывало. И последовавшая полярная переориентация аравийских монархов в сторону Запада стала самым ощутимым последствием авантюры. Лишь одна арабская страна региона проявила умеренность и дольше других старалась предотвратить развязывание войны – султанат Оман. Политическая линия султана и в час великого испытания оказалась наименее подверженной колебаниям, так как формировалась она не под влиянием эмоций, а на основе трезвой оценки политических лидеров и их действий в исторической перспективе. Истинный прагматизм оманского монарха на всех этапах кризисного десятилетия не позволял ему поддаваться настроению.

Если бы страны GCC проявили в первое десятилетие существования Совета большую настойчивость в создании инструментов коллективной безопасности, агрессия Ирака против арабской страны, возможно, вообще не состоялась бы.²²

²² Саудовский принц Халед бин Султан, командующий вооруженными силами антииракской коалиции в 1991 году, пишет в своих мемуарах об этой кампании: «Кризис показал, что система обороны стран Залива в том виде, в каком она существовала в 1990 году, оказалась совершенно неспособной справиться с саддамовской агрессией. «Щит полуострова» – оборонительная структура Совета сотрудничества арабских государств Залива – не

Ожесточение против Саддама было столь велико, что во многих арабских столицах мечтали о его свержении в ходе «Бури в пустыне». И опять брали верх эмоции. И снова султан Омана старался охладить их, призывая решить конфликт мирными средствами. Раньше других он понял, к каким дестабилизирующим последствиям для региона может привести крушение режима Баас в Багдаде. Даже в условиях развернувшихся военных действий Оман не прервал дипломатических отношений с Ираком, справедливо полагая, что они могут сослужить службу всем участникам GCC в послевоенный период. Принцип султана – действовать осмотрительно, не совершать поспешных действий под влиянием эмоций.

Недаром любимая его арабская поговорка: «Сперва осмотришь, потом храбрись». Даже в период наивысшего обострения кувейтского кризиса, когда с каждым часом шло наращивание военных приготовлений обеих противостоящих сторон, Кабус бин Саид продолжал демонстративно придерживаться привычного распорядка. Его целью было показать и подданным, и союзникам: он считает, что ситуация под контролем. Как заведено в султанате, в обычное время он отправился в ежегодный тур по стране, как обычно прошло празднование Национального Дня.

Конечно, в те дни напряженно работал кризисный центр, непрерывно дававший султану информацию для принятия оперативных решений, в страну прибывали делегации Ирака и

имел достаточной мощи, чтобы сдержать Ирак или собственными силами оказать сопротивление, когда произошло вторжение. Поэтому возникает срочная необходимость пересмотреть наши подходы в области коллективной обороны». (Халед ибн Султан. Воин пустыни. Москва, Дар эль Кэмам, 1996. Стр.453).

Кувейта, и монарх внимательно знакомился с их точками зрения, помогал решить вопрос эвакуации кувейтских подданных из Ирака.

Его практические действия, ставившие целью приглушить остроту пропагандистской риторики в противостоящих лагерях, на деле служили делу примирения и могли привести к минимизации иностранного присутствия в регионе. Но громадная военная машина, запущенная лидерами других стран, уже неудержимо мчалась в заданном ей направлении...

После разгрома Ирака и введения режима санкций по решению ООН султанат стал одной из первых стран, высказавших за отмену этих мер, приведших не столько к наказанию правителя, сколько к страданиям народа. Султан не руководствовался чувством мести даже во время дофарской войны, поэтому его позиция в отношении Ирака выглядела убедительно и способствовала постепенному смягчению конфронтационных настроений в регионе Залива после «Бури в пустыне».

На катарской встрече глав государств-членов GCC в 1991 году Кабус бин Саид был избран председателем высшего комитета по вопросам безопасности Залива, образованного Советом в рамках плана по созданию объединенных вооруженных сил. Фактически это было признанием правильности той стратегии, которой придерживался султан за все годы существования GCC.

Хотя в начале своего правления Кабус бин Саид считался наиболее последовательным сторонником Запада в регионе Залива, эта репутация отражала не столько реальность, сколько пропагандистские штампы, владевшие сознанием общественности. В разделенном мире, где господствовали представления холодной войны, черно-белое противопоставление стран и политических деятелей не оставляло места для подлинно независимого политического курса.

Поэтому установление дипломатических отношений с Советским Союзом, произошедшее в 1985 году, воспринималось, наверное, как нечто нелогичное, аномальное. Ведь к тому времени из всех членов GCC только Кувейт имел полноценные отношения с СССР. На деле это было вполне закономерное решение, отражавшее желание султана проводить политику равноудаленности от военно-политических группировок – как на глобальном, так и региональном уровне.

Его давнее стремление вовлечь ведущие державы в дела региона отражало понимание современных международных отношений как отношений партнерства, а не соперничества. Связать как можно больше стран общими интересами - значит уменьшить поле противостояния. Это хорошо было видно на примере GCC – прежде всякий конфликт между государствами региона был делом непосредственных его участников. После 1981 года любая возникшая напряженность становилась предметом озабоченности всех членов организации и вызывала их солидарные действия по предотвращению эскалации, а затем и разрешению конфликта. Примером этого стало разрешение острого спора между Бахрейном и Катаром из-за принадлежности группы островов. Оман постарался смягчить напряженность. Но и другие государства приложили миротворческие усилия.

Первый серьезный контакт между султанатом и Советским Союзом на высоком уровне имел место в 1984 году. Со специальным посланием от советского лидера Андропова в Маскат прибыл Евгений Примаков, тогда директор московского Института Мировой экономики и международных отношений. Он вручил это послание лично султану. Во время продолжительной беседы был в принципе согласован вопрос о необходимости установления нормальных отношений между двумя странами и достигнута

договоренность о встрече министров иностранных дел для подписания соответствующих документов.

Но поскольку у тогдашнего главы советского МИД Андрея Громыко были проблемы со здоровьем, окончательное оформление маскатских договоренностей неоднократно откладывалось. Только с назначением нового министра Эдуарда Шеварднадзе подписание соглашения об установлении дипломатических отношений стало возможно. Это произошло в конце 1985 года в Нью-Йорке во время сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Кабус бин Саид никогда не идеологизировал межгосударственные отношения. Даже Южный Йемен, долгие годы служивший базой антисултанских вооруженных группировок и предоставивший свою территорию под советские военные базы, не воспринимался в Маскате как вражеское государство.

Хотя для того времени была характерна жесткая риторика по отношению к противоборствующей стороне (вспомним рейгановское определение СССР как «империи зла» и хомейнистский ярлык «Большой Сатана» по отношению к США), крупные политики находили точки соприкосновения и часто достигали весьма решительных сдвигов к лучшему.

При посредничестве GCC начались переговоры о нормализации отношений между соседними странами. А 15 ноября 1982 года был опубликован текст оманско-южнотийменского договора об установлении добрососедских отношений и взаимном уважении суверенитета. Отдельными пунктами предусматривалось обязательство сторон не предоставлять свою территорию для размещения баз, подготовки нападения и провокаций иностранных держав друг против друга, прекратить враждебные пропагандистские кампании в масс-медиа и установить дипломатические связи.

Нормализация отношений с южным соседом происходила в том же стиле блиц, который был свойствен другим крупным внешнеполитическим решениям султана. Но в каждом случае этому предшествовала большая работа мысли, анализ ситуации и возможных последствий. Если бы то были экспромты, они оставались бы локальными акциями, не имеющими продолжения. Но любое действие Кабуса бин Саида на международной арене оказывалось шагом, за которым следовали новые, со временем и сторонний наблюдатель начинал просматривать в этой последовательности определенный замысел. Потребовались десятилетия, чтобы эта особенность политического стиля султана Кабуса стала очевидной и он получил признание как искуснейший дипломат Ближнего Востока.

Сегодня уже можно говорить о реальном наполнении принципиальных внешнеполитических установок, высказанных султаном в самом начале его правления. На вопрос автора этой книги, существует ли документ, определяющий основное направление внешней политики султана, министр по иностранным делам ответил: «Первый документ – выступление Его Величества 23 июля 1970 года. Несмотря на то, что этот документ был довольно кратким, он содержал основные принципы внутренней и внешней политики государства.

Основой наших взаимоотношений с другими странами стали принципы взаимного уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела. Эти принципы отражены в основных документах ООН».

И далее, акцентируя на личном участии султана Кабуса в выработке внешнеполитических решений, министр сказал: «Есть два типа проблем – двусторонние, и те, что касаются многих государств. Одна из таких проблем, где было принято прямое политическое решение Его Величества – вопрос об урегулировании

пограничных вопросов и споров с соседними государствами. Это решение принимал сам султан исходя из дальнего стратегического планирования. Пограничные проблемы были решены на основе принципов взаимопонимания, диалога и позитивного сотрудничества с соседними государствами. И были найдены взаимоприемлемые развязки. Потому что один из основных принципов, которые утверждает Его Величество - это то, что взаимоотношения с ближайшими соседями должны быть позитивными и плодотворными, чтобы эти отношения ни в коем случае не были враждебными или конфронтационными. Известно, что территориальные, пограничные проблемы обычно наиболее сложны, наиболее чувствительны.

Несмотря на то, что у нас есть определенные обязательства сохранить наш суверенитет по определенным точкам, по определенным районам, однако, чтобы служить нашим принципам сотрудничества с соседними странами, мы даже отказались от своих претензий на эти территории. Оман – единственное государство на Ближнем Востоке, которое решило все свои территориальные проблемы мирными средствами. Со всеми своими соседями. Это подтверждает долгосрочный и прозорливый характер стратегии султана».

Когда султан Кабус взойшел на престол, Оман на картах мира изображался весьма произвольно, можно сказать, что очертания страны выглядели столь же размытыми, как и представления внешнего мира о происходящем в султанате. Лишь граница суши и океана была бесспорна и выглядела одинаково во всех атласах. Границы с Саудовской Аравией и Йеменом показывались пунктирными линиями; прохождение их на разных картах отличалось на сотни километров.

Первым документом, положившим начало процессу определения границ, стал договор с Ираном, подписанный в 1974

году. Согласно ему было проведено разграничение континентального шельфа.

В 1990 году был подписан договор о границах с Саудовской Аравией, а в 1992 году с Йеменом. Отныне профиль страны на карте стал столь же узнаваем как чеканный лик на медали, становящийся символом нации и эпохи.

Обретение стабильности в широком региональном контексте остается первостепенной заботой султана Кабуса. Уже вскоре после «Бури в пустыне» он начал выступать с инициативами, имеющими целью объединить в рамках широкой системы безопасности недавних противников и таким образом ограничить возможности неконтролируемого развития новых конфликтов.

В конце марта 1993 года кувейтская газета «Ас-Сияса» опубликовала интервью оманского министра по иностранным делам, в котором он подчеркивал идеи, высказанные монархом: «Понимая тяжесть последствий войны в Заливе для государств региона, особенно для Кувейта, арабских стран и всего мира, нельзя забывать, что новый мировой порядок уже начинает формироваться и совершенно различные силы объединяются в крупные блоки и группировки».

В новом региональном пакте безопасности, по мнению министра, должны участвовать Иран и Ирак. Пример Европы, где после Второй мировой войны в рамках вновь возникших союзов смогли работать победители и побежденные, мог бы быть использован и арабами.

Столь же последовательной оставалась и политика Кабуса бин Саида в отношении арабо-израильского урегулирования. Оман одно из тех государств, которые пошли на установление экономических связей с еврейским государством, и в этом сказался прагматизм султана, его свобода от идеологических шор. В этом отношении правитель является ярким выразителем толерантности,

издревле свойственной оманцам, и давних традиций торговой нации и правящей династии, основанной выходцем из купеческой семьи, чтущей великого Саида бин Султана, как-то назвавшего себя «только купцом».

В конце 1994 года султанат посетил израильский премьер-министр Ицхак Рабин. В Маскате и Тель-Авиве были открыты торговые миссии. Однако после того как правительство Натаньяху отказалось от выполнения ряда договоренностей, достигнутых ранее, Оман объявил о приостановке нормализации отношений с Израилем – в полном соответствии с решениями Лиги Арабских Государств и в согласии с принципами собственной внешней политики.

Политика султаната Оман – это живой процесс, развивающийся на всех направлениях. По мере достижения одних целей, султан ставит другие более масштабные. И в отношениях с отдельными странами он стремится последовательно переходить на качественно новые уровни. История многосторонних связей с Индией, Китаем, странами Юго-Восточной Азии может служить примером такого развития по восходящей линии. То же касается и отношений с Россией. Во время беседы с автором этих строк 9 ноября 1999 года Его Величество султан Кабус бин Саид сказал относительно перспектив оmano-российского сотрудничества: «Наши взаимоотношения прекрасны. Они вначале развивались медленно, но затем приобрели динамику. Развитие идет в положительном направлении. Я уверен, что наши отношения и дальше будут укрепляться».

В ноябре 1994 г. в Маскате побывал российский премьер-министр Виктор Черномырдин, посещали султанат высокопоставленные правительственные делегации, группы парламентариев, главы крупных российских компаний. Подписано соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве. Ежегодно

проводятся консультации на уровне заместителей министров иностранных дел.

В условиях, когда в России все отчетливее становится понимание новых стратегических реальностей, интерес к сотрудничеству с Оманом растет. Пока еще не оформившееся в стройную доктину стремление России развивать всесторонние связи с Китаем, Индией, Ираном и арабским миром неизбежно даст новый импульс как двусторонним, так и многосторонним отношениям внутри названной группы государств.

Реалистический подход к решению конфликтных ситуаций, проявляемый султаном, снискал уважение на Востоке и Западе. К оманской позиции по любому спорному вопросу прислушиваются, так как знают, что она никогда не диктуется эмоциями. В ситуациях, когда, по русской пословице, плетью обуха не перешибешь, иные лидеры почему-то действуют очертя голову только ради сохранения собственного престижа. Так поступил Саддам в январе 1991 года. Невозможно себе представить, чтобы политические решения оманского монарха принимались в подобном стиле. Пример: ситуация вокруг возможных широкомасштабных бомбардировок Ирака в феврале 1998 года.

Тогда Оман вместе с Россией и другими миролюбивыми государствами боролся за предотвращение военной акции, но при этом демонстрировал понимание пределов своих возможностей. Есть реальности, которых не дано изменить, и единственно разумное поведение политика: считаться с ними.

Оманские дипломаты считают, что Кабус бин Саид является основателем новой школы в современных международных отношениях, которая строится на единственном принципе: мир движется в сторону многостороннего сотрудничества и географические региональные рамки скоро будут устранены. Султан заявил в интервью журналу «The Middle East» (ноябрь 1995):

“Мир становится меньше, и я твердо верю, что все страны должны следовать этому правилу и пытаться понять друг друга, сотрудничать друг с другом и работать вместе на благо всего человечества. В последние годы случилось появляться обнадеживающим знакам того, что конфликты между государствами стали признаваться совершенной глупостью и, что разногласия между странами должны решаться путем переговоров, а не военными средствами”. По мнению дипломатов, султан всегда исходил из того, что диалог - реальный путь к обеспечению взаимных интересов. За 28 лет существования новой дипломатической школы мы видим, что эти идеи все больше укрепляются не только на региональном, но и на мировом уровне. Самое главное подтверждение – окончание холодной войны. Оно стало первым шагом к тому, что сейчас называют глобализацией.

Очевидно, что Всемирная Торговая Организация, которая пришла на смену ГАТТ (Генеральное Соглашение о Тарифах и Торговле – С.П.), более всеобъемлюща, решает более масштабные проблемы. В Омане считают, что основные тенденции, которые будут проявляться в следующем веке, связаны с тем, что ряд суверенных вопросов государств не будут больше относиться к их ведению. Когда торговля освободится от сдерживающих оков регулирования – например, таможенного регулирования – тогда и государственные границы станут более прозрачными. Когда мировые связи настолько переплетутся, что у государств уже не останется суверенных вопросов, будет единый мир, один паспорт. Султан почувствовал это 28 лет назад.

Европа уже сейчас находится на грани полной интеграции и мир в целом движется в интеграционном направлении. Оманские дипломаты надеются, что в мире будут господствовать экономические теории, а не политические. И новая школа, которую

основал султан, включает в себя эти изменения в мировой системе, которые произойдут.

Региональные конфликты, региональную борьбу в Омане рассматривают в качестве подготовительного этапа к такой новой форме организации международных отношений. Огромный поток информационных технологий соединяет сейчас Запад с Востоком, Юг с Севером, однако международные отношения строятся по такой формуле, которая существовала еще 70 лет назад.

Эти особенности мировоззрения монарха привлекают крупнейших современных исследователей и дипломатов. Выражением высокой оценки вклада Кабуса бин Саида в современную политическую практику, его миротворческой роли в самом беспокойном регионе мира стало присуждение ему в 1998 году Премии мира Национального Совета США по американо-арабским отношениям.

Решение об этом было принято двенадцатью крупнейшими американскими центрами политических и стратегических исследований, а также двумя десятками университетов США. Это было первое присуждение премии, отчего этого событие приобретает еще большее значение. На торжественной церемонии в Вашингтоне экс-президент Джимми Картер вручил премию личному представителю султана. Множество глав государств и видных политиков всего мира поздравили султана с почетной наградой.

К настоящему времени Оман установил дипломатические отношения с 135 странами. Над посольским кварталом в Маскате развеваются флаги всех цветов. Ни один из них еще не был спущен в знак разрыва отношений между государствами. В этом отношении султанат также уникален – в последние десятилетия все соседние страны время от времени применяли эту крайнюю меру. Прекрасные белые особняки, смотрящие в океанскую ширь,

покой пустынных улиц, осененных зеленью пальм и акаций – солидность и безмятежность этой части города превращаются подсознанием в образ политической стабильности и предсказуемости.

РЕНЕССАНС

Война в Дофаре отвлекла значительные средства. Более 40 процентов бюджета страны приходилось на военные расходы. И все же главной заботой султана Кабуса в первые годы преобразований были вопросы социально-экономического развития страны. Многие журналисты и исследователи, пишущие об Омане, любят подчеркивать, что переход к новой эре султанат начинал с нуля и приводят убедительные цифры – например, грамотных в стране было только 5%, имелось 3 маленьких школы с девятью сотнями учеников и 1 больница.

На самом деле, все выглядит не так очевидно. Если бы Оман и в самом деле был своего рода *tabula rasa*, задача, стоявшая перед монархом, оказалась бы намного проще. Гораздо труднее проводить преобразования в обществе, обладающем древними традициями и сложившимися духовными ценностями. Именно старые культуры нередко становятся преградой для модернизации...

Позднее период, начавшийся в Омане в 1970 году, назовут «Нахда» (Ренессанс). Этот термин очень точно описывает суть произошедшего – страна вернулась к своему бывшему цветущему состоянию. А это значит, что политическому руководству приходилось преодолевать мощную инерцию застоя, возникшую не только из-за внешних обстоятельств, но и из-за столетнего конфликта между традиционалистскими силами, опиравшимися на племена, и просвещенной центральной властью. Если бы не внешние вызовы, стремление к модернизации не приобрело бы

такого постоянства у части правящей элиты, понимавшей причины нарастающей отсталости.

В конце 17 – начале 18 века подобное противостояние было характерно для русского общества. Консерваторы были настолько влиятельны, что Петру Великому пришлось прибегнуть к настоящему революционному террору, чтобы сломить их сопротивление.

Мятежи и заговоры, вдохновляемые аристократией, были постоянным фоном реформ. И это во многом способствовало деформации развития страны, привело к духовному размежеванию между новой прозападной элитой и основной массой населения, оставшейся верной традиционным ценностям. Результаты общеизвестны – несколько восстаний, военных путчей и революций.

Историческая заслуга Кабуса бин Саида – его бережное отношение к обычаям и культуре страны в процессе проведения реформ. Просвещение народа виделось ему главным условием успеха, без создания своего рода духовной инфраструктуры преобразования не могли иметь прочной социальной базы. В беседе с автором этой книги Его Величество вспоминал о тех временах, когда у него складывались планы реформ:

«Каждая страна проходит периоды подъема и спада. Оман столкнулся с жестокими обстоятельствами. Его ресурсы были недостаточны для развития. Надо было найти путь к возрождению. Но не только наличие средств, поступавших от продажи нефти, могло обеспечить подъем страны. Образование – вот ключ к успеху. Оно не цель, а средство, прежде всего для самопознания людей. Проблема образования занимала мой ум с ранней юности. Без образования люди не могут получить представление о добре и зле, не могут позаботиться о самих себе.

Я остро чувствовал, что такая страна, как Оман, имеющая богатую и древнюю историю, находится в том тяжелом положении, которого она не заслуживает, что она может и должна возродиться. Меня сильно задевало то, что моя страна утратила то величие, ту известность в мире, которую она имела в прошлом. Большинство людей в годы моей юности даже не знали, где расположена моя родина».

Работа по преодолению неграмотности основной части населения, по организации школьного обучения молодежи стала не просто одним из направлений прогрессивного развития Омана. Она оказалась ступенью в реформировании политической системы страны. Монарх был убежден, что без просвещения народа любая попытка либерализации выльется в анархию. Только по достижении определенного уровня информированности подданных, они смогут стать сознательными участниками гражданского строительства. Другой стороной этого процесса стало освобождение от тех догм, которые навязывались людям в южных районах, долгое время находившихся под контролем вооруженных сепаратистов.

Еще до начала осуществления первых проектов развития стали создаваться школы и центры ликвидации неграмотности по всей стране. Зачастую классы размещались в тени большого дерева, не было учебников и парт. Многие учителя были не оманцами, прибывшие из других арабских стран преподаватели не всегда в достаточной мере владели местным диалектом. И все же успехи в области образования оказались впечатляющими. К 1975 году доля грамотного населения возросла до 30 %. Расходы на образование в государственном бюджете составили 1,8%. Уже в следующем году, первом мирном после долгой войны, они поднялись до 2,2%. И с тех пор тенденция роста этой расходной статьи бюджета оставалась неизменной. К 1980 году она

увеличилась до 4,1%, к 1990 – до 6,9%, к настоящему времени превысила 9%. Пропорционально росло число учебных заведений, школьников и учителей – если в 1975 году насчитывалось 214 школ, 56 тысяч учащихся и 2 тысячи преподавателей, то в 2002 показатели увеличились соответственно до 1187 школ, 629 тысяч учащихся и 33614 учителей. На сегодняшний день в султанате действует почти тысяча школ в которых учатся более 600 тысяч школьников и преподают около 25 тысяч учителей.

Значительные средства государство выделяло на обучение оманской молодежи за рубежом. Тысячи студентов получили образование в университетах и колледжах арабских стран, в Европе и Америке. Это позволило удовлетворить острую потребность страны в квалифицированных специалистах и приступить к «оманизации» – так султан назвал программу постепенной замены иностранцев, занимавших ключевые позиции во многих государственных структурах и в экономической сфере.

В 1982 году по решению монарха началось строительство первого университета. Сооружение суперсовременного учебного комплекса в 50 км от столицы было поручено английской фирме, выигравшей тендер. Около 500 миллионов долларов было затрачено на строительство учебных корпусов, библиотек и жилых зданий, подведение коммуникаций и озеленение.

В суровой пустынной местности за четыре года был возведен прекрасный городок студентов. 9 ноября 1986 года, выступая на открытии университета, Кабус бин Саид заявил: «На университете лежит особая ответственность сохранять оманские ценности, традиции, доблестное прошлое и уникальное наследие в качестве стимула для нашей молодежи служить отечеству, развивать достижения прошлого. Мы с нетерпением ждем, когда теоретические и прикладные исследования университета начнут

служить Оману и применяться в процессе принятия социальных и экономических решений».

Через четыре года состоялся первый выпуск специалистов, подготовленных университетом султана Кабуса. Это событие монарх определил как главную веху в истории современного Омана. Напутствуя первенцев университета, он сказал: «Знания и опыт, полученные вами, дадут вам право играть важную роль в построении современного оманского общества, сохраняя достижения Благословенного Ренессанса и добиться большего прогресса для настоящих и будущих поколений в рамках тех ценностей, которые мы все разделяем. Эти ценности представляют добродетель и правду, терпимость, бескорыстие и жертвенность, порядочное отношение к другим людям. Это ценности, полученные нами от отцов и предков, которые оманское общество впитало за многие поколения».

За десятилетие, прошедшее после первого выпуска, университет вырос во всех отношениях. В первую очередь, это касается качества преподавания. Число студентов обучающихся здесь, более чем удвоилось, и сегодня составляет 11630 человек, при этом почти половина из них девушки.

По факультетам они распределяются следующим образом: 844 на факультете сельскохозяйственных наук и мореплавания, 1923 на факультете филологии и социальных наук, 2746 на факультете экономики и коммерции, 2576 на педагогическом факультете, , 759 на медицинском и санитарных наук, 1414 на инженерном факультете, 1373 на факультете точных наук. Кроме того, министерство высшего образования оплачивает обучение за рубежом более 500 студентов, и еще около 5 тысяч оманцев учатся в различных странах мира благодаря предоставленным им грантам или за собственный счет. Учитывая большие потребности страны в специалистах и стремясь сократить расходы на образование за

рубежом, правительство положительно отнеслось к идее открытия частного университета в султанате. При этом сохраняется стратегическая линия в области высшего образования, сформулированная монархом в его речи при открытии первого университета в 1986 году: «Мы живем в век науки и образования. Образование и работа – единственные средства прогресса и развития в контексте исламской цивилизации».

В последние годы обозначилась еще одна тенденция в образовательной сфере – растет число частных школ. Это расширяет возможности обучения детей по выбору родителей, создает здоровую конкуренцию с государственными школами, обогащает палитру педагогических методов. Тем самым в профессию учителя привносится творческое начало. Сеть средних учебных заведений дополняют технические и коммерческие училища, исламские школы, учительские колледжи, медицинские и финансовые курсы.

Программа развития спорта в султанате также является частью молодежной политики. Особенно впечатляющие достижения в этой сфере относятся к последнему десятилетию XX века, когда многолетние усилия правительства дали запрограммированный результат: спорт стал потребностью юных оманцев, превратился в одну из черт образа жизни нового поколения. Об этом можно судить по толпам бегунов и футболистов, ежевечерне высыпающих на пляжи Маската, по группам «фанов» на стадионах, размахивающих флагами своих команд во время матчей.

При въезде в каждый провинциальный центр – такой как Низва, Сур, Ибри – видишь современный спортивный комплекс, содержащийся в идеальном порядке. Он именуется молодежным центром. Здесь тренируются коллективы по многим видам спорта, проводятся встречи футбольных команд, устраиваются

театрализованные шествия и выступления артистов во время праздников. Во многих вилайетах существуют футбольные клубы; бизнесмены считают за честь быть спонсорами команд. Каждый год разыгрывается кубок Омана по футболу; финальный матч играется на великолепном столичном стадионе в присутствии знати и руководителей государства. Приз победителю вручает или сам султан или кто-то из членов правящей семьи.

Даже фигурное катание стало привычным зрелищем в султанате. В построенном недавно зале с искусственным льдом дети тренируются с юных лет. Получили развитие и традиционные виды спорта. Особенной популярностью пользуются верблюжьи бега и соревнования конников.

Еще одним первоочередным направлением реформ было создание современной системы медицинского обслуживания. Ни прививок, ни профилактики заболеваний, ни аптек не знали жители султаната до 1970 года. Перемены, совершившиеся в течение нескольких лет, были настоящей революцией. Можно сказать, что поколению, достигшему зрелости в этот период, была подарена еще одна жизнь. Средняя продолжительность жизни в Омани в наши дни превышает 72 года, а тридцать лет назад не достигала и 50.

Статистические данные начали публиковаться в стране только через несколько лет после начала преобразований, а фиксировать изменения в области здравоохранения стали еще позднее, поэтому приводимые официальные данные чаще всего ведут отсчет с 1975 года, когда положение уже значительно улучшилось. Но и в сравнении с этой датой сегодняшние достижения кажутся огромными.

В 1975 году расходы на здравоохранение составляли 2,9% бюджета, а сегодня эта цифра составляет около 7,6%. Если в тот год существовало 40 больниц с 1000 коек, то сегодня их 156 с 5168

коек, плюс 803 амбулатории и медпункта. Врачей было менее 150, а стало больше 3 тысяч. Данные по детской смертности в 1970 году и теперь совершенно несопоставимы. Тогда умирало большинство новорожденных, теперь таких случаев лишь 16,7 на тысячу.

Если учесть, что с первого дня восшествия на престол султана Кабуса все виды обучения и медицинского обслуживания предоставляются бесплатно, то масштабы произошедшего просто не имеют аналогов в истории страны. Столь же впечатляет и скорость преобразований. Всего несколько лет понадобилось, чтобы от глинобитных зданий, устланных циновками, перейти к сегодняшним белоснежным многоэтажным корпусам, начиненным современной мебелью, оборудованием и приборами.

Каждый крупный объект, построенный в Омане в первые годы пребывания Кабуса бин Саида у власти, означал революцию в какой-либо жизненной сфере. Международный аэропорт в Сибе (1973). Телевизионная станция в Маскате (первая передача вышла в эфир 17 ноября 1974 г.). Электростанции и заводы по опреснению морской воды. Асфальтированные шоссе, связавшие столицу с городами Батины и Внутренним Оманом. Все это стремительно меняло стиль жизни, складывавшийся веками.

Забота о повышении жизненного уровня народа лежала в основе усилий правительства по развитию экономики. Сразу после окончания войны в Дофаре султан Кабус заявил, что его высшим приоритетом будет дальнейшее улучшение жизненного стандарта каждого из его подданных.

Поступление средств от продажи нефти лавинообразно нарастало с конца 1973 года. Рост цен на энергоносители, начавшийся после октябрьской войны между арабскими странами и Израилем, продолжался до 1981 года. Это позволило государству выделить значительные средства на социальные программы, способствовало быстрому росту доходов каждой семьи.

Но большие деньги могут создать и большие проблемы, такие как быстрый рост цен, социальное расслоение, рост коррупции. Очень многие страны Третьего мира пережили социальные потрясения, связанные с неожиданным притоком нефтедолларов. Нигерия, Иран, Индонезия, получившие огромные доходы от нефти, оказались очень подвержены социальным болезням и кризисам. Другие государства, в том числе некоторые арабские, стали жертвами своих лидеров, одержимых химерическими планами строительства супер-армий, готовых транжирить богатые ресурсы ради военных авантур. К таким странам приложима оманская пословица «Имя славно, да брюхо пусто». Только стабильное политическое руководство и ясная программа действий могут заставить работать деньги на благо нации, избегая негативных последствий быстрого обогащения.

Нефть была основой экономического развития Омана с самого начала Ренессанса. Начав в 1967 году со скромного объема в 3,2 млн т, уже в 1970 году нефтяники добыли 14,4 млн т (106 млн баррелей), целиком отправленных на экспорт. До 1982 года, когда был пущен первый нефтеперерабатывающий завод в Мина аль-Фахль, вся нефть вывозилась из страны, а горючее приходилось импортировать. В настоящее время потребности страны в нефтепродуктах полностью удовлетворяется за счет собственного производства.

Ныне ежегодная добыча нефти в султанате составляет около 40 млн т (в пределах 306 млн баррелей) и могла бы быть значительно увеличена. Но министерство нефти и газа установило годовой лимит, который не может быть более 6,5% от разведанных запасов, составляющих на сегодня 5,7 миллиарда баррелей; таким образом, добыча свыше 800 тысяч баррелей в день – это предельно допустимая норма. Это диктуется стремлением как

можно дольше сохранить ограниченные ресурсы главного природного богатства страны.²³

Приведенные цифры показывают, что, в отличие от большинства соседних стран, Оман никогда не мог рассчитывать на сверхприбыли от нефти. Только разумное использование поступающих средств могло обеспечить выполнение программ развития. Исключительно благоприятная конъюнктура на мировом рынке энергоносителей, сложившаяся в 1970-х годах далеко не всеми странами-экспортерами нефти была использована в полной мере. Для некоторых из них эйфория, порожденная потоком нефтедолларов, сменилась тяжким похмельем. Наиболее характерным образцом такого развития стала экономическая катастрофа в Мексике. Да и в бывшем Советском Союзе падение нефтяных цен с уровня 38 долларов за баррель в 1981 году до 9 долларов в 1986 году привело к тяжелому кризису.

Султан Омана всегда рассматривал нефтяные ресурсы страны как своего рода локомотив для ненефтяного сектора экономики. Он выдвинул задачу создания новых отраслей промышленности и развития сельского хозяйства в целях самообеспечения страны продовольствием. Особенно активно эта работа стала проводиться после трудного 1986 года.

²³ Общие запасы нефти в Омане значительно выше указанной цифры. Однако их эксплуатация при сегодняшних методах добычи пока проблематична. Султан Кабус изложил свое видение этого вопроса: «В настоящее время известны запасы в 5 миллиардов баррелей, которые можно выгодно продать по нынешним мировым ценам. Примерно еще 45 миллиардов были разведаны, но их разработка будет зависеть от цен на нефть в будущем и тех технических средств, которые понадобятся для их добычи». (Интервью испанской газете "Tribuna" 26 января 1996 г.).

Известные с древнейших времен месторождения меди на территории Омана обрели новую жизнь на рубеже 80-х годов этого века. Построенный неподалеку от Сохара медеплавильный завод уже в 1984 году позволил стране получить почти 6 млн риалов (более 15 млн долларов) от экспорта катодной меди.

Средних размеров предприятие, расположившееся в предгорьях хребта Хаджар аль-Гарби, стало первенцем современной индустрии. Высокая труба, над которой постоянно курится дымок – непривычное для Омана зрелище. Трудно ожидать, что в будущем таких заводов станет много, так что опасаться за окружающую среду не приходится. Но рассматриваемые правительством проекты создания алюминиевой металлургии, горнодобывающих предприятий на месторождениях платины, золота и серебра, промышленности строительных материалов, заводов по производству удобрений отражают стремление страны к развитию многоплановой экономики, не зависящей от колебаний нефтяных цен.

Часть этих проектов уже реализована, другие находятся в стадии проработки. Страна производит и экспортирует мрамор, известняк, гипс, соль, хромиты, цемент. Все больше потребительских товаров получают марку «Сделано в султанате Оман».

На сегодня нефтяной экспорт обеспечивает около 70 % доходов страны. Это означает значительный шаг вперед в сравнении с положением, существовавшим в первое десятилетие оманского Ренессанса, когда зависимость от нефтеэкспорта была абсолютной. Но султана не удовлетворяет нынешнее положение, он ставит задачу ускоренной диверсификации экономики султаната. До того момента, когда нефть иссякнет, страна должна приобрести альтернативные источники дохода...

Во многих своих речах султан Кабус напоминает соотечественникам, что «нефтяная слава вещь тленная», призывает придерживаться политики поиска таких альтернатив, которые способны защитить экономику в случае падения цен на нефть, подобного тем, что произошли в 1986 и 1998 годах, а также в целом «уменьшить опору на нефть, никогда не забывать о том, что это иссякающее богатство»...

Когда едешь пыльной неровной дорогой вдоль гористого побережья Оманского залива от Маската к Суру, ландшафт вокруг кажется диким и первозданным. Не нарушают впечатления и редкие рыбацкие селения. Козы на ступеньках домов, спасающиеся в тени от лучей солнца. Сети, разбросанные для просушки на берегу. Пальмовые рощи. Все было почти так же столетия назад. Если бы не телеграфные столбы, не автомобили, не моторные лодки и некоторые приметы современности в облике деревень, легко было бы вообразить себя в далеком прошлом.

Это становится совсем несложно, когда дорога выносит джип к руинам Калхата, одной из древних столиц Омана. Звенящая тишина висит над развалинами мечети, над огромной каменной цистерной для сбора воды, над остатками оборонительных сооружений. Медленно спускаясь в сторону моря, бросаешь взгляд поверх крепостной стены и вдруг замечаешь несколько серебристых цилиндров, вздымающихся над ажурными переплетениями трубопроводов и какими-то промышленными установками, возносящимися над пепельно-желтыми скалами.

От этого авангардистского сочленения индустриальных форм в залитую солнцем морскую гладь вонзается, словно редкозубая пила, длинная эстакада. Наложение двух планов – древних руин и промышленного комплекса – вызывает ощущение фантастичности окружающего. Словно громадный космический корабль - посланец неведомого мира - опустился на Землю во времена халифов.

Такой образный контрапункт очень характерен для Омана, свято блюдеющего старину, но решительно открывшегося для будущего. Новейший завод по сжижению газа, увиденный мною с развалин Калхата, погибшего в незапамятные времена от землетрясения – один из символов экономического прогресса страны.

На развитие газового комплекса в султанате возлагаются большие надежды. Разведанные запасы этого сырья за последние годы вывели Оман в число мировых лидеров. 283 миллиарда кубических метров, обнаруженных геологами на сегодня, могут обеспечить потребности страны и ее экспорта на 60 лет.

Современный промышленный комплекс, только что возведенный невдалеке от Сура, в соседстве Калхата, обошелся в 9 миллиардов долларов. По проложенному из пустыни газопроводу сюда подается сырье, после сжижения газ загружается с морского терминала на специальные танкеры. Первые газовозы отшвартовались от терминала в апреле 2000 года. Задолго до этого был обеспечен рынок сбыта – еще в октябре 1997 года правительство подписало меморандум с японскими фирмами о ежегодных поставках в эту страну 660 тысяч тонн жидкого газа в течение 25 лет. Уже к 2002 году добыча газа даст 15% ВВП.

Развитие этой отрасли султан Кабус оценивает как стратегическое направление в экономике будущего: «Я рад сообщить, что были найдены и разрабатываются значительные запасы природного газа. Эти запасы в будущем могут обеспечить поступления в бюджет Омана, сопоставимые с нынешними доходами от нефти» (“Tribuna”, 26 января 1996 г.)

Значение проектов индустриального развития не ограничивается экономической сферой. Оно дает толчок изменениям в структуре общества, создает новый стиль жизни. Выступая по случаю Национального Дня 18 ноября 1996 г. монарх

специально остановился на перспективах, открывающихся после пуска газового комплекса под Суром:

«Наш газовый проект относится к этой области. Это большой шаг, цель которого найти разнообразные источники нашего дохода. Реализация этого проекта обернется значительной экономической отдачей, частью которой будет получение дополнительных финансовых ресурсов для наших планов развития в будущем и еще одно дополнительное вливание в наш работающий национальный капитал. Это также обеспечит широкую поддержку жителям Сура и соседних районов в развитии таких отраслей как сфера обслуживания, туризм, банковское дело, промышленность, в приобретении новых умений и создании рабочих мест».

Еще один проект, только что осуществленный в Омане, может служить примером долговременного планирования и тщательной проработки. Это строительство одного из крупнейших в мире контейнерных портов в окрестностях Салалы. 250 миллионов долларов, затраченные на этот объект – лишь первый этап большого инвестиционного вливания в экономику Дофара. В индустриальной зоне «Райсут» появятся десятки предприятий, которые дадут работу тысячам молодых оманцев.

Идея строительства порта родилась после изучения рынка морских перевозок в регионе. Салала находится всего лишь в 150 милях от главной судоходной магистрали, связывающей Дальний Восток с Европой и Америкой. По ней движется наибольший грузопоток современного мира. Основной объем перевозок товаров и промышленного оборудования осуществляется громадными судами-контейнеровозами, имеющими возможность разгружаться в нескольких портах по маршруту, откуда контейнеры доставляются мелкими судами во все порты окружающего региона.

Страны Залива являются крупнейшими получателями грузов, идущих по великой торговой дороге Восток – Запад. Раньше для

захода в Залив судам приходилось делать крюк в несколько тысяч миль да еще нести дополнительные расходы по оплате страховых взносов (Залив считается зоной повышенного риска, и ставки страховых компаний для судов, обслуживающих этот регион, заметно возрастают). Разгружая свои контейнеровозы в Салале, судоходные компании получают существенную экономию, а для Омана это создает перспективу развития значительного регионального торгового центра, подобного Дубаю.

Прошло всего два года с момента разгрузки первого судна на контейнерном терминале Салалы (ноябрь 1998), но уже не только Оман, но и близлежащие государства уже ощутили выгоды этого соседства с новым портом. Только за первый год работы здесь обработано около 500 судов (более полумиллиона контейнеров). Понятно, что проектная мощность будет достигнута не сразу. Шесть крупнейших в мире порталных кранов, поставленных японскими фирмами, способны за считанные часы разгрузить и складировать на 4 пирсах огромное количество товаров, а затем перегрузить их на малые суда или на автомобили.

Тысячекилометровый путь до ОАЭ грузовики проходят за один день, таким образом, скорость доставки грузов конечному потребителю из Салалы и портов Залива одинакова. Благодаря тому, что асфальтированная дорога только что связала Дофар с восточными провинциями Йемена, контейнеры в течение нескольких часов смогут доставляться и в эту страну.

Обширный йеменский рынок (в этой самой населенной стране Аравийского полуострова почти 20 миллионов человек) привлекает внимание арабских бизнесменов. В приграничном районе Дофара скоро возникнет свободная экономическая зона, которая станет центром притяжения всех коммерсантов, заинтересованных в освоении этого перспективного рынка. Именно частный сектор станет главным участником всех проектов, которые

будут реализованы в контексте создания этой зоны. Правительство видит в этом одну из главных своих целей – все последние годы поддержка частной инициативы является приоритетом экономической политики.

На первом этапе Ренессанса никто, кроме государства не мог инвестировать необходимые средства в инфраструктуру, добывающую промышленность, объекты энергетики. Национальный капитал был слаб и предпочитал торговлю, посредничество, жилищное строительство, финансовые операции. Но сегодня сложился значительный слой собственников, чьи состояния, чья квалификация позволяют действовать в базовых отраслях.

Султан Кабус, в полном соответствии со своим видением будущего страны, стремится к созданию подлинно рыночной экономики, где государство играло бы роль регулирующей силы, но главными действующими субъектами стали бы частные предприниматели. Успешный старт фондовой биржи в Маскате (1989) показал, что условия для развития рыночных отношений в султанате созрели.

Все новые крупномасштабные проекты реализуются с участием отечественного и иностранного капитала. Так, порт Салала строился при долевым участии правительства (20%) и оманских частных инвесторов (19%). Появилась первая частная электростанция возле Низвы. Будет расти участие частного сектора в нефтяной и горнодобывающей промышленности.

Ставя задачи на первые десятилетия следующего века, султан подчеркивает: «В настоящее время частный сектор больше чем когда-либо в прошлом призван умножить свои усилия, используя все возможности в перспективных направлениях. Это приведет, с Божьего благословения, к ощутимым положительным сдвигам в экономической и общественной жизни в будущем. Кроме

этого нужно полностью отдавать себе отчет в современных международных обстоятельствах, которые основаны на свободе торговли и капиталовложения. Это требует того, чтобы наши экономические предприятия управлялись бы высоко эффективно, обладали высокой производительностью и проводили квалифицированный маркетинг для своей конкурентности, что особенно важно в связи с нашим вступлением во Всемирную Торговую Организацию» (речь по случаю Национального Дня 18 ноября 1998 г.).

Создание благоприятных условий для иностранных инвесторов – одна из первоочередных задач, поставленных султаном перед правительством и представительными органами, готовящими изменения в законодательстве. В то же время государство и само участвует в крупных инвестиционных проектах за рубежом. Так, Оман стал одним из участников Каспийского Трубопроводного Консорциума, учрежденного для строительства и эксплуатации нефтепровода от казахстанского месторождения Тенгиз к Новороссийску.

Печать сообщала о разработке плана строительства крупного нефтеперерабатывающего завода в Таиланде (эта страна, наряду с Японией и Китаем, входит в тройку самых крупных покупателей оманской нефти).

Начиная с 1-го пятилетнего плана, осуществленного в 1976 – 1980 гг., султан Кабус стремился к достижению реальных целей. Президент Государственного Совета Омана говорит: «Планирование развития экономики строилось на гибких основах, потому что мы знаем, что живем в сложном мире, где переплетены различные интересы и влияния. Тот, кто строит планы, не должен считать, что находится в вакууме, что он работает только с белым и черным цветом и что не произойдет нечто, что изменит его планы. Тот, кто строит планы, должен очень четко представлять

себе возможные региональные и мировые последствия. Планирование в Омане всегда строилось так, чтобы быть готовыми к изменению ситуации... Мы следим за тем, что происходит в мировой экономике, мы совершенно не боимся этих изменений.

Несмотря на те трудности, через которые мы прошли в течение 30 лет, оманская экономика движется вперед шаг за шагом и не откатывается назад. Мы ускоряемся тогда, когда можем, когда у нас есть соответствующие условия и замедляем наши шаги тогда, когда у нас возникают сложности».

Можно констатировать, что экономика Омана избежала кризисов, хотя для страны, почти целиком зависящей от колебаний мировых цен на нефть, это было непросто. По темпам экономического роста в последней четверти XX века султанат занимал второе место в мире. Согласно опубликованным весной 1999 года данным Всемирного банка средний показатель роста с 1965 по 1997 год составил 9,7%.

В новом веке главным направлением экономической политики Омана останутся диверсификация и усиление роли частного сектора. Султан Кабус видит в его развитии гарантию стабильного развития страны. В одном из своих выступлений перед племенами Дофара он заявил: «Посмотрим, что произошло с некоторыми странами, где граждане полностью зависели от государства.

Эти страны впали в бедность, и в них господствует нестабильность. Ни одна страна в мире не может оспорить роль индивида, а индивид не может полностью зависеть от государства.

Это также противоречит нашей религии, которая признает и уважает частную собственность и побуждает индивида к работе. Когда он старательно работает, он достигает благополучия и дает другим шанс работать вместе с ним и зарабатывать на жизнь. Таким образом, Божьи блага распределяются справедливо между

отдельными людьми и обществами и преумножаются. Способный человек дает шанс другому способному человеку, а последний получает возможность кормить свою семью, и таким образом все получают пользу».

Задачи на ближайшие два десятилетия сформулированы в документе Перспектива-2020, одобренном султаном. Именно частным предпринимателям предстоит создать основное количество рабочих мест, которые помогут молодому поколению оманцев занять свое место в жизни.

Проблема трудоустройства напрямую связана с решением задачи оманизации. Во время своей ежегодной поездки по стране в 1998 году султан Кабус выступил перед самыми авторитетными людьми Батины.

В этой речи он сделал ударение на проблеме трудоустройства молодежи: «Во всем мире используется иностранная рабочая сила. Это нормальное явление. Но когда благодаря ее присутствию, которое не является необходимостью для страны, огромные деньги уходят за границу, а местное население не хочет наниматься на некоторые работы, считая их зазорными, это никуда не годится. Оманцы тоже уезжают за рубеж и работают там, это обычная практика, это взаимовыгодное дело. Аллах благословил движение людей ради заработка, но это должно иметь разумные пределы». Монарх подчеркнул, что необходимо воспитывать у молодежи сознание того, что нет престижных или непрестижных профессий, что главное – качество труда, ответственное отношение к делу.

Правительство предпринимает усилия по налаживанию условий жизни в сельской местности, чтобы остановить негативную тенденцию – урбанизацию и обезлюдивание местностей, дающих сельскохозяйственную продукцию. На средства государства построены современные поселки с комфортабельными домами,

обеспеченными всеми благами цивилизации. Уравнивание условий жизни в городе и на селе дает положительные результаты, отток рабочих рук уменьшается.

Традиционные отрасли народного хозяйства Омана – земледелие, скотоводство и рыболовство – остаются предметом неустанных забот правительства. И в этих сферах произошли коренные перемены. Символом их может служить картинка из жизни, увиденная в Дофаре.

На обочине шоссе возле группы пасущихся верблюдов останавливается японский лимузин. Джебали в белоснежной дишдаше покидает искусственную атмосферу, созданную кондиционером, и идет с ведром в руках доить верблюдицу. Через несколько минут он возвращается из-под палящих лучей солнца в прохладу велюрового салона и мчится под звуки музыки, усиленные стереодинамиками, к следующему стаду. Очень трудно признать в этом ухоженном молодом человеке сына того дочерна загорелого пастуха в одной футе, который четверть века назад карабкался босиком по каменистым склонам Джебель-Кара в поисках разбежавшихся коров и верблюдов.

Рыбаки выходят в море на быстроходных лодках и сейнерах, выметывают капроновые неводы и доставляют улов на холодильные установки, откуда он поступит в продажу или будет отправлен на экспорт. Какой контраст с теми временами, когда выловленная, но не проданная рыба горами гнила на берегу или сушилась на солнце на корм скоту!

Пальмовые рощи и плантации овощных культур ныне получают воду, которую подают со скважин и от опреснительных установок мощные электрические насосы. Широкое распространение получили тракторы, культиваторы и другая сельскохозяйственная техника. Дальнейшее развитие оросительных систем позволит значительно повысить урожайность

и освоить новые плодородные земли. (На сегодня для нужд земледелия используется лишь один процент территории султаната, хотя пригодно около 7,5 %).

За три десятилетия оманский народ претерпел качественное изменение. Теперь его с полным правом можно назвать современным обществом. Но при этом удалось избежать опасности, подстерегающей народы, проходящие через период крутых перемен, - обезличивания, стандартизации. В этом уникальность Ренессанса, начатого султаном Кабусом. Его личность, его вкусы, его преданность историческим преданиям и религиозным ценностям были важнейшими факторами, определившими лицо этой бархатной революции.

В процессе обновления страны не пострадал ни один памятник старины, не была нарушена природная среда. Это могло бы показаться сказкой тем поколениям, которые стали свидетелями коммунистической индустриализации. В Советском Союзе истребление культуры прошлого приняло характер навязчивой идеи. Из сотен тысяч христианских церквей, мусульманских мечетей и храмов других религий, существовавших на территории страны к моменту большевистского переворота 1917 года, подавляющее большинство было разрушено уже к началу Второй мировой войны. Методично уничтожались дворянские усадьбы, старинные кварталы городов, древние монастыри превращались в тюрьмы или в них размещались заводы.

Для того, чтобы получить средства на закупку промышленного оборудования, распродавались за границу тысячи бесценных произведений искусства, за столетия накопленных в музеях и частных коллекциях империи. Об уничтожении природы, принявшем циклопические масштабы, планета Земля не забудет еще много десятилетий. Эти деяния отразили бездуховную

сущность режима и его вождей, более 70 лет правивших крупнейшей страной мира.

Наверное, даже в Европе, благоговейно чтущей старину, не много найдется таких стран, где, как в Омане, сохранение памятников прошлого и забота об окружающей среде возведены в ранг государственной политики. На сегодня отреставрированы почти все сооружения, представляющие интерес с архитектурной или исторической точки зрения. В султанате сохранилось более 500 фортов, сотни мечетей, дворцы и общественные здания, построенные в минувшие века.

Но не только консервация старых зданий позволяет стране сохранить черты архитектурной самобытности. Безукоризненный вкус султана лежит на всех городах, могущих служить лицом современного Омана. Архитектура развивается исключительно в русле национальных традиций. И Маскату, и Салале, и Сохару, и Низве, и другим жизненным центрам страны удалось избежать налета американизма, словно наваждение сопровождающего вторжение современной цивилизации в страны Третьего мира, оставившего свой отпечаток даже на облике старинных европейских столиц.

В одном из интервью, касаясь своих архитектурных вкусов, султан сказал: «Мне особенно не нравятся здания из стекла... Но, конечно, мы не вмешиваемся во внутреннее убранство» («Figaro magazine» 30th April 1994). Власти страны не дают разрешения на новое строительство, в том числе и частное, пока проект не согласован с архитектурной службой, следящей за сохранением традиционного облика городов.

Конечно, и размеры возводимых зданий, и строительные приемы, и технология сегодня не те, что раньше. Но эстетические принципы сохраняются – как в старину, каждый дом украшен резной дверью, окна закрывают узорные деревянные решетки.

Наверное, мало на свете стран, архитектурный облик которых в такой степени определен вкусом правителя. Можно сказать, что все, построенное и отреставрированное здесь после 1970 года – это памятник султану. Образно говоря, каждый камень, положенный в стену дома, свидетельствует о той ни с чем не сравнимой роли, которую сыграл в судьбе Отечества этот человек.

Древняя крепость Бахлы, останки доисторических некрополей Бата и Аль-Аина, сооруженные неведомыми народами – тоже предмет попечения государства. Созданы охранные зоны вокруг этих памятников истории. Ведутся раскопки древних городов – в пустыне Дофара открыт тот, который стал прообразом «многоколонного Ирама», упомянутого в Коране. Освобождены от вековых напластований портовое селение Хор Рури близ Таки, городище Аль-Балид в Салале.

Благоговение перед прошлым выражается не только в сбережении его памятников. И то, что создается сегодня, часто служит для возвеличения памяти о великих страницах истории. Построенная суперсовременная морская база в Вудаме получила имя Саида бин Султана. Новейшие боевые корабли называются в честь судов, покрывших себя славой в морских битвах минувших веков. Гвардия гордо носит традиционную одежду, хотя вместо мечей и гладкоствольных ружей вооружена автоматами и пулеметами.

В процессе преобразования страны возникает не только угроза памятникам и историческому облику городов. Сама природа значительно страдает в результате воздействия на нее современных технологий. Если Батина веками была житницей страны благодаря значительным запасам пресной воды, то сегодня будущее плодородных земель региона внушает тревогу. Там, где раньше для орошения использовались фаладжи и колодцы, после 1970 года начали бурить сотни и тысячи артезианских скважин,

чуть ли не у каждого земледельца появились электрические насосы. Водный баланс был нарушен, началось засоление почв. Сегодня приходится отвлекать значительные средства для борьбы с этой бедой.

Султан очень обеспокоен такими последствиями неразумного природопользования. Выступая на всемирной конференции по окружающей среде и развитию в Бразилиа (июнь 1992), он заявил: «Мы должны положить предел случайным действиям и охранять то, что осталось от наших пастбищ и водных ресурсов от наступления пустыни и засухи».

На встречах с людьми султаната монарх постоянно призывает подданных к самодисциплине в вопросах использования природы. Во время поездки по Дофару в январе 1995 года он говорил: «Важно сохранить окружающую среду и избежать увлечения пастбищами, потому что если травы не растут для производства семян, они погибнут. Мы видели, как хорошо растет трава в огороженных зонах. Давайте извлечем пользу из гор, которыми Господь одарил наш район, и защитим их флору. У владельцев домашнего скота будет меньше необходимости использовать их, поскольку существует план перенести кормовые фермы из долин Салалы на другую сторону гор».

После столетий безжалостного потребительского отношения к природе, в результате чего обеднел уникальный животный мир Омана, султан полностью запретил охоту (1973) и другие промыслы, наносящие урон природной среде. Оман стал первой арабской страной, где было учреждено Министерство по делам окружающей среды (1983).

Хотя в 70-е годы страна еще далеко не достигла тех целей социально-экономического развития, которые были поставлены монархом, уже тогда были выделены значительные средства на

возрождение фауны. Получили покой и защиту птицы, зимующие в Омани – розовые фламинго, гуси, многие виды уток.

Впервые за много веков не боялся выстрела горные козлы – тары, ставшие редчайшим видом млекопитающих. Особенно много было сделано для восстановления популяции газелей пустыни – белых ориксов, когда-то служивших символами Аравии, и для охраны гигантских морских черепах, обитающих у океанского побережья султаната.

Судьба белых ориксов сложилась драматично. Когда-то по всем пустыням огромного полуострова обитали небольшие табуны газелей. Когда бедуины передвигались на верблюдах и были вооружены обыкновенными гладкоствольными ружьями, охота не наносила непоправимого урона популяции животных. Положение резко изменилось с распространением дальнобойных винтовок и особенно с появлением вездеходов. В 1972 году в пустыне Джеддет аль-Харазис была убита последняя дикая газель.

Спустя два года султан Кабус принял решение возродить ориксов. При содействии ряда аравийских монархов, йеменских племен манахиль и махра, лондонского зоопарка удалось найти 9 животных. Их доставили в американский штат Аризона, где климат схож с аравийским. Там ориксы дали первое потомство.

В 1980 году в международном аэропорту Сиб приземлился самолет с 5 молодыми газелями. Затем они были перевезены в то самое место, где диких ориксов видели в последний раз - на территории, находящейся под контролем племени харазис. Султан договорился с шейхами, что племя возьмет газелей под защиту. Выпущенные в загон площадью 1000 кв. метров, животные прошли акклиматизацию. Вскоре к ним присоединились еще две группы молодых особей, доставленных из Америки. Специальным декретом султана был учрежден заповедник Jaaluni, в котором проводилась работа по воспроизводству газелей: поначалу их

подкармливали люцерной и сеном, подвозили воду. Только после завершения первой стадии «Операции Орикс» выращенные в неволе животные в 1982 году вновь были выпущены в естественную среду обитания. Сегодня их популяция составляет более трех сотен; этих стремительных грациозных обитателей пустыни можно увидеть во многих местностях Омана.

Большие зеленые черепахи не были в такой опасности, как ориксы. Но и их популяции угрожали браконьеры, а еще большую угрозу представляли сборщики яиц. Еще в июне 1977 года было объявлено об амбициозном природоохранном проекте султана, предусматривавшем защиту уникальных морских обитателей. У мыса Рас эль-Хадд был создан заповедник, в котором обеспечиваются идеальные условия воспроизводства огромных пресмыкающихся.

Чтобы посмотреть, как черепахи выходят на берег для кладки яиц, надо занять место на песчаном пляже, указанное сотрудником природоохранной службы, и, стараясь не двигаться и не шуметь, в полной темноте ждать, когда очередная океанская волна оставит на песке овальный панцирь, издав издав похожий на воинскую каску.

Медленно, осторожно черепаха ползет от воды, оставляя за собой широкую борозду, смахивающую на след тракторной гусеницы. Полная луна стоит в зените, не в силах затмить яркую звезду, словно привязанную к светилу невидимой нитью. Глухо и таинственно океанские валы рокочут на пустынном берегу. Как не напрягай взгляд, не заметишь, когда возникают из пены мокро блестящие под лунным светом пришельцы из глубин.

А в двух десятках метров от воды орудуют лапами все новые и новые черепахи, поднимая фонтанчики песка – они зарываются, чтобы отложить по сотне яиц. Эти огромные флегматичные существа живут до четырехсот лет, наверное, есть среди них и те, кто точно так же бесшумно выныривал из океанской

пучины в те времена, когда в этих краях хозяйничали португальцы, когда восходила и закатилась звезда династии Йаруба. Безотчетное волнение охватывает тебя, когда видишь существо, жившее во дни имама Ахмеда, давшего начало великой династии, возродившей Оман и сохранившей его независимым на все времена. Пусть эта бессловесная тварь не может рассказать о протекших столетиях; приложив ладонь к твердому прохладному панцирю, словно бы прикасаешься к живой истории.

Провожая глазами гигантское пресмыкающееся, исчезающее в волнах, думаешь и том, что за все прожитые им века оно и его потомство никогда не чувствовали себя в такой безопасности, как сегодня...

Оманский монарх неоднократно подчеркивал в своих выступлениях, что дело охраны окружающей среды не может быть узко национальным. Только широкое международное сотрудничество может привести к оздоровлению экологической обстановки в мире. Выражением этой позиции стало учреждение международной премии султана Кабуса за охрану природы (1989). В 1991 году эту награду в размере 20 тысяч долларов и медаль лауреата получила мексиканский научный центр.

В 1993 году был награжден чешский ученый. В 1995 году премию получила природоохранная организация из Малави. В 1997 году награду разделили Александрийский университет и ланкийское агентство по охране лесов. В 1999 премии удостоился дарвиновский заповедник на островах Галапагос. Партнерство в вопросах экологии стало логичным продолжением многообразных международных инициатив Омана, направленных на формирование климата доверия между всеми странами и народами.

ПЕРЕД ЛИЦОМ БУДУЩЕГО

Государственный аппарат, который достался в наследство султану Кабусу, был главным тормозом преобразований. Даже при наличии средств на развитие, нельзя было реализовать ни один проект, не имея необходимых административных механизмов. Зная, как работает система правительственных и муниципальных органов в Европе, молодой султан понимал, что вертикаль власти в Омане должна строиться на других, традиционных основах, но с учетом опыта передовых государств. Однако, на всю страну в 1970 году имелось лишь 1750 государственных служащих. Даже сформировать новые министерства было большой проблемой, не говоря уже о низовых органах управления. Прошло несколько месяцев после июльских событий, прежде чем удалось сформировать правительство.

До этого момента вопросами оперативного управления занимался Временный Консультативный Совет, в который вошли люди, пользовавшиеся доверием султана. Совет сыграл определенную роль в период фактического безвластия, но не успел ничего сделать для реализации планов экономического развития. Его функции перешли частью к правительству, частью к специальным органам, перед которыми ставились задачи координации проектов развития. Однако из-за того, что философия реформ находилась в зачаточной стадии, и деятельность различных советов по развитию оказалась недолговечной. Вскоре после формирования правительства был создан Комитет по тендерам. В марте 1972 года его функции были переданы вновь созданному Временному Совету Планирования, который просуществовал лишь полгода.

В сентябре того же года появился Высший Совет Планирования Экономического Развития. Но и эта организация оказалась малоэффективна, и в апреле 1973 ее сменила

Генеральная Организация Развития, срок жизни которой также оказался недолгим (до конца года).

Наследником всех названных органов стало Министерство Развития, в свою очередь претерпевшее реорганизацию меньше чем через год. Одновременно в конце 1974 года султан создал Финансовый совет и Совет по Развитию. Все эти перетряски свидетельствовали, как непросто создать эффективно работающие структуры на пустом месте. И все же, несмотря на громадные трудности – дефицит управленческих кадров, отсутствие инфраструктуры и необходимость отвлекать силы на войну – уже первые годы становления нового политического и экономического механизма дали первые всходы.

Султан считал необходимым вовлечь народ в работу по обновлению страны. Но при этом с самого начала считал, что традиционная система правления, опиравшаяся на племенную структуру, не должна быть подвергнута полному слому. В будущее надо взять все ценное из прошлого, таково было его мнение.

Поэтому уже в своем радиообращении 9 августа 1970 года, посвященном важнейшим вопросам жизни страны, Кабус бин Саид пообещал помощь шейхам со стороны государства. Что касается монархии как политического института, то у султана не возникало сомнений в ее необходимости для страны. Напротив, всемерное укрепление самодержавной формы правления, придание ей гибкости и эффективности могло гарантировать Оман от потрясений. Собственно, во имя этих целей и было принято решение об отстранении Саида бин Теймура от власти.

Во имя сохранения преемственности прошлого и будущего велась тяжелая многолетняя война в Дофаре. Самая древняя из аравийских династий, имевшая опыт управления в различных исторических условиях, несла ответственность не только перед живущим поколением, но и перед всеми теми, кто строил Оман и

отстаивал его от внешних врагов. Вряд ли они одобрили бы перетряску родной страны по чужеземным рецептам. Султан Кабус остро чувствовал это, хотя лучше других знал сильные стороны западной цивилизации.

Много лет спустя он скажет о своем понимании миссии наследственного правителя: «Роль монарха в нашем меняющемся мире состоит в том, что он ведет за собой, к нему должны обращаться и на него ссылаться. Он должен играть роль судьбы, предлагать в общих чертах политические решения, которые претворяются в жизнь правительством и одобряются представителями народа» («Figaro Magazine», 30 апреля 1994).

В любом обществе, проходящем через период глубоких изменений, существуют различные мнения относительно содержания и темпа реформ. Если побеждает точка зрения радикалов, то экономические преобразования совершаются одновременно с политическими и социальными. Если берут верх сторонники осторожного, осмотрительного сценария, то основные усилия направляются в сферу экономики, а социальные изменения допускаются лишь после создания определенного базиса.

Либерализация в политике, не подкреплённая серьёзными достижениями в экономике, обычно вызывала быструю деградацию государства и приводила к социальной революции. Так было в конце 18 века во Франции и в начале 20 века в России. Утратив драгоценный инструмент – самодержавие – реформаторы лишались возможности воздействовать на события и становились заложниками быстро меняющихся обстоятельств. Но история знает и иные сценарии социальных переворотов. Некоторые монархи, одержимые идеей быстрого прогресса, сами играли роль революционеров. Таковы были Петр Великий в России и шах Мухаммед Реза Пехлеви в Иране. Оба поставили задачу в кратчайшие сроки догнать европейские страны, оба считали, что

главным препятствием на пути к этому являются косность и консерватизм народа.

Поэтому вмешательство государства во все сферы жизни людей становилось назойливым и обременительным, зачастую даже вековые обычаи и нравственность попирались во имя того, что верховному властителю виделось прогрессивным. По приказу Петра брили бороды русской аристократии (что считалось величайшим позором в старой Руси) и заставляли девиц из благородных семейств танцевать на ассамблеях.

Лидер «белой революции», иранский шах, распорядился закупить за рубежом, в том числе в Советском Союзе, множество пивоваренных и ликеро-водочных заводов, и поощрял проникновение европейских мод в страну. Ему льстило, когда Иран уподобляли «стране южной Европы».

Очень часто словесный максимализм перерастает в политический экстремизм с такими его атрибутами, как заговоры и террор. Людям нужно было занять конкретной работой. Не дискуссии о путях прогресса нужны были Омани, а каждодневные дела.

Султан Кабус прекрасно помнил, как сам начал осознавать несовершенство жизни в султанате, как начали вызревать у него планы реформ. Глубоко изучив историю как собственного отечества, так и других стран, он пришел к выводу, что любое общество проходит через взлеты и падения. Поэтому у него была уверенность в том, что отсталость Омана – временное явление.

Главным инструментом проведения неотложных преобразований было правительство. На первом этапе, когда создавались структуры управления, энергия и авторитет Тарика бин Теймура сыграли известную роль. После отставки сейида Тарика в декабре 1971 года монарх оставил за собой посты главы правительства, министра иностранных дел, обороны и финансов.

Таким образом, он принял на себя всю полноту ответственности за успех или неуспех преобразований. Это был мужественный шаг, ибо трудностей на пути реформатора было очень много. Когда они уже остались позади, султан так определил суть того ответственного периода: «Главные трудности, с которыми я столкнулся в дополнение к тяжелому военному положению на юге нашей страны были жизненно важные и широко распространенные потребности, окружавшие меня со всех сторон. Но в определенном смысле нам повезло, что Оман стал развиваться позже, чем многие другие страны в мире, и в частности, в этом регионе, так что мы могли учиться на ошибках других и использовать наши финансовые ресурсы наилучшим образом.

Мне радостно думать, что мы преуспели в этом. Конечно, ошибки были, они были неизбежны в той программе, ограниченной в средствах, которая осуществлялась во многих областях развития, но они быстро исправлялись – по мере того, как мы набирались опыта, и доходы от нефти текли все более широким потоком» (Leaders, Oct-Dec 1995).

Правительство развивалось вместе с усложнением задач, встававших перед страной. Если осенью 1970 года было создано несколько министерств с довольно размытой компетенцией, то уже через несколько лет границы ответственности каждого из них обрели отчетливость и неизменность, что благотворно сказалось на эффективности управления. По мере достижения страной рубежей, намеченных политическим руководством, возникали новые задачи, появлялись и новые министерства с точно очерченным кругом обязанностей.

Так в последние годы сформированы министерства Местного самоуправления и охраны окружающей среды, Юстиции, Гражданских служб, вызванные к жизни усложнением структуры общества и новым пониманием проблем развития. В настоящее

время правительство Омана состоит из трех десятков опытных руководителей, которые обладают очень значительными полномочиями по принятию оперативных решений. Каждый из министров ответствен непосредственно перед монархом. Они занимают свои посты по многу лет и смена их – явление нечастое. Это свидетельство того, что правительство - это сработавшаяся команда, что султан умеет подбирать людей. Но это не говорит о его нетребовательности.

Не только профессиональные промахи, но и нарушения служебной этики влекут самые серьезные последствия для самых высоких должностных лиц. Закон это закон, считает султан Кабус, и не может быть лиц в государстве, кто ставит себя выше него. Сам он старается быть примером в этом отношении. В Омане не может быть привилегий для сильных мира сего даже при движении по дорогам. Когда монарх ведет автомобиль, он терпеливо ждет у каждого светофора, пока загорится разрешающий сигнал. Привычный для Москвы кортеж с ревущими сиренами и мигалками, оттесняющий к обочине участников движения, явление неизвестное в султанате...

Бурный рост страны во всех сферах вызвал увеличение числа государственных служащих. За семь лет после начала реформ этот слой оманского общества стал вдесятеро многочисленнее (17 тысяч), а к нынешнему дню вырос еще в несколько раз. Не только административные структуры, но и народное достояние султаната управляется сегодня армией чиновников – это тысячи школ, медицинских заведений, объектов культуры и промышленности. Над всяким учреждением, являющимся собственностью государства, развивается трехцветный флаг.

Когда султан Кабус делал первые шаги по созданию современных управленческих структур, система управления в

вилаятах была оставлена без существенных изменений. Оно осуществлялось через вали, которые в свою очередь опирались на шейхов племен. В дальнейшем султан Кабус вносил изменения в практику формирования низовых органов власти, но бережно сохранял ее основы. Если в прежние времена главы администрации в вилайетах назначались непосредственно султаном, то теперь это делается по представлению министерства внутренних дел.

Нынешний министр сейид Али бин Хамуд аль-Бусаиди разъяснил некоторые черты деятельности глав местных администраций: «Вали возглавляет правительственные учреждения в вилайете. Очень часто он выступает как арбитр, если может решить миром спор между двумя конфликтующими сторонами, если же вопрос не удастся решить миром, он передается или в суд, или в полицию, или в муниципалитет, к ведению которого он относится. Вали часто получает просьбы от шейхов племен, которые выражают интересы граждан (это касается сферы услуг и других проблем), передает их в соответствующие организации или в министерства, занимается решением вопроса, например, на уровне заместителя министра или министра, а затем контролирует выполнение распоряжений на местном уровне.

Что касается представительств министерств (по вопросам здравоохранения, развития и т.д.) на местах, то, как правило, вали возглавляет эти органы. Роль вали заключается и в том, что он работает с шейхами, разъясняет им особенности планов правительства».

Та племенная вольница, которая много веков была источником нестабильности, особенно во Внутреннем Омане, постепенно уходит в прошлое. Современное государство, располагающее аппаратом управления, способное обеспечить

порядок и законность, организовать сбор налогов и функционирование социально значимых структур сузило сферу влияния многих традиционных институтов.

Но никогда султан Кабус не форсировал модернизацию в деликатной области племенного строя. Напротив, авторитет и опыт вождей были востребованы оманским государством на этапе коренных преобразований. Некоторые стороны деятельности шейхов раскрывает министр внутренних дел: «В начале 70-х годов у нас не было ни удостоверений личности граждан, ни свидетельств о рождении, ни каких-либо других документов, подтверждающих их личность.

Только шейх племени мог предоставить информацию о времени рождения, о происхождении человека. Начиная с 1970 года султан настаивал, чтобы у каждого оманского гражданина был документ, подтверждающий его национальную принадлежность. Поэтому шейхи совместно с вали проделали большую работу - они могли подтвердить личность каждого конкретного человека.

Важная роль шейхов заключается в том, что они работают в непосредственном контакте с вали, особое значение это имеет для менее развитых районов Омана, где пока недостаточно организовано решение бытовых вопросов и предоставление услуг, дорожное строительство, здравоохранение и образование. В некоторых случаях шейх племени выступает посредником при разрешении конфликта до того как он будет передан на суд вали».

Стиль правления султана Кабуса очень ярко раскрывается на этих примерах. В отличие от многих и многих реформаторов в других странах он всегда стремился раскрыть созидательный потенциал традиционных структур, уходящих корнями в далекое прошлое.

Кабус бин Саид прекратил существовавшую веками практику формирования властных структур за счет верхушки племен; теперь

каждый оманец имеет равные возможности для карьеры. Но шейхи не стали в оппозицию, ибо их реальная власть над соплеменниками вполне безболезненно трансформировалась в иные формы – ныне их нравственный авторитет служит опорой нововведений, проводимых султаном. Племена Омана (около 200 наиболее крупных) издавна обладали своеобразной системой социальной помощи – около 10% их численного состава составляли незамужние женщины (больные, вдовы и разведенные), которые согласно исламским обычаям не могли самостоятельно зарабатывать на пропитание и содержались за счет общины. Помощь оказывалась также инвалидам и слабым членам племени. Эти высокие нравственные традиции бережно сохранены и их ответ лежит на всех решениях монарха по социальным вопросам.

Когда на заре оманского Ренессанса рождались планы реформ, одним из самых больших препятствий на пути модернизации оказалось полное отсутствие современного законодательства, без которого невозможно было обеспечить нормальное функционирование государства и реализацию проектов развития. Первые правовые акты появились в Омане одновременно с формированием правительства. Они вводились в действие либо декретами султана, либо декретами совета министров. К числу их относится, например, принятый в 1972 году Закон о гражданстве.

В течение четверти века в султанате было принято множество законов и кодексов, определяющих отношения в экономической и социальной сфере. И хотя источником права по-прежнему является шариат, арбитраж в области бизнеса осуществляется Комитетом по Урегулированию Коммерческих Споров. А завершением создания правовой системы современного Омана стало издание Основного Закона.

В речи по случаю Национального Дня, произнесенной в Суре 18 ноября 1996 г., Кабус бин Саид заявил: «Венчая усилия четвертьвековой плодотворной работы, мы выпустили Основной Закон страны, который является квинтэссенцией опыта последних лет».

Конституция, дарованная султаном, определяет основные принципы, лежащие в основе политики государства, а также систему формирования институтов власти. Впервые в истории страны обозначены prerogatives султана, механизмы функционирования монархии и передачи власти. Деятельность верховного правителя стала предметом правового регулирования, зафиксированы его обязанности перед страной.

Декларированы права и свободы граждан как на личную неприкосновенность и владение собственностью, так и на выражение своих мнений всеми законными способами; каждому обеспечивается религиозная свобода и возможность создания организаций и ассоциаций или участия в них. Не будет преувеличением сказать, что этот документ станет краеугольным камнем, на котором будут зиждиться оманское общество и государство.

Султан Кабус выбрал удачный момент для введения конституции, что свидетельствует о тщательном продумывании этого шага и сопоставлении его с опытом других монархий. В отличие от большинства аналогичных законодательных актов, Основной Закон Омана родился не в результате соперничества социальных сил, а в момент национального подъема, когда в обществе торжествует согласие по всем принципиальным вопросам. В России борьба за и против конституции разделила общество, и то, что царь согласился издать ее в момент политического конфликта, способствовало дальнейшему обострению противостояния. В современном Омане ситуация

диаметрально противоположная – здесь появление Основного Закона играет консолидирующую роль.

Конституция, закрепившая существующую модель государства, не ослабляет, а усиливает монархию, так как выводит этот институт из области традиции и обычного права и придает ему значение государствообразующей структуры.

Султан Кабус стремится свести на нет элементы случайности и вводит историю своей страны в русло предопределения. Он смотрит далеко вперед, сверяя свой курс с хорошо ему ведомыми событиями прошлого.

Вскоре после опубликования конституции султан издал декрет об образовании Совета Оборона. Возглавляет Совет сам монарх, а его членами являются министр дворцового ведомства, главный инспектор полиции и таможни, начальник штаба SAF, командующие родов войск и глава службы безопасности. Помимо исполнения функций, обозначенных в названии, Совет призван играть роль стабилизирующей силы в период передачи власти.

Самый блестящий реформатор в истории династии Саид бин Султан в годы строительства империи опирался не только на институты абсолютной монархии. Он стремился к упрочению власти путем расширения ее социальной базы. Созданный им Султанский Совет (султани) включал представителей разных сословий.

Другой султан, правивший в трудную эпоху, когда Оман вынужден был приспособливаться к новой расстановке сил в мире – Турки бин Саид – также много времени уделял встречам с людьми племен, старался всегда быть в курсе их настроений. Дед Кабуса бин Саида предпринимал долгие поездки по стране, во время которых занимался разбором споров, выслушивал мнения религиозных авторитетов и шейхов.

Опыт Теймура бин Фейсала казался наиболее близким молодому монарху, искавшему эффективный механизм обратной связи с народом. Он слишком хорошо знал историю своей страны и любил ее традиции, чтобы последовать советам тех, кто видел в западном парламентаризме идеальную модель политического устройства. В конце концов, он задумывал реформы не для того, чтобы снискать похвалу в Лондоне или Париже, а ради улучшения быта собственного народа, который много столетий прожил в условиях племенной демократии. Кабус бин Саид нашел другой путь – его парламентом стала вся страна.

После первой недолгой поездки по внутренним областям Омана, султан преисполнился решимости как можно лучше узнать все регионы, лично познакомиться с наиболее авторитетными людьми и услышать, в чем нуждаются люди.

Если, взойдя на трон, сейид Кабус почти не путешествовал по собственной стране, то уже через несколько лет он стал одним из самых информированных людей Омана. Долгие многонедельные поездки (например, в 1996 году тур продолжался с 14 октября по 25 ноября) приобрели со временем характер ритуала, стали своего рода сессиями большого совета с народом. Зная, что при самодержавной форме правления реальной властью обладают те, кто имеют доступ к правителю, султан решил наполнить это положение демократическим смыслом. Если отец его, многие годы не покидавший дворца в Салале, был живой иллюстрацией этой истины, то сейид Кабус сделал все, чтобы стать правителем, доступным народу.

Методично объезжая регион за регионом, принимая во время своих встреч с людьми бесчисленное множество прошений и предложений, султан формировал конкретные задания для министерств и местных властей. Через несколько лет маршруты повторялись, и Кабус бин Саид лично осуществлял проверку

проделанной работы. Таким образом, чиновничество стало не изолирующей прослойкой между монархом и его подданными, а превратилось как бы в объект контроля и сверху и снизу.

Теперь султан с полным основанием говорит: «Эти встречи с моим народом имеют для меня огромное значение. В традициях нашей страны давать возможность каждому оманцу встречаться со своим султаном непосредственно». («Figaro Magazine», 30 апреля 1994) ...

За тридцать лет пребывания султана у власти сложилась своеобразная драматургия ежегодных туров по стране. Как всякое действие это праздник для всех, кто вовлечен в него. Импровизированные триумфальные арки, украшенные портретами монарха и знаменами, встречают огромный кортеж автомобилей, который движется по шоссе.

За рулем одного из Range Rover'ов сидит султан Кабус. Вереницы мужчин в белых дишдашах стоят по обочинам, приветственно воздевая руки, дети целыми классами выходят из школ, чтобы приветствовать царственного гостя. То и дело из толпы выбегают женщины, чтобы осыпать султанский автомобиль лепестками роз. Монарх время от времени на несколько секунд отнимает руки от руля и приветствует встречающих его людей. На протяжении долгого пути никто не сменяет его за рулем. Когда что-то привлекает внимание султана, он останавливает автомобиль, выходит на дорогу и вступает в разговор с подданными. Заезжает в деревни и барасты бедуинов, осматривает объекты развития.

В стороне от селений посреди пустыни или в предгорье, поросшем редкими акациями, для султана и его свиты заранее разбивается палаточный лагерь. Размещенная неподалеку мобильная воинская часть отвечает за охрану временной резиденции главы государства. Поодаль под деревьями, спасаясь от лучей солнца, целыми днями сидят группы людей – кто-то

надеется увидеть султана во время выезда, кто-то намерен передать петицию.

В назначенный день, обычно к вечеру, к лагерю съезжаются сотни автомобилей. Самые уважаемые люди окрестных городов и деревень, вооруженные автоматами, с *массарами* (тонкими тросточками) в руках степенно идут к большому плацу, заставленному скамьями. Пока ждут султана, вполголоса обсуждают местные новости и политические события.

Когда прибывает Его Величество, все приветствуют его. Следует церемония представления, во время которой монарху приходится пожать бесчисленное число рук и принять множество конвертов с прошениями. После этого султан обращается с речью к собравшимся. Это не ритуальное выступление с трибуны, а скорее размышление вслух, рассказ в кругу друзей о том, что задумано сделать, что не удалось, что тревожит власть.

Монарх просит у людей совета, и это действительно его насущная потребность – многие его решения и декреты родились после встреч в народном парламенте.

Вечереет. Небесная синева быстро густеет, прорезаются звезды. Лишь там, куда скрылось солнце, еще пламенеют краски заката. Черные силуэты птиц проносятся на фоне розово-золотого сияния. Словно и они спешат услышать неспешный мужественный голос властелина этой земли.

Наступает черед людей донести до монарха свои думы и мнения. И опять-таки форма этого обсуждения совсем не похожа на те, что практикуются на разного рода западных форумах. Султан сидит на скамье, опершись руками на *массар*, а чуть поодаль по сторонам от него располагаются высшие сановники государства. Все в *дишдашах*, *отрах* из кашемировых платков, с *ханджарами* на поясе. В руках автоматы. Так же вооружены почти все участники собрания.

На скамью напротив султана один за одним садятся прибывшие на встречу. Говорят по несколько минут. Султан внимательно слушает, лишь изредка переспрашивая или прося осветить вопрос подробнее. Случается, он подзывает кого-то из помощников или министров и просит продолжить обсуждение идеи, привлекшей его внимание. Бывает, собеседники вручают монарху целые трактаты, подготовленные заранее.

Встреча завершается выступлениями местных поэтов, читающих оды султану или повествующих о достижениях родного края. А может последовать небольшое праздничное действо: зазвучат флейты, зарокочут барабаны, мужчины заведут воинственную песнь, пришедшую из далеких-далеких времен. В неверном свете костров блеснут клинки, и танцоры начнут совершать яростные прыжки, размахивая мечами...

В ходе поездки по стране султан обычно посещает три провинции из восьми. Он останавливается в нескольких лагерях и проводит в каждом из них одну-две недели. В этот период сопровождающие его министры и высшие сановники объезжают окрестные селения и стоянки кочевников, расспрашивают людей об их нуждах, и на месте принимают необходимые решения. По результатам подобных обсуждений составляются планы работы министерств в Маскате и их местных учреждений.

Однако, несмотря на исключительную плодотворность такой формы поддержания контакта с народом, ежегодные туры по стране не стали заменой постоянно действующего народного представительства. Султан, высказавший в первые дни после своего вступления на престол намерение развивать демократические начала власти, не собирался отступать от своего обещания. Как только закончился многолетний конфликт в Дофаре, Кабус бин Саид начал обдумывать механизм функционирования ассамблеи, подобной султани. Позднее в одном из своих интервью

султан определил значение представительных учреждений: «Конечно, народное представительство способствует национальной стабильности. Не дать народу голос для решения своей участи, рассматривать людей как роботов, которые годятся только на то, чтобы ими управлять, не спрашивая их мнения - верный путь к беде. Это никогда не было оманским путем, и я хочу всячески уверить мой народ в том, что народное представительство будет в дальнейшем развиваться на его благо, на благо страны» («Middle East Insight» ноябрь-декабрь 1995).

На первом этапе планировалось создание периодически созываемого органа, формируемого путем назначения главой государства. В 1981 году султан издал декрет об учреждении Государственного Консультативного Совета (Маджлис аль-Истишари), 17 членов которого представляли вилайеты, 17 были государственными чиновниками, а 11 были представителями частного сектора экономики.

3 ноября того же года члены новой государственной структуры собрались во дворце Аль-Алам на свое первое торжественное заседание. В своей речи перед ними монарх сформулировал задачи Совета: «В то время как мы доверяем вашему совету обязанность высказывать свое мнение и пожелания, он также должен стать теми рамками, в которых будут развиваться совместные усилия правительства и общественного сектора для изучения целей и размаха наших планов развития, приоритетов различных проектов и препятствий, которые стоят на пути выполнения этих планов, а также приемлемых решений. По этой причине мы хотим, чтобы и правительство, и общественный сектор были бы представлены в этом Совете – это будет представительство, в котором общественный сектор будет иметь большинство членов, которые будут представлять различные районы с тем, чтобы привести Совет к той благородной цели,

которая была установлена, то есть принятие во внимание нужд и пожеланий граждан в формировании нашей национальной политики в экономической и социальной областях, и с тем, чтобы Совет стал также живым полем взаимодействия и взаимосвязи мнений его членов и полной кооперации между правительством и гражданами в исполнении долга и обязательств текущей фазы развития».

Состав ГКС обновлялся каждые два года. Его члены совершали много поездок по стране, встречались с вали и представителями населения – эта деятельность позволяла дать объективный анализ действий правительства, оценить эффективность программ развития. К тому же, Совет стал своего рода школой социальной активности для подданных султана Кабуса. Ибо со временем сессии ГКС стало транслировать телевидение, и таким образом каждый получил возможность следить за ходом дискуссий.

В 1991 году на смену Консультативному совету пришел Совецательный Совет (Маджлис аш-Шура). Смена названия представительного органа означала коренные изменения как в порядке его формирования, так и в сфере компетенции. В основу ее деятельности был положен исламский принцип шура²⁴.

²⁴ «Исламский принцип шура означает участие каждого в управлении делами государства. Он отмечен в Коране. Этот принцип не имеет точного определения в исламе и может быть истолкован весьма широко. Как правило, в процессе шуры участвуют самые влиятельные и авторитетные члены общества, которые могут давать свои суждения по самым насущным вопросам жизни общества. Принцип шуры в Омане строится на этом понимании и, вместе с тем, мы гибко воспринимаем все новое и все изменения, которые касаются принципа шура. Мы открыты к восприятию нового опыта» – так сказал 26 декабря 1998 года в

Наиболее авторитетные люди султаната получили возможность голосовать за кандидатов в члены Совета.²⁵ Представители правительства больше не делегировались в его состав. Право окончательного утверждения кандидатов было оставлено за султаном – из четверых, избранных населением вилайета, он отбирал двоих. Число депутатов было расширено до 59 человек.

Совет стал инструментом помощи правительству в изучении проблем и выработке рекомендаций в области экономической и финансовой политики. Сессии Совета обычно созывались 4 раза в год и продолжались неделю.

Основная же работа проходила в постоянных органах, созданных депутатами. Для этой цели были образованы несколько

беседе с автором этой книги Президент Маджлис аш-Шура.

²⁵ Министр внутренних дел рассказал, что в состав выборщиков входили старейшины, интеллигенция, бизнесмены. «Право выбора также было предоставлено женщинам. Представители названных классов отражают структуру оманского общества. При составлении списков выборщиков исходили из того, что в крупных вилайетах число выборщиков не должно превышать 3 тысяч, а в небольших должно быть не менее 200. Группы выборщиков, согласно закону, составляются из расчета – один выборщик на 25 граждан вилайета, достигших 21-летнего возраста. В определенный законом день выборщики прибывают на избирательный участок и получают избирательные бюллетени. Перед голосованием кандидаты, которые выдвигаются в члены Маджлис аш-Шура, имеют возможность провести агитацию. После подсчета голосов кандидат, набравший наибольшее их число, представляется на утверждение султану, который выбирает из них наиболее достойных. В ходе последних выборов султан в большинстве случаев выбрал из 2-х кандидатов того, кто получил наибольшее число голосов».

комитетов, задачей которых стало рассмотрение законопроектов, представленных министерствами, прежде чем они обретут законную силу в виде указов султана. Для более полного информирования депутатов министры обязаны были отвечать на их запросы на заседаниях комитетов.²⁶

Через три года состоялись выборы Маджлис аш-Шура второго созыва. Их главной сенсацией стало то, что в состав

²⁶ Президент Маджлис аш-Шура так определил основные направления деятельности Совета: «Маджлис аш-Шура имеет полномочие выступать с инициативой изменения некоторых законов, действующих в настоящее время. Маджлис аш-Шура изучает социальное и экономическое положение страны и выступает с инициативами по этим вопросам. Маджлис аш-Шура имеет также полномочия давать рекомендации по самым важным вопросам развития оманского общества. Совет участвует в подготовке 5-летних планов развития страны. После разработки очередного такого плана в правительстве он передается в Маджлис аш-Шура, где поступает в экономический комитет, в который кооптируются представители всех постоянных комитетов Маджлис аш-Шура. Обсуждение этого проекта происходит при участии представителей правительства. После обсуждения и одобрения проект передается на утверждение султану. 5-летние планы готовятся в соответствии с географическим делением страны». Из слов президента Маджлис аш-Шура явствует, что описанные процедуры и предметы рассмотрения характерны для работы парламентов других стран, но своеобразие оманских органов народного представительства состоит в механизме их формирования и в объеме полномочий. И, конечно, в стиле работы депутатов с избирателями. Контакты между ними и обсуждение различных вопросов происходят чаще всего не в офисах, а на дому у парламентария за чашкой кофе. Что напоминает скорее собрания

палаты народных представителей впервые вошли 2 женщины. Количественный состав Совета также изменился до 80 человек в соответствии с результатами первой переписи населения, проведенной в Омане в декабре 1993 года.

Важнейшей вехой в жизни страны стал султанский декрет номер 101, изданный 6 ноября 1996 года, которым был введен в действие Основной Закон страны. В одном из своих интервью Кабус бин Саид рассказал об истории создания этого документа:

«Когда я подошел к своему серебряному юбилею, то сказал себе: Настало время!

Поэтому я собрал четырех человек из самых доверенных мне лиц – все они оманцы. Я сел с ними и сказал им именно то, что задумал. Я дал им год на то, чтобы выразить это в виде юридического документа. Затем мы повторно рассмотрели его и, наконец, состоялась заключительная встреча.

Я объявил его во время своей ежегодной поездки по стране, именуемой «встречей с народом», из лагеря, разбитого в пустыне, соплеменников в шатре у шейха. Тысячелетние демократические традиции Омана обогащают представление о народоправстве, сложившееся в мире. Они дают себя знать на каждом шагу в этой стране. Достаточно заглянуть в телефонную книгу, лежащую в любом гостиничном номере или в почтовом отделении, чтобы понять степень демократизма, явно отражающую вековые обычаи: приведены личные, домашние и мобильные телефоны всех высших должностных лиц страны и всех членов правящей семьи за исключением султана. И это действительные номера, по которым на ваш звонок отвечает не секретарь, не адъютант, а то лицо, которое обозначено в справочнике. Много ли найдется стран, где существует подобная открытость и доступность власть предержащих?

в самом центре Омана. Затем я подождал реакции, которая оказалась хорошей. Сейчас Основной Закон претворяется в жизнь через посредство законодательных актов и обязательных постановлений» («Foreign Affairs» № 3, 1997).

58 статья Основного Закона определила существование нового органа народного представительства – Совета Омана (Маджлис Оман). Маджлис аш-Шура стал первой из палат этого Совета, а второй палатой – вновь созданный Государственный Совет (Маджлис ад-Доула).

Маджлис аш-Шура третьего созыва, избранный в 1997 г., включил 82 депутата. Тогда же султаном был назначен 41 член Государственного Совета. Возглавить вторую палату монарх поручил бывшему президенту Государственного Консультативного Совета. Во время беседы с автором этой книги 22 декабря 1998 года Президент Маджлис ад-Доула определил круг полномочий второй палаты Совета Омана: «Создание Маджлис ад-Доула – это самый последний этап строительства системы государственных органов. Каждый из них выполнял свою роль на определенном этапе времени. И каждый государственный орган создавался только тогда, когда в нем возникала нужда. В 1970 году нам нужно было создать правительство, которого прежде не было, и мы создали его.

Затем нужен был орган, который будет оценивать результаты деятельности правительства, который будет помогать правительству. Наконец наступил этап, когда понадобился специализированный независимый орган, который даст оценку того, что было сделано за 30 лет, даст оценку позитивных и негативных результатов этого периода, чтобы использовать позитивные для будущего развития и избежать негативных последствий в будущем. Это этап строительства и самостроительства. Все, что, по мнению султана, нуждается в

оценке, анализе и проработке для того, чтобы строить свою дальнейшую работу на основе достигнутых результатов, будет становиться объектом рассмотрения. Все вопросы будут относиться к ведению Маджлис ад-Доула. В состав Совета вошли самые видные представители оманского общества, самые подготовленные, самые образованные. Эти люди работали во всех областях государственного строительства, были министрами, заместителями министров, послами, служили в армии и службе безопасности, внесли свой позитивный вклад в социальное и экономическое развитие. Они собраны здесь для того чтобы обеспечить плавный переход власти от одного поколения к другому. Полномочия Маджлис ад-Доула расширяются, он включает все более широкие задачи переходного этапа».

Так же как и первая палата Совета Омана, Маджлис ад-Доула имеет в своем составе пять женщин. Например, профессор университета и главный редактор женского журнала , которые наравне с мужчинами участвуют в обсуждении вопросов политической и экономической стратегии султаната. Ни в одной из арабских стран Залива участие женщин в руководстве страны не приобрело таких масштабов как в Омане.

Указами султана две женщины назначены генеральными секретарями министерств, много женщины служат в государственном и частном секторе экономики, они есть даже в авиации, в армии и полиции.

Монарх придает особое значение вовлечению женщин во все сферы деятельности, опираясь при этом на традиции ислама и оманские национальные обычаи.

Он говорит: «Пророк, хвала ему и да пребудет с ним мир, научил нас, какова должна быть роль женщины. Эта роль была очень важной в ранние дни Ислама» («Telegraph magazine» 12 августа 1995). Нигде в Коране нет положений, которые

оправдывали бы дискриминацию женщин. А история Омана дает много примеров видной роли женщин в обществе. Во времена династии Йаруба правила царица Шамса, прославившаяся своей мудростью.

Позднее, в годы борьбы Омана за независимость стала известна Асия бинт Хаймер, воевавшая наравне с мужчинами. Знаменитые женщины-факихи (знатоки религиозного права) Саида Наджия бинт Амир аль-Хаджи и Хадиджа бинт Саид аль-Кинди также остались в памяти благодарных потомков.

Кабус бин Саид со дня своего вступления на трон постоянно подчеркивает необходимость предоставления женщинам одинаковых возможностей для учебы и трудоустройства. Уже школы, открытые на начальном этапе реформ, позволили в равной степени получать образование мальчикам и девочкам. А сегодня в университете султана Кабуса девушки составляют более половины студентов.

В министерствах и муниципалитетах есть структуры, занимающиеся проблемами женщин, семьи, детства и материнства. В законодательстве страны отсутствуют какие-либо ограничения по признаку пола.

Задуманное султаном отражает его заботу о будущем страны и нации. Многие его декреты последних лет так или иначе являются плодом его раздумий над перспективами Омана. Его глубокие исторические познания подсказывают ему такие решения, которые исключат в будущем неожиданные повороты в ходе передачи власти.

Кабус бин Саид признает справедливость старого афоризма, гласящего, что история – наставница королей. А она преподала на примере Омана очень много горьких уроков. Наверное, мало кто из правящих сегодня глав государств так тщательно сверяет свои

шаги с событиями прошлого, как Кабус бин Саид. Память – это посох, нащупывающий дорогу в грядущее.

Именно поэтому в своей речи при открытии первого органа народного представительства 3 ноября 1981 г. он говорил: «...вся наша деятельность и опыт должны исходить из идеалов и традиций, преобладающих в нашем Исламском сообществе. Это потому, что человеческий опыт показал и показывает, что метод абстрактного подражания бесполезен, и что метод перепрыгивания через практическую реальность и объективные обстоятельства в любом обществе всегда приводит к большой опасности».

Создание Государственного Совета – это не только логический шаг в развитии представительных учреждений, но и оригинальный механизм для сглаживания возможного конфликта поколений. Не случайно он создан именно теперь, когда поколение деятелей, построивших новый Оман, подошло к тому возрастному рубежу, когда приходится думать о передаче своих полномочий следующей возрастной группе. Процесс этот редко проходит гладко.

Свежий пример дает история Советского Союза. Неспособность постаревшей политической элиты обеспечить плавный переход власти к более молодым деятелям привел к установлению «геронтократии». В течение трех лет один за другим скончались три лидера правящей коммунистической партии.

Пытаясь остановить процесс дряхления верхушки, тогдашняя элита вытолкнула на капитанский мостик провинциального партийного функционера Михаила Горбачева, который обладал скромной компетенцией в вопросах большой политики и за несколько лет привел империю к гибели. Подобная ситуация складывается временами и в странах с монархическими режимами.

Президент Маджлис ад-Доула поделился соображениями, лежащими в основе концепции передачи ответственности от

одного поколения к другому: «Кому теперь от 35 до 45 лет, начинают занимать руководящие позиции: все директора департаментов, все заместители министров, почти все министры, все члены Совета Омана, командование армии. После 2000 года те, кому более 75 лет, будут естественным путем освобождать место, их будет сменять поколение тех, кому сейчас 40-60, без каких-либо конфликтов, связанных с уходом от власти или попытками получить власть. Можно сравнить наше видение этой ситуации с точкой зрения человека, который стоит на берегу и наблюдает, как волны накатываются одна за другой. И нет такой волны, которая возвращается назад, и нет такой, которая не доходит до берега. Все происходит на основе реальных оценок, планирования и исследований. Если в обществе нет правильной философии, нет четкого руководства, строящегося на правильных принципах, имеют место самые негативные последствия.

И старое поколение не может передать свою власть новым поколениям, новые поколения, которые хотят больше власти и ответственности, если они эту власть не получают, готовы к социальным переворотам. Так гибнут цивилизации. Если старшие не готовы передать власть молодым, происходит смута. И ставятся под сомнение предшествующие достижения. Таким образом, развитие не достигнет своей цели...Султан в 1970 году говорил, что намерен создать современное правительство, которое будет зиждиться на государственных органах, развивающихся естественным путем и которое будет строиться на преемственности.

Об этом говорил султан и в день открытия Совета Омана год назад. Тогда он сказал: вы будете нести ответственность перед будущим. Он обращался к нам, тому поколению, которое занимается государственными делами с 1970 года. Самое главное, чтобы получать и отдавать власть правильно...

Посмотрите на те законы, которые принимались с 1990 года, исходя из требований перехода ответственности от одного поколения к другому, например, на закон о пенсиях.

В нем содержится принцип, которого нет ни в одном законе о пенсиях в мире. Тот человек, который прослужил государству 15 лет и возраст которого 55 лет, может получить раннюю пенсию. Это обеспечивает плавный переход ответственности от старшего поколения к младшему. Тот, кто отказался от своей власти, получает соответствующую компенсацию. И это реальная компенсация, она служит для того, чтобы подчеркнуть и поддержать эту философию.

Эта политика принесла очень хорошие результаты, поэтому все хотят, чтобы она продолжалась. Тот, кто принимает участие в передаче полномочий, лично делает такой выбор, после этого он не станет критиканствовать или что-то голословно заявлять».

На сегодня формирование системы государственных органов Омана можно считать завершенным. Это не значит, что она не претерпит изменений в будущем. Так, выборы 2000 года в Маджлис аш-Шура проводились не коллегией выборщиков, а на основе прямого голосования подданных султана. Таким образом, демократизация в стране носит характер долговременной стратегии, цель которой сделать структуру власти устойчивой, а народ – сопричастным делам управления. Этот глубоко органичный процесс, коренящийся в древней духовной арабомусульманской культуре, не вызывает опасений у султана.

Он говорит: «Соблюдение наших культурных и религиозных традиций глубоко внедрилось в жизнь нашей страны и народа, и они дают ему те установки, в рамках которых развивается его жизнь – и в смысле религиозных правил, и каждодневного существования. Много лет назад я сказал своему народу, что он должен быть готов принять блага современного мира, но

отвергнуть его дурные влияния, и как мне кажется, мы в этом преуспели» (“Tribuna” 26 января 1996).

Благом для Омана оказалось то, что во главе его стоял и стоит наследственный монарх, не ограниченный сроком своих полномочий. Такой тип власти обеспечил стране органичный переход в новую эпоху. Постепенность изменений политической системы потребовала терпения и выдержки не только со стороны общества, но и самого лидера.

Ведь очень многие политики, воодушевленные первыми успехами, начинают подстегивать «клячу истории». «У кого есть терпение ждать получает награду» – гласит оманская пословица.

Три десятилетия оманского Ренессанса прошли под знаком усложнения, обогащения всех составляющих общества: государственных структур, экономического механизма, культуры, науки и образования. С каждым годом разветвленное и совершеннее становится система здравоохранения, многообразнее и глубже делаются международные связи страны и ее граждан. Но все это не привело к социальному дроблению нации и возникновению классовых противоречий. Напротив, сегодня она как никогда едина. Проводимая Кабусом бин Саидом политика примирения уже в начале его правления выбила почву из-под ног тех, кто мечтал о насильственном переустройстве общества.

Мирная революция, осуществленная султаном, лишила их малейшей опоры в стране. Помилования и амнистии политических противников сделали то, чего не достигли бы самые суровые преследования. Разумеется, такая политика есть не только следствие трезвого расчета, но и отражение душевных качеств главы государства. В то же время, в деяниях современного монарха просматриваются исторические аллюзии – своим великодушием он очень напоминает имама Насира бин Муршида. Тот завоевал сердца современников, прощая побежденных врагов,

и сумел умиротворить истощенную гражданской войной страну, заложил фундамент ее будущего величия.

Трудно отделаться от мысли, что блестящий знаток истории Омана, каким является султан Кабус, сотворил свой личный идеал правителя, сотканный из черт наиболее значимых фигур прошлого. И сознательно или бессознательно следует этому идеалу.

Глава дворцового ведомства в ноябре 1999 года заявил представителям оманской прессы: «Милосердие это признак величия, и оно не должно считаться слабостью, так что амнистия, которую подписал Его Величество, отражает твердость государства и его солидарность. В султанате нет политических заключенных, но государство настороже в отношении тех, кто пытается нанести ущерб достижениям страны». Таким образом, милосердие - это не синоним мягкотелости, но великодушие, присущее воину. Вот отличие монархического мироощущения от вялого либерализма, шаг за шагом уступающего вседозволенности и пороку.

Слава Богу, завершается столетний период смут, когда колебались все троны и алтари. Многие из них не устояли под ударами сатанинской стихии, рядившейся в одежды справедливости и равенства. На руинах великих царств и культур воздвиглись храмы жестоких идолов, потребовавших миллионы жертв.

Но как гласит русская пословица «без праведника не стоит село». В масштабах человечества этими праведниками оказались народы, сумевшие сохранить высшее достижение культуры – историческую государственность. Как знать, не от этих ли немногих уцелевших древ вновь засеется и зашумит новой порослью истомленная земля?

В настоящее время на планете насчитывается около трех десятков монархий. 13 в Азии, 10 в Европе, 3 в Африке и 2 в

Океании. Причем к числу государств с таким образом правления принадлежат как крупнейшие державы, вступившие в постиндустриальную эру, так и страны, добившиеся значительных успехов в своем развитии за последние десятилетия. Отсталые страны составляют исключение - только гималайские (Непал, Бутан), южноафриканские (Лесото, Свазиленд) и полинезийские (Тонга, Соломоновы острова) королевства можно отнести к этой категории.

Если же учесть, что абсолютно независимые Австралия, Канада, Папуа-Новая Гвинея и др. главой государства считают английскую королеву, то монархический принцип правления и в пространственном выражении составит внушительную величину.

В ноябре 1999 года в Австралии прошел референдум по вопросу изменения формы правления на республиканскую. Большинство народа высказалось против. Одна из самых «простонародных» стран (ее население состоит из потомков каторжников и сезонных рабочих, и почти не имеет в своем составе отпрысков имперской элиты) предпочла остаться в подданстве королевы. В новое тысячелетие эта огромная динамично развивающаяся страна вступит под знаками короны и скипетра. И это может служить символом неисчерпаемости, неувядаемости монархической идеи. Тем закономернее вера в светлое грядущее стран, ведомых в наступающую эпоху венценосцами, которые плоть от плоти своих народов.

В самом начале XX века виднейший идеолог русского самодержавия Лев Тихомиров писал в своем труде «Монархическая государственность»: «...смысла исторического процесса нельзя определить только на основании наблюдения тенденции одной какой-либо эпохи. Человечество вовсе не всегда правильно догадывается, к чему оно идет. История Греции, по общему убеждению всех ее политических людей и граждан, была

процессом развития демократии. А между тем он на самом деле завершился всемирной монархией Александра Македонского, который явился представителем культурного дела, подготовленного предшествовавшим периодом развития демократии. Такого исхода не ждали греки ни при Фемистокле, ни при Перикле. Не представляли себе и доблестные республиканцы Рима, времен Пунических войн, грядущего появления Цезаря и Августа... Властвующим принципом будущего всегда явится тот, который наиболее способен осуществить задачи органического развития нации, и, рассматривая современный исторический процесс культурных стран, весьма вероятно ожидать возрождения монархического принципа».

Писалось это накануне страшной смуты, опрокинувшей трехсотлетнюю династию Романовых и созданное ею государство.

Однако пророчество Тихомирова сбылось самым неожиданным образом: на смену недолговечной демократии явился красный абсолютизм. Сегодня мысли идеолога монархии вновь актуальны в контексте политического развития России после крушения коммунизма. Дрейф в сторону авторитаризма поставил на повестку дня вопрос о возрождении монархии в России. Не сегодня, а послезавтра.

Десятки статей на эту тему в российской прессе, публикация книг виднейших монархических мыслителей прошлого пока отражают лишь зарождение интереса к проблеме, но уже сегодня можно сказать, что мало кого шокирует возможность реставрации сама по себе. Озадачивает скорее легитимность прав тех или иных претендентов на опустевший престол.

Безусловно привлекательным представляется опыт Испании, плавно вышедшей из обветшалого режима диктатуры к цветущей сложности современного общества под зонтиком монархии. Наш

исход из тоталитаризма еще болезненнее из-за отсутствия традиционных скреп, сохраненных франкизмом.

Единая державная воля, не оспариваемая каждые четыре года за ломберным столом системы всеобщего голосования, а принимаемая как закон природы, способна сплотить мятущиеся племена и народы ради осмысленного исторического делания.

Драгоценный опыт успешно развивающихся монархий современности может пригодиться России, в истории которой монархическая эра продолжалась 1155 лет, а тоталитарный режим продержался 73 года.

Существующий сегодня в Омане политический режим в наибольшей степени совпадает с идеалом русских монархистов. То, что для нашей страны стало утраченным золотым веком, остается источником вдохновения современных политических мыслителей. Но еще более значимым импульсом для развития этого идейного направления может стать изучение живой действительности. Ни в одной стране мира политическая теория самодержавия не была разработана столь глубоко, как в России, мало где монархический режим достиг столь блестящих практических результатов, как в султанате Оман.

На вопрос, каким султан Кабус бин Саид видит будущее его страны, Его Величество ответил одним словом: светлым. И добавил: "Оман входит в 21 век с солидной базой. Но нельзя останавливаться, надо постоянно действовать. Сделав один шаг, надо сразу думать о следующем".

ОРКЕСТР И ДИРИЖЕР

День 9 ноября 1999 года выдался теплый – 34 градуса по Цельсию. Такая температура может свести с ума в Москве, но в окрестностях Низвы она воспринимается иначе - для Внутреннего Омана это не жара, а приятная, мягкая погода. Сидя в большом зеленом шатре в шерстяном костюме, я совершенно не ощущал

неудобств, точно так же как и посол Ирана, сидевший напротив меня в еще более строгом официальном одеянии черного цвета. Оманцы, одетые в легкие дишдаши, чувствовали себя тем более комфортно. Мы ожидали аудиенции у султана, настроение у всех было приподнятое...

Через распахнутые входы в палатку видна плоская равнина, поросшая редкими деревцами с зонтиковидной кроной. В отдалении желто-пепельной грядой поднимаются горы. Уже не в первый раз полевой лагерь султана расположился здесь, в урочище Сех аль-Баракат (в оманском диалекте *сех* – это узкая плодородная полоса между пустыней и горами, а *баракат* значит благословенный).

Остановившись здесь во время тура по стране, монарх не только встречается с подданными, но и принимает иностранных гостей, которые могут за три часа добраться сюда из Маската по прекрасному шоссе, пересекающему горный хребет. В противоположной стороне лежит Низва.

Небо прозрачно и безмятежно. Великая тишина царит над землей. Ничто не потревожит мистической сосредоточенности мудреца и властелина, погруженного в раздумья. Быть может, и в минувшие века располагались здесь для неспешных бесед духовные и светские люди Омана.

Сегодня в многочисленных палатках, оборудованных самыми современными средствами связи, работают министры и генералы. Невидимые миллионы бит информации стекаются сюда, донося тревожно дыхание большого мира, позволяя ощутить ровный пульс страны. По разветвленной паутине трубопроводов, этой системе кровообращения экономики султаната, струятся миллионы баррелей нефти.

По медным проводам неслышно льются сотни тысяч киловатт электрической энергии, дающие животворящую силу

машинам и механизмам, гонящим воду в дома и на поля, плавящим медь, вращающим цементные печи. Спаянные единой волей в могучую армаду, в тревожной готовности стоят вереницы самолетов, танков и бронемашин.

Вся мощь современного государства повинуется движению мысли человека, сидящего на ковре в большой темно-красной палатке. Среди аскетического убранства, такого же, как то, что окружало имамов, разбиравших племенные споры и рассуждавших с законоведами о тонкостях фикха, сегодня рассматриваются инвестиционные проекты стоимостью в сотни миллионов долларов, планы широчайшего внедрения Интернета, создания современных металлургических и химических производств, прокладки газопровода по дну Индийского океана.

Наступают сумерки. Из пустыни тянет прохладой. Небо на западе мало по малу приобретает тот оттенок, который Кнут Гамсун сравнил с цветом лососины. Я вспоминаю этот образ, но стараюсь найти ему соответствие в реалиях окружающей жизни.

Быть может здесь подойдет иная метафора – цвета дыни? Перебираю в воображении краски оманских просторов – это прежде всего пастельные тона голых холмов, песчаных дюн, старинных селений, сливающихся с пейзажем. Даже верблюды кажутся продолжением складок земли. Эта удивительная однородность цветов не нарушается и растительностью – благородная бледность листвы, словно подернутой пеплом, дополняет приглушенную гамму. Но небо живет иными красками, они сродни отблескам костра на клинке, золотым таинственным бликам на женских браслетах...

В шатер входит гвардеец в дишдаше песчаного цвета. Я слышу в его быстрой речи знакомое слово *малик* (царь). Значит, кто-то из нас сейчас отправится на встречу с монархом.

Сопровождающий подает мне знак – следовательно, это моя очередь.

Прошли недолгие минуты в размышлении о поэтических метафорах, а день уже сгорел, и звезды усеяли небосвод. Джип медленно катит по неровной грунтовой дороге, выхватывая фарами каменистое пространство, покрытое редким кустарником. Вдруг свет гаснет и мы едем в полной темноте, ориентируясь по лучикам фонарей, мигающим впереди. Остановились, выходим.

В темноте угадываются островерхие очертания палатки. Над освещенным входом ее небольшой козырек из полотна, обшитого тесьмой. Под ним на ковре стройная фигура в белой дишдаше. Черты лица еще не различить, но обрамляющую его седую коротко стриженную бороду невозможно не узнать.

Энергичное сердечное рукопожатие. Проницательный и теплый взгляд султана. Легкая улыбка на губах. Как мало он похож на те сотни портретов, которые я внимательно разглядывал в книгах, журналах и газетах. Он выглядит по крайней мере на десять лет моложе всех своих фотоизображений. Живость реакции, блеск глаз, благородную сдержанность мимики и жестов не передаст ни фотоснимок, ни даже видеопленка.

Мы сидим в легких креслах. Между нами лишь небольшой круглый столик. На полу тонкий персидский ковер. Вот и все убранство. Во время беседы султан изредка жестикулирует правой рукой. Узкая ладонь, длинные пальцы, серебряный перстень на мизинце. Движения грациозны и скупы, но в них угадывается скрытая энергия. В том, как сидит, говорит и улыбается этот человек, выражается абсолютная раскованность и свобода. Невозможно определить особенность этой манеры держаться иначе как словами «царственная простота». Так сидеть может лишь тот, чьи предки две сотни лет восседали на троне. Я много раз видел телевизионные репортажи, посвященные мероприятиям

с участием султана Кабуса, и всякий раз поражался совершенству его осанки. Столь идеальную посадку можно наблюдать лишь на стенах египетских храмов – так изображались фараоны, принадлежавшие к тысячелетним династиям.

Беседа плавно переходит от детских лет Его Величества ко временам учения и армейской службы, касается его представлений об историческом прошлом и сегодняшних проблемах Омана, о музыкальных вкусах и любимых книгах. То, что я слышу, существенно дополняет уже известное мне, заставляет по новому увидеть некоторые факты. Но эту информацию невозможно измерить количественно. Главное в другом: гора сведений, почерпнутых мною из книг, газет, интервью и других источников, начинает выстраиваться в стройное единство, подобно тому, как разрозненные стеклышки при повороте калейдоскопа образуют совершенный узор.

В искренней и горячей интонации, с которой султан говорит о дорогих для него именах титанов человеческого духа, об образовании, о нравственных ценностях, мне открывается гораздо больше, чем в фолиантах, посвященных политике монарха в области просвещения и культуры.

Не могу себе представить политического деятеля в современной России, да и где-либо еще, для которого музыкальные переживания были бы столь же значимы, как и перипетии игры на великой шахматной доске, где фигурами являются армии и символы экономической мощи. Вот это и есть видимое проявление превосходства монархической модели. Никогда из кучи-малы, преграждающей путь к вершине власти в современной демократии, не выберется человек, для которого одинаково важны вопросы сохранения хрупкого мира природы и задачи наращивания военной мощи. Из этой свалки скорее всего выдерется изрядно помятый персонаж, перепачканный слюной и

кровью, который взгромоздится на президентский трон и будет зорко поглядывать, не грозит ли кто-нибудь или что-нибудь его исключительному положению.

Я уж не говорю о правящей верхушке тоталитарных режимов, состоящей, как правило, из людей пробившихся наверх благодаря умению быть лакеем и тираном одновременно. В этой среде уж точно не встретишь людей способных пролить слезу над сломанным деревом или загубленной птицей.

Султан Кабус выдвинул задачу облагораживания облика своей страны. Для обозначения этого процесса в переведенных на английский язык документах правительства используется термин beautification от beautiful (красивый, прекрасный). По-русски, следовательно, можно перевести как опрекраснивание, прихорашивание. Какой контраст с бесконечным числом определений с тем же суффиксом –ация, порожденных во времена социализма в России! Каждый новый вождь громычал собственным новообразованием – Ленин электрификацией, Сталин индустриализацией, Хрущев химизацией, Брежнев интенсификацией, Горбачев компьютеризацией. Бьютификация никаких аналогов в советском новоязе не имела. Все советские –ации были делом необходимым на каждом историческом этапе, но их внедрении почему-то всегда происходило в ущерб красоте жизни, ломало человеческие души, губило природу. Результатом семидесятилетнего суховея этих аций стало усыхание могучего потока русской культуры, одичание людей и воцарение всеобщего равнодушия.

Одним из самых назойливых лозунгов, венчавших все здания электростанций, был ленинский «Коммунизм - это советская власть плюс электрификация всей страны». В Омане нигде никаких признаков «наглядной агитации» не заметишь, но если бы возникла необходимость на советский манер сформулировать цель

развития этой страны, я бы сказал так: «Современная монархия – это наследственная власть плюс бьютификация всей страны». Но здесь, слава Богу, нет потребности в подобного рода изысках. Народ, строящий новую жизнь на тысячелетних нравственных устоях, не нуждается в пропагандистских инъекциях.

Бьютификация в Омане проявляется во всем – от массовой реставрации памятников старины (крепости, мечети, базары) и современного строительства в духе архитектурных заветов старины до создания симфонических оркестров и организации показов национальных женских нарядов. На всем этом лежит печать личного вкуса султана.

Облик Маската, удачно избежавший космополитического обезличивания (от которого заметно пострадало большинство арабских столиц) и вызывающий представление о классическом городе мусульманского Востока, позволяет судить о той бережности, с которой монарх относится к традициям. Чарующее впечатление оставляет сочетание суровых гор с застывшими на их склонах древними фортами и белых дворцов, осененных пальмами.

Духовной основой модернизации является ислам. Четыре тысячи мечетей, построенных и обновленных за годы правления султана Кабуса, пять раз в день заполняются ревностными оманцами, так же, как и их предки, соблюдающими все установления Пророка. Столь же велика их преданность национальным обычаям – наверное, нет другой страны в арабском мире, где в такой степени сохраняются бытовые привычки, доставшиеся в наследство от прошлого. Национальная одежда предпочитается всеми без исключения – от студента до министра. Всякое официальное лицо при исполнении служебных обязанностей вооружено ханджаром.

Любовь к оманским народным обычаям сочетается у Кабуса бин Саида с глубоким знанием этикета иных стран. Он везде ощущает себя легко и свободно, так как внимательно изучает протокол тех государств, где ему приходится бывать. Его способность очаровывать людей имеет не только межличностное, но и политическое измерение. Недаром Оман за годы его правления посетили едва ли не все мировые лидеры.

Если для некоторых соседних стран визиты глав иностранных государств – экстраординарное событие, то посещение Омана звездами мировой политики – обычное дело. В списке высокопоставленных гостей султана за эти годы - короли Фахд, Хусейн и Бирендра, королева Елизавета II, шах Мухаммед Пехлеви, султан Болкиах и шейх Зайед, Джордж Буш-старший (в бытность вице-президентом США) и Франсуа Миттеран, Индира Ганди и Атал Бихари Ваджпай, Тосики Кайфу и Курт Вальдхайм, Маргарет Тэтчер, Билл Клинтон и Виктор Черномырдин.

Принц Чарльз и принцесса Диана, руководители самых авторитетных международных организаций, посетившие Маскат, могли бы вслед за саудовским принцем Халедом бин Султаном повторить: «я удостоился приватной беседы с правителем Омана султаном Кабусом – корректным, высокообразованным и очень информированным человеком, заслуживающим всяческого уважения».

Мировых лидеров привлекает, конечно, не только личное очарование султана. Прежде всего они ценят возможность обменяться мнениями с одним из опытнейших и проницательнейших политиков, заслужившим неофициальное прозвище «Мудрый человек Залива». Так же как великолепная осведомленность о внутреннем положении Омана, его глубокие познания относительно ситуации в других странах позволяют ему

реалистически строить свою политику и просчитывать результаты самых сложных ходов на годы вперед.

Только увидев и услышав султана лично, начинаешь глубже понимать природу его политики. Эта ярко выраженная творческая личность привносит артистизм во все, чем занимается. И ежегодные туры по стране, представляющие собой цепь блистательных мизансцен, и стремительные военные операции, приводящие в восторг сочетанием легкости и мощи, дерзости и точного расчета, и поражающие силой интуиции ходы во внешней политике - отражение богатой, жадной до дела натуры монарха.

Говорят, что временами султан отправляется за рулем автомобиля в своеобразные инспекционные поездки по столице и ее окрестностям, чтобы посетить интересующие его объекты, оценить работу городских служб по озеленению и поддержанию чистоты на улицах.

Выезды эти происходят под покровом темноты, дабы избежать лишней помпы. В этом смысле монарх следует очень давним традициям исламских правителей, стремившихся к получению неприукрашенной информации о настроениях народа и о делах в государстве. Так поступали Гарун аль-Рашид, фатимидский халиф Египта Хаким, а в наше время этот обычай практиковал король Иордании Хусейн, много времени проведенный за рулем под личиной словоохотливого таксиста на шоссе Амман – Эз-Зарка. Но наверное никто из современных правителей не сделал систему обратной связи с народом одной из основ государственной системы. Султан Кабус за тридцать лет своего правления посетил, наверное, каждое селение Омана, побеседовал со всеми людьми, имеющими авторитет в своей округе, или хотя бы пожал им руку.

Вспоминается пушкинская строфа о Петре Великом: «то академик, то герой, то мореплаватель, то плотник, он всеобъемлющей душой на троне вечный был работник».

Султан Омана из этой породы тружеников. Уже перечень занимаемых им постов дает представление об объеме дел, требующих его решения ежедневно. В одном из своих интервью он пожаловался: «Бумаги, бумаги, бумаги! Они приносят мне бумаги даже после обеда. Я назначаю своих представителей, но они все же хотят моих комментариев. И становится все хуже и хуже. В начале было всего одно министерство, министерство внутренних дел – а теперь...».

Министр Дивана свидетельствовал: «Очень большой объем документов поступает к султану. Декреты, указы, верительные грамоты, наградные документы. Какие-то вопросы он откладывает, на 2-й, на 3-й раз. Для Его Величества характерна взвешенность решений. Но если необходима срочность, документ подписывается быстро».

Министр Дивана лучше чем кто либо знал о том объеме дел, с которым приходится справляться монарху. Ведь именно это ведомство формирует его повестку дня, получая заявки от министерств и зарубежных стран. Сводя их воедино, Диван готовит программу и на перспективу, и на каждый день, которую султан утверждает.

Отвечая на вопрос об особенностях трудового распорядка главы государства, министр рассказал, что обычно день складывается напряженно. Султан очень ценит человеческие контакты, поэтому старается как можно чаще встречаться как с государственными деятелями, так и с простыми людьми. Он читает очень много писем.

Характерно, что почти на каждом из них есть его пометки – Кабус бин Саид даже исправляет грамматические ошибки, обводит

слова, которые не понял, просит разъяснить ему их значение. В большинстве случаев на письмах есть резолюция монарха. Отслеживается исполнение решений по ним. Письма подаются едва ли не каждый день, ибо всякий человек может дожидаться у дворца выхода султана и подать ему просьбу.

Его Величество чуть не ежедневно выходит из дворца поговорить с людьми, а если собралось некоторое количество народа, это бывает и дважды в день. Султан выходит один, без охраны. Здесь, как и в ходе ежегодных поездок по стране вопросы ставятся очень откровенно. Часто решения по жалобам принимаются немедленно.

Нередко прошения передаются в суд для дальнейшего разбирательства. Если человек пожаловался на должностное лицо, обязательно следует строгое расследование дела. Этот стиль монарха подстегивает и чиновников, они стараются не зарастать жиром, сидя в офисах, но тоже стремятся больше общаться с людьми, чтобы быть в курсе настроений, уметь дать точный ответ на запрос султана, не попасть впросак.

Когда я беседовал с женщинами-членами Государственного Совета, то узнал, что нередко случаи, когда к султану за помощью обращаются вдовы или малоимущие женщины. Монарх отдает соответствующее распоряжение, и Диван выплачивает денежное пособие.

Помимо текущих дел по управлению страной, монарх осваивает большой объем сведений по разным вопросам, направляемых министерствами – аналитические записки, подборки статей из прессы. В случае необходимости уточнить какой-то вопрос, султан звонит министрам, руководителям вооруженных сил, своим советникам. При этом он не ограничивается знакомством с подобранными и отреферированными материалами. Министр по иностранным делам так говорит об источниках

информации султана: «Он читает очень много и по собственному выбору. Султан лично следит за всеми новостями с помощью современных средств коммуникации, в том числе телевидения».

Как трудно отделить в деятельности монарха те моменты, когда он занят изучением документа, от тех, когда он «просто смотрит» выпуск теленовостей, так же нелегко обозначить дни и часы, которые посвящены отдыху. Министр Дивана рассказывал: «Время для отдыха у султана очень ограничено. Не получается полностью отстраниться от дел. У нас такая практика - летом мы объявляем, что Его Величество в отпуске, но на деле и тогда у него постоянно встречи, ознакомление с документами, подписание бумаг». Даже когда монарх выезжает с частной поездкой в Европу (это случается раз в 3-4 года), ему не удается отвлечься от государственных забот. Когда соответствующие ведомства султаната готовят такие визиты, они все равно получают от властей страны, куда едет султан, заявки на встречи.

Если свободная минута все же выдается, Кабус бин Саид предается чтению книг по истории, политике, науке и военному искусстве²⁷. Он опытный наездник и знаток лошадей, поэтому с удовольствием проводит время в прекрасных конюшнях, выстроенных неподалеку от его дворца, занимается выездкой, совершает верховые прогулки. Водная стихия также привлекает его, и время от времени он отправляется в океан на своей яхте.

²⁷ В интервью журналу "Middle East Policy" (апрель 1995) султан говорил: «Моим преимуществом было то, что я в течение многих лет читал политические и философские сочинения многих из выдающихся мировых мыслителей. В некоторых случаях, конечно, я был не согласен с теми мыслями, которые они высказывали, но это несогласие само по себе оказалось ценным для эволюции моих сформировавшихся взглядов и для признания необходимости учитывать все стороны проблемы».

Судно оборудовано всеми видами связи, поэтому и вдали от берегов монарх, случается, принимает решение по делам, не терпящим отлагательства. Еще одно хобби султана – стрельба из всех видов оружия.

Но наиболее сильное из всех увлечений монарха – музыка. Трудно даже говорить, об этой стороне его натуры как об одном из пристрастий. Быть может, музыка значит для него столько же, как и политика.

Познания султана в области музыки очень значительны.²⁸ На вопрос, кто из русских композиторов близок ему, он быстро ответил: Чайковский, Римский-Корсаков, Рахманинов. И тут же добавил: «Мне нравятся многие европейские композиторы – например, финский Сибелиус. Кроме того, Брамс, Бах, Эльгар, Олсон. Прежде всего классика. Но я наслаждаюсь и народной музыкой разных стран и континентов – польками, румынскими, арабскими танцевальными мелодиями. К сожалению, исполнительский уровень в арабской традиционной музыке значительно снизился. Нарушена преемственность, среди исполнителей немного тех, кто может в неприкосновенности сохранять нашу классику. Мы в Омане стараемся сохранять музыкальное наследие.

Я не могу отдать предпочтение какому-то одному направлению или отдельным произведениям. Меня привлекает музыка Андалузии, турецкая и иранская музыка, многое в индийской и африканской музыке. Разумеется, я очень люблю музыку разных арабских стран, особенно Йемена. Оманская музыкальная культура развивалась под воздействием многих

²⁸ Министр Дивана свидетельствует: «Его Величество действительно очень хорошо знает классическую музыку, до такой степени, что может заметить при прослушивании ошибки исполнения - например: такая-то скрипка фальшивит».

других культур – Индии, Белуджистана, Африки. Наша музыка чрезвычайно многообразна и выразительна. К счастью, в Омане прекрасно сохранились исполнительские традиции, и я стараюсь всеми силами способствовать их развитию. Но на этом мы не замыкаемся. У нас созданы оркестры всех основных типов – симфонический, военный, джазовый и т.д.

Я надеюсь, что все эти усилия по развитию музыки приведут к осуществлению моей цели – подъему культурного уровня народа в целом, и музыкального образования в частности».

Сформированный благодаря участию султана Оманский симфонический оркестр сегодня достиг зрелости, входящие в него музыканты прошли обучение у знаменитых композиторов, некоторые закончили специальные курсы во всемирно известных европейских музыкальных центрах, особенно в Великобритании. Развивается музыкальное образование и в султанате, так что у сегодняшних исполнителей растет достойная смена. Созданы прекрасные оркестры при различных видах вооруженных сил, получившие международное признание.

Министерство информации организовало Центр по изучению народной музыки, издает фольклорные записи, выпустило энциклопедию традиционной музыки; большой объем эфирного времени на радио и телевидении занимает трансляция выступлений народных музыкальных коллективов.

Министр информации, рассказывая об этом, приводит пословицу «Кто знает благое, сам благой человек». Это мудрое высказывание могло бы служить одним из ключей к пониманию личности монарха. Воистину, влюбленность султана в высшие достижения человеческой культуры, его огромные познания в области религии и истории не могут не создавать вокруг него своего рода поля благодати.

Усилия распространить культуру в народе, способствовать сохранению духовного наследия лучше всего свидетельствуют о щедрости властителя, ибо затраты не эти цели никогда не диктуются соображениями прибыльности...

Когда у султана выдаются минуты отдохновения, он берет лютню и, перебирая струны, импровизирует. Иной раз играет на органе, но это бывает редко.

В одном из интервью, отвечая на вопрос о том, какое музыкальное произведение он взял бы с собой на необитаемый остров, монарх сказал, что это была бы 6-я пастораль Бетховена. И это признание, и другие высказывания султана о его музыкальных предпочтениях, позволяют сделать вывод о том, что это уравновешенный человек, живущий в согласии с самим собой.

И совершенно закономерными видятся соответствия его политического стиля с его художественными предпочтениями. Человек, обладающий таким вкусом, вряд ли станет действовать в политике, как внутренней, так и внешней, методами диктата.

Если уподобить лидера нации руководителю музыкального коллектива, то его сверхзадача – добиться полного раскрытия возможностей каждого исполнителя, а для этого нужно дать простор инициативе артиста и умело направлять усилия каждого к раскрытию идеи произведения.

Вся тридцатилетняя история оманского Ренессанса прошла под знаком гармонии, красоты и согласия.

Султан обычно начинает свою речи с обращений «Уважаемые земляки», «Мой дорогой народ». Это не просто ритуальные обороты, но отражение глубокого внутреннего убеждения. Выше всего монарх ценит глубоко человеческие и доверительные взаимосвязи, сложившиеся в оманском обществе; их можно уподобить отношениям в большой и дружной семье.

Беседуя с английской журналисткой Вероникой Маклин, он сказал: «Я чувствую себя в ответе за весь мой народ. Монарх должен чувствовать себя отцом своего народа. Монарх это зеркало. Он отражает религию своего народа, его историю, его культуру. Народ чувствует свою коллективную натуру лучше через монарха. Монарх должен всегда понимать народ, узнавать о его нуждах. Он должен действовать в его интересах, прежде чем народ попросит его об этом... Молодым людям скучно со старыми королями. Они думают, что все понимают лучше. Так что система не может стоять на месте, она должна все время улучшаться, и вы никогда не должны позволять появляться трещинам. Никогда».

Если понимать народ как существующую на каждом конкретном историческом этапе часть нации, то уподобление монарха главе семьи закономерно. Но по отношению к вневременному понятию нации, возникшей на заре истории, глава государства является одним ее сынов. Только тот, кто чтит вековые обычаи, кто сознательно хранит культурный код своей нации достоин этого имени. Хотя все люди, принадлежащие к одному народу, являются сынами нации, не каждый достоин этого имени в высшем, духовном значении слова.

Саид бин Теймур, проживший последние два года своей жизни в люксе своей любимой лондонской гостиницы «Дорчестер», сопереживал своему сыну и, наверное, испытывал угрызения совести за то, что без всяких оснований шесть лет продержал его на положении узника.

В воспоминаниях бывшего статс-секретаря по иностранным делам Омана Нейла Иннеса, часто видевшегося с экс-султаном, есть такое свидетельство: «Он принял ситуацию очень философски, и в каком-то отношении, я думаю, он обрадовался, что его освободили от его прошлых обязанностей и что у него появилась возможность расслабиться. По крайней мере, его сын

принял от него власть без более страшной революции, которой он опасался, и которая могла бы полностью перевернуть султанат. Я думаю, что в глубине души он гордился сыном».

Это на самом деле так – известно, что Саид бин Теймур писал из Лондона сыну письма полные нежности и заботы. И хотя в душе у Кабуса бин Саида еще долго жила обида, он преодолел ее. Свидетельством исторического примирения отца и сына всегда будет служить великолепная мечеть Саида бин Теймура в маскатском районе Хуваир, построенная по указанию султана Кабуса.

Отношения Кабуса бин Саида к его матери всегда отличались особой теплотой. В самые трудные для сына годы сейида Мизун своим участием и проникновенным словом помогала ему обрести силы и веру в будущее.

И став султаном, он постоянно прислушивался к ее советам, высоко ценя ее острый и практичный ум. Когда 12 августа 1992 года она скончалась, это было громадной потерей для монарха. Ее погребли на родине, в Таке, неподалеку от Салалы.

В ограде мечети на старинном кладбище высятся несколько одинаковых мраморных плит, под которыми покоятся дед, дядя и мать султана. На надгробном камне сейиды Мизун помещена традиционная эпитафия:

«О ты, душа упокоившаяся!

Вернись к твоему Господу довольной и снискавшей
довольство!

Войди с моими рабами,

Войди в мой рай!».

(Сура 89, 27-30)

Люди из племени маашан, населяющие Таку, рассказывают, что иногда ночами к древнему кладбищу подъезжает джип, из которого выходит человек с коротко постриженной седой бородой,

знакомой всему Оману. Он подолгу стоит возле могилы, скрывшей прекрасную мудрую женщину. Султан не хочет, чтобы вокруг собралась толпа, поэтому выбирает ночное время, когда городок спит.

Только шепот океанских волн может нарушить его безмолвный разговор с дорогим для него образом, навсегда оставившим этот мир. Наверное, не раз он уносится воображением в те годы, когда он посещал сейиду Мизун, стройную, красивую, в доме, где он появился на свет. Он готов был подолгу беседовать с ней, порой забывая обо всем на свете...

В Таке перед восходом тысячи птиц гомонят в кронах пальм. Солнце встает на границе суши и океана. Его лучи очерчивают на поверхности воды силуэты множества рыбацких лодок. Стаи чаек кружат над сетями, надеясь на добычу. Там и сям океанская гладь вдруг вскипает – тысячи мелких рыбешек выбрасываются из воды, спасаясь от хищника. Медленно-медленно отлив отдаляет береговую линию, оставляя на песке разнообразную поживу для кошек и птиц.

Глядя на эти вечно повторяющиеся картины мирной жизни, которые Кабус бин Саид видел перед собой из окон дворца Аль-Хусн, постигаешь один из истоков его личности. Думается о том, что его уравновешенный, гармоничный характер формировался не только под воздействием его семьи и нации, но и под влиянием ритмичного, глубокого дыхания океана, всегда служившего символом свободы и бесконечности бытия.

Недаром жители приморских мест в любом конце земли отличаются спокойным и независимым нравом, обстоятельностью и терпимостью.

Оманские арабы уже в давние времена были открыты миру. Их караваны уносили за тысячи миль по горам и пустыням драгоценные дары земли – мирру и ладан. Их корабли бросали

якоря у далеких берегов, населенных людьми иных рас, иных культур. В шелесте песков и в бессвязном лепете волн они старались расслышать зов вечности, разобрать веления Бога. Те, кто постигал это, оказывались избранниками истории – вожди, религиозные подвижники, мудрецы. Эти отцы народа становились предметом гордости последующих поколений, а образы их сделали со временем символами национальной чести, достоинства, героизма.

Пройдут годы, десятилетия и века. И созерцая вечно повторяющиеся картины жизни океана, поэты иных времен все так же будут стараться проникнуть в смысл нескончаемой саги, слагаемой волнами, и кто-то из них, так же как и мы, станет искать в ней ключ к образу незабываемого сына этой земли, преобразившего ее на рубеже тысячелетий...

<u>ПРЕДИСЛОВИЕ.....</u>	<u>1</u>
<u>.....</u>	<u>2</u>
<u>ТРЕВОЖНАЯ ОСЕНЬ.....</u>	<u>2</u>
<u> ЗЕМЛЯ, ОКЕАН, ЛЮДИ.....</u>	<u>8</u>
<u> ЦЕНТР МИРА</u>	<u>23</u>
<u> СВЯТОСТЬ И ГОРДЫНЯ.....</u>	<u>32</u>
<u> ВЕЛИЧИЕ И НИЧТОЖЕСТВО.....</u>	<u>52</u>
<u> РОЖДЕНИЕ ДИНАСТИИ.....</u>	<u>61</u>
<u> ВСЕ БОГАТСТВА ЗЕМЛИ.....</u>	<u>74</u>
<u> ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ.....</u>	<u>87</u>
<u> ОСЕНЬ МОНАРХА.....</u>	<u>117</u>
<u> ТРУДНЫЕ РЕШЕНИЯ</u>	<u>126</u>
<u> ВОЙНА ЗА СЕРДЦА.....</u>	<u>140</u>
<u> СЕМЬЯ НАРОДОВ</u>	<u>173</u>
<u> РЕНЕССАНС.....</u>	<u>209</u>
<u> ПЕРЕД ЛИЦОМ БУДУЩЕГО.....</u>	<u>236</u>
<u> ОРКЕСТР И ДИРИЖЕР.....</u>	<u>266</u>